

ISSN 0042-8779

ИВЛ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

8

2014

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

8/2014 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

- Конференция Пражской группы партии социалистов-революционеров 1931 г. Публикацию подготовили
А.П. Новиков и А.Ю. Сулов 3

СТАТЬИ

- А.А. Пасс** — «Неонэп» Г.М. Маленкова и кооперативная
промышленность в 1953—1956 гг. 27

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- М.В. Медоваров** — Александр Алексеевич Киреев 39

ВОСПОМИНАНИЯ

- А.Н. Сахаров** — «Идеологический десант в Кабуле». Вес-
на 1980 г. 68

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

- А.Ю. Ватлин** — Финансовая политика советских властей
Баварии в 1919 г. 77

Выходит
с 1926 года

ООО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

СООБЩЕНИЯ

- А.В. Шипилов** — Новое и старое в поместном быту России в первой половине XVIII в. 89
- Д.С. Аннаоразов** — Туркменские воины на фронтах первой мировой войны 103

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

- М.А. Сидоренко** — Уход со сцены Людовика XIV 124

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- М.Р. Гасанов** — Маскат (Маскут) — политическое образование Восточного Кавказа 141
- А.Н. Нестеренко** — Тевтонский Орден в войне 1240—1242 гг. 146

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИЙ

- А.В. Соколов** — Разгром православных храмов в Петрограде во время февральских событий 1917 г. 153

ИСТОРИОГРАФИЯ

- О.В. Лукаш, В.Л. Портных** — Источники по истории детского крестового похода 1212 г. 162
- А.А. Постникова** — В.Н. Земцов. Наполеон в Москве 174

Конференция Пражской группы партии социалистов-революционеров 1931 г.

В начале 1931 г. Пражская группа партии социалистов-революционеров провела теоретическую конференцию, посвященную обсуждению различных вопросов программы партии эсеров, находившейся в эмиграции. Всего было проведено 18 заседаний, обсуждено 7 докладов¹. Примечательно, что в работе конференции не принимал участия один из лидеров партии В.М.Чернов, находившийся в тот момент в Праге. Очевидно, он не был приглашен на конференцию из-за острых разногласий в рядах социалистов-революционеров в эмиграции.

Материалы данной конференции, за небольшим исключением не опубликованные и не введенные в научный оборот², являются ценным источником для понимания эволюции программных установок партии социалистов-революционеров в эмиграции в 1920—1930-е годы.

Несмотря на то, что руководство ПСР крайне отрицательно относилось к наличию значительной эсеровской эмиграции, за границей после октября 1917 г. в конце концов оказалось довольно много видных деятелей партии, в том числе Чернов, Н.Д. Авксентьев, Е.К. Брешко-Брешковская, М.В. Вишняк, В.М. Зензинов, Е.Е. Лазарев, О.С. Минор и другие.

Начало эсеровской эмиграции положил отъезд Н.С. Русанова и В.В. Сухомлина в марте-апреле 1918 г. в Стокгольм, где они с Д.О. Гавронским образовали Заграничную Делегацию ПСР. В августе 1919 г. ЦК ПСР постановил передать мандат на представительство партии за границей «гг. Рубановичу, Русанову, Сухомлину и Гавронскому»³. В январе 1922 г. Центральное Бюро ПСР утвердило Заграничную Делегацию в составе Зензинова, Рубановича, Русанова, Сухомлина и Чернова⁴. Местом пребывания ЗД ПСР был избран Париж, а с конца 1923 г. — Прага. Кандидатами в члены ЗД ПСР стали С.П. Постников, М.Л. Слоним и Г.И. Шрейдер.

Эсеровская эмиграция оставила большое идейно-теоретическое наследие, в том числе мемуарные и исторические работы (многие из которых не опубликованы), непредвзятое изучение которых представ-

ляет немалый научный интерес. Это касается не только творчества Чернова, но и целого ряда других социалистов неонароднического толка.

В 1922 г. социалисты-революционеры в эмиграции начали кампанию протеста против судебного процесса над эсеровскими лидерами в Москве ⁵.

С 16 по 24 ноября 1923 г. социалисты-революционеры провели в Праге первый съезд заграничных организаций ПСР. На нем для руководства партийной работой в эмиграции был избран Областной Комитет заграничных организаций ПСР в составе Гуревича, В.И. Лебедева, Ф.Е. Махина, Минора, И.П. Нестерова и Е.Ф. Роговского. В апреле 1925 г. Центральное Бюро ПСР утвердило следующий состав Заграничной Делегации: Гуревич, Постников, Слоним, Е.А. Сталинский, Сухомлин, Чернов и Шрейдер ⁶. Однако уже в 1926 г. Заграничная делегация ПСР раскололась: Чернов и его группа (Гуревич и Шрейдер) стали контролировать центральный орган партии «Революционную Россию», Сухомлин был исключен из редакции и создал в 1927 г. в Париже журнал «Социалист-революционер».

Пражская группа ПСР официально была организована в ноябре 1922 года. Она насчитывала около 40 членов и была, наряду с парижской, одной из ведущих в эсеровской эмиграции. В Праге длительное время жил Чернов и целый ряд других видных деятелей ПСР, здесь выходили печатные органы партии. Чехословацкое правительство длительное время в рамках широко известной «Русской акции» поддерживало эмигрантов, в том числе социалистов-революционеров. Именно пражская группа эсеров выступила с инициативой проведения теоретической конференции, посвященной обсуждению актуальных вопросов партийной программы в свете изменений, происходивших в Европе и Советском Союзе. Материалы этой конференции по-своему уникальны, так как социалисты-революционеры фактически не обсуждали на своих партийных форумах в эмиграции (имеются в виду съезды 1923 и 1928 гг. в Праге и Париже) концептуальные вопросы, занимаясь, главным образом, организационными проблемами.

В центре внимания на конференции 1931 г. находились вопросы социально-экономического и политического устройства будущей, постбольшевистской России, и формулирование позиции партии социалистов-революционеров по этим проблемам. Уже в первые годы своей деятельности в рядах зарубежных эсеров отчетливо обозначились два идейно-политических течения — правое и левоцентристское. Главным их отличием было разное видение перспектив постреволюционной России. Если правые фактически являлись сторонниками буржуазно-либеральной модели общественного развития, то левоцентристы продолжали настаивать на необходимости строительства демократического социализма на российской почве.

Программа ПСР претерпела значительную эволюцию после 1917 года. Правые эсеры все более склонялись к демократическим, а не социалистическим методам государственного регулирования экономики и организации хозяйства. В общих чертах такая позиция сложилась уже к 1923 году ⁷. В эмигрантский период своего существования и эсеры, и меньшевики отстаивали концепцию «смешанной» экономики, подчеркивали значение в деле восстановления в России иност-

ранного капитала. Обе партии уделяли особое внимание государственному регулированию хозяйства и оставляли в руках центральных властей важнейшие экономические рычаги. Фактически социалисты-революционеры в эмиграции (по крайней мере, большинство их пражской группы) отказывались от лозунга классовой борьбы, предлагая направить ее в «русло культурных форм, в рамках законодательства, охватывающего и обеспечивающего все жизненные интересы рабочего класса», что говорит об эволюции ПСР в сторону социал-реформизма и сближения с европейской социал-демократией.

Вопросы истории партии не входили в повестку дня, однако так или иначе затрагивались докладчиками. Более того, отношение пражских эсеров (среди которых были представители разных партийных течений) к прошлому партии социалистов-революционеров, особенно событиям 1917 г., являлось довольно критическим. Это было заметно во время обсуждения вопроса о политическом строе России после большевизма (доклад С.Н. Николаева и Лазарева).

Материалы конференции в Праге 1931 г. свидетельствуют о противоречивом характере трансформации партии социалистов-революционеров в эмиграции. Сильные стороны неонароднической модели — масштабность, гетерогенность социальной базы, опора на длительную традицию — парадоксальным образом привели эсеров к поражению. Народничество восприняло базовые ценности западной цивилизации, но пыталось смоделировать такую концепцию общественно-экономического развития России, которая, с одной стороны, учитывала ее исторические особенности и особенности менталитета ее народа, а с другой, — взяв наиболее привлекательные черты и ценности западной цивилизации, оставляла за бортом ее негативные черты и тенденции (реакцией на которые явилось, прежде всего, появление в самой западноевропейской общественной мысли и практике феномена социализма). По мере развития коллективизации и индустриализации в Советском Союзе партия социалистов-революционеров утрачивала свое революционное содержание, все сильнее принимая консервативные очертания.

Материалы конференции публикуются по машинописным копиям, хранящимся в коллекции Б.И. Николаевского в Гуверовском институте войны, революции и мира при Стэнфордском университете (Hoover Institution Archives. Nicolaevsky (Boris I.) Collection. Box 28. Folder 11).

В тексте сохранены орфография и текстовые выделения подлинника. Явные ошибки и опечатки исправлены без оговорок. Неразобранные и опущенные слова обозначены значком (...). О ряде лиц, упоминаемых в тексте, сведений обнаружить не удалось.

Публикацию подготовили **А.П. Новиков** и **А.Ю. Суслов**.

Публикаторы благодарят Е.И. Фролову (Санкт-Петербург) и М.В. Ковалёва (Саратов) за ценную информацию.

Примечания

1. В.С. Минахорян писал об этом М.И. Кляверу из Праги в Харбин 15 мая 1931 г.: «Занятия нашей конференции затянулись дольше... мы провели 18 заседаний,

обсудили 7 докладов и надеюсь в ближайшее время послать вам копию всех протоколов с тезисами докладчиков через Шанхай, чтобы и там можно было с ними ознакомиться. Вопрос о созыве съезда З[аграничной] О[рганизации] ПСР, как вы уже знаете из писем О[бластного] К[омитета], достаточно созрел, но съезд без предварительной разработки вопросов, подлежащих его рассмотрению, по мнению почти всех товарищей в Праге, лишен всякого смысла». Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 6065, оп. 1. д. 56, л. 1.

2. ФРОЛОВА Е.И. Об «интегральном социализме» (Из выступления И.И. Калужного на Пражской конференции эсеров 1931 года). — Факты и версии: Историко-культурологический альманах. Исследования и материалы. СПб. 2002, с. 80—87. Фролова указывает, что на конференции было 6 докладов, упустив из виду доклад Минахоряна об организационном вопросе.

М.В. Соколов, анализируя Ташкентскую платформу ПСР, составленную ссыльными социалистами-революционерами в СССР, отмечает: «В конце 20-х гг. часть группы журнала “Воля России” (Е. Сталинский, В.В. Сухомлин, М.Л. Слоним), не принимая дикие методы сталинской коллективизации, была готова использовать ее результаты, то есть обобществление крестьянских хозяйств, а член редколлегии О.С. Минор готов был и вовсе оставить крестьян в колхозах. Эта линия подвергалась резкой критике со стороны А.Ф. Керенского и группы “Современных Записок”. В декабре 1930 — марте 1931 г. проходила конференция Пражской группы ПСР, на которой звучали схожие мысли, и жестко осуждалась практика коллективизации». СОКОЛОВ М.В. Дело «Реставрация». Ташкентская (1930 г.) платформа партии социалистов-революционеров. — Российская история. 2012, № 4, с. 146—163.

Британский историк Э. Уайт в своей книге, посвященной эсеровской эмиграции, в основном проанализировала аграрную проблематику на конференции (доклад П.Д. Климушкина). WHITE E. The Socialist Alternative to Bolshevik Russia: The Socialist Revolutionary Party, 1921—1939. N.Y. 2010, p. 122—125.

3. Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. М. 2000, с. 578.
4. Там же, с. 799.
5. См. подробнее: ЯНСЕН М. Суд без суда. 1922 год. Показательный процесс социалистов-революционеров. М. 1993; ЕГО ЖЕ. Международный резонанс на процесс социалистов-революционеров 1922 года. — Дипломатический ежегодник. М. 1992, с. 405—435; МОРОЗОВ К.Н. Развертывание эсеровской эмиграцией протестной кампании в Европе накануне и во время процесса социалистов-революционеров (8 июня — 7 августа 1922 г.). — Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, филология. Т. 5. Выпуск 1. История. Новосибирск. 2006, с. 52—56.
6. Партия социалистов-революционеров после октябрьского переворота 1917 года: Документы из архива П.С.-Р. Амстердам. 1989, с. 648.
7. ЯРЦЕВ Б.К. Политико-экономическая платформа российского неонародничества в 20-е гг. Был ли у России выбор? (Н.И. Бухарин и В.М. Чернов в социально-философских дискуссиях 20-х годов). М. 1996, с. 172—173.

Конференция Пражской группы ПСР (1931 г.)

Дорогие товарищи!

Конференция пражской группы была созвана комитетом группы. После всего происшедшего в жизни загр. организации, комитет пришел к заключению, что возрождение З.О. может произойти только путем самостоятельности местных групп и непосредственного общения их между собой.

Комитет с этой целью еще с конца 1929 г. обменивался мнениями по этому вопросу с тт. в Харбине, от которых было получено обстоятельное письмо, где затрагивались все вопросы, легшие в основу занятий нашей конференции. Впоследствии нами был получен текст совещания Нью-Йоркских тт. по тем же вопросам, предложенный нам в качестве материала. Обсудив эти материалы на своих очередных заседаниях, группа и комитет почувствовали необходимость более детального подхода к вопросам, возбужденным тт. Помимо всего, необходимость созыва съезда З.О. и обстоятельной предварительной подготовки к нему ставила вопрос о выяснении нашего отношения к наболевшим вопросам программы и тактики партии.

По всем этим соображениям комитет группы постановил созвать конференцию и 16 декабря 1930 г. обратился с особым воззванием об этом ко всем членам группы. 19 декабря того же года состоялось первое организационное собрание группы, где были приняты предложенные комитетом регламент и порядок дня. В дальнейшем, чтобы дать возможность участникам конференции предварительно ознакомиться с материалами, были отпечатаны тезисы докладов и розданы всем членам группы. По окончании этой работы 30 января открылась конференция. Комитет с удовлетворением констатирует деятельное участие тт. на заседаниях конференции, давшее возможность президиуму провести 14 заседаний.

К концу работ конференции доклад т. Новожилова¹ о школьном вопросе был снят. Одновременно было выражено пожелание вместе с этим докладом заслушать еще два доклада по другим вопросам в обычном порядке. Все же остальные вопросы порядка дня были исчерпаны конференцией. Однако нужно сказать, что выработанный комитетом и утвержденный конференцией регламент осуществить не удалось. Некоторые доклады и выступления тт. длились часами, а несоблюдение § 4 регламента об утверждении в начале каждого заседания протокола заседания предыдущего чрезвычайно затруднило дело проверки протоколов и лишило возможности нас своевременно закончить эту работу.

Протоколы отпечатаны по записям т. Минахорьяна², но затем один из отпечатанных экземпляров в качестве контрольного был просмотрен всеми участниками конференции и самими авторами речей и докладов были сделаны необходимые поправки и исправления. Все это из контрольного экземпляра было перенесено на копии. Некоторые страницы ввиду произведенных значительных изменений были перепечатаны снова в исправленном виде. По мнению т. Калюжного³, почти все его выступления оказались неудачно и сжато запротоколированными. Президиум предложил ему самому составить текст своих

выступлений, который и прилагается к протоколам конференции. Кроме того, одно из выступлений т. Новожилова (с. 63—64) вычеркнуто им самим без исправлений и без замены другим. В таком виде представленная вам копия протоколов в контрольном экземпляре была подписана всеми участниками конференции.

К сожалению, работа, возложенная на комиссию, не была закончена. Но ввиду обширности протоколов президиум полагает, что точка зрения каждого товарища выражена довольно подробно и вместе с запротоколированными поправками и предложениями к тезисам докладчиков достаточно выявляет мнения и умонастроения членов пражской группы по вопросам, обсуждавшимся на конференции.

С товарищеским приветом

Члены президиума конференции и Комитета
Пражской организации П.С.Р.

А. Архангельский ⁴

В. Минахорян

П р о т о к о л ы
Первой Конференции Пражской группы
Партии Социалистов-Революционеров.
Заседание от 30-го января 1931 года

Присутствуют гг. Архангельский, Лазарев ⁵, Калюжный, Савинкова-Штомпфе ⁶, Марков ⁷, Лозовой ⁸, Постникова ⁹, Постников ¹⁰, Николаев ¹¹, Нестеров ¹², Милашевский ¹³, Ригана ¹⁴, Минахорян, Якушев ¹⁵, Милашевский, Новожилов, Рабинович ¹⁶.

Заседание открыто в 4 часа по поручению комитета т. Е.Е. Лазаревым.

Т. Л а з а р е в. Дорогие товарищи, я открываю это собрание со смешанным чувством горечи и доброй надежды и даже некоторого удовлетворения. Тяжело нам всем сознавать себя оторванным от нашей родины, дававшей смысл нашей жизни и деятельности. Тяжело видеть нашу родину 13 лет переживающей политический и экономический культурный кризис, не имевший прецедентов в человеческой истории. Под видом коммунизма великий русский народ лишен самых элементарных прав общественной, семейной и личной жизни. В России нет свободных граждан! Русский народ лишен свободы слова, печати, собраний и даже передвижения по собственной стране. Заветный лозунг русского народа «Земля и Воля», полностью осуществленный февральской революцией, ныне, после 13 лет советского, «классового» правления, вновь стал заветным идеалом. Ибо весь русский народ без исключения превращен в крепостное состояние. Чудовищный полицейский террор и систематическая провокация исключают возможность организации какой бы то ни было политической, даже оппозиционно-коммунистической партии. Весь бывший ЦК нашей партии, приговоренный к смерти и оставленный в живых в качестве «заложников», — все члены его, оставшиеся в живых, теперь вновь арестованы, и жизнь их находится под ударом. Тысячи наших товарищей наполняют ссыльные места Сибири, концентрационные лагеря и тюрьмы. И наконец вся Россия превращена фактически в одну

сплошную тюрьму. Тяжело констатировать, но необходимо признать ошибочность лозунга, проповедовавшегося многими нашими заграничными товарищами — лозунга, по которому мы, партийные товарищи, не смеем проводить свои взгляды и действовать за границей самостоятельно, не спросив инструкций от центральных организаций партии в России. Наоборот, мы должны действовать согласно правилам военного времени: отрезанная часть армии должна организоваться тотчас же самостоятельно и действовать, сообразуясь с окружающими обстоятельствами, руководствуясь общими интересами своей страны. Между тем этот ошибочный лозунг связывал руки наиболее активных товарищей наших заграницей, вносил разложение в заграничную организацию, вносил ненужный формализм, надевал шоры на критическую мысль, безусловно необходимую, чтобы разобраться в необыкновенно сложных новых условиях народной и международной жизни, созданных мировой войной и целым рядом международных переворотов. Многим товарищам казалось, что разобраться в этой сложности могут легче всего наши российские товарищи.

Но раз пришло время отказаться от этого лозунга, тяжелое чувство начинает сменяться чувством бодрости, нравственного удовлетворения и даже гордости при виде столь богатых и активных сил наших товарищей заграницей, которые часто ввиду партийной нетерпимости не могли развернуть всех своих сил. Теперь для нас всех должно быть ясно, что мы, находясь заграницей, имеем полную возможность и свободу наблюдать и критически анализировать сложный послевоенный ход интернациональной жизни, тогда как для наших товарищей в России и вообще для всей русской интеллигенции внешний мир закрыт пеленою. Вот здесь на почве свободной критики вновь создавшегося положения мы и можем оказать услугу нашим товарищам в России критикой и пересмотром многих положений программы и тактики нашей партии.

Вот почему, дорогие товарищи, я предлагаю вам отбросить все опасения при своей критике очутиться в противоречии с постановлениями прежних съездов или советов нашей партии. Периодические партийные съезды для того и делаются, чтобы проверять прежний опыт, вносить поправки в программу и тактику для наилучшего достижения конечной цели. Я предлагаю вам высказывать мысли до конца, не боясь ошибок, ибо только из столкновения мнений и обнаружения ошибок рождается истина. Никакие оттенки во взглядах отдельных членов не опасны и даже полезны, они не мешают общему направлению партийной деятельности и находятся по одну сторону баррикады в социальной борьбе.

В этом отношении мы должны помнить, что до Амстердамского конгресса Соц. Интернационала в 1904 г., на котором наша партия впервые была принята в Интернационал, во II Интернационале, после исключения анархистов, господствующим течением был механический, «классовый», специально ПРОЛЕТАРСКИЙ, социализм, присвоивший себе название «Социал-демократии». Со вступлением нашей партии в Интернационал рядом с «классовым» социализмом ... прочно социализм «народнический» или «демократический», отрицающий всякую диктатуру, диктатуру пролетариата, вообще диктатуру всякого меньшинства и внесший вновь на новых основах «примат

личности» над «классом». С тех пор весь международный социализм разделился на принципиально различные течения, на КЛАССОВЫЙ и НАРОДНИЧЕСКИЙ или ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ социализм. Каждое из этих течений имело свои оттенки, происходило смешение этих двух течений, уклонявшихся то в одну, то в другую сторону. Этих уклонов не избежала и наша партия. Но, в общем, мы не можем не констатировать с полной радостью, что после войны и русской революции классовый социализм почти во всех странах уступает место социализму народническому, демократическому. Отсюда новое удовлетворение: в то время, как организационный голос нашей партии в России задушен большевицким террором, в то время как ИК II Соц. Интернационала необдуманно мешает активному участию в жизни и деятельности Соц. Интернационала свободно организованных наших групп за границей и тем лишает себя самого лучшего посредника для духовного общения с мощным и глубоким социальным движением в нашей стране, в это время сам Соц. Интернационал, продолжая именовать себя «Рабочим Интернационалом», перестал враждебно относиться к крестьянству как «к мелкой и реакционной буржуазии», и становится открыто на почву демократического социализма с признанием первостепенной важности Политической Свободы для обеспечения прав гражданина и человека, для организации общества на справедливых началах, то есть принципов нашего, народнического социализма.

И вот для устранения этой аномалии всем группам нашей партии за границей необходимо сплотиться, выработать хотя бы временно более или менее общую платформу, организовать вокруг единого Областного Комитета Заграничных организаций ПСР и потребовать своего места в работе и в жизни Соц. Интернационала.

Со дня открытия настоящего собрания Пражская группа С.Р. берет на себя инициативу в пересмотре накопившихся разногласий и недоразумений, в выработке общей платформы и в формулировке основных положений, которые облегчили бы товарищам других заграничных групп лучше продумать их и быть может исправить. Но еще раз напоминаю: мы не должны бояться расхождения по частным вопросам: в главной линии поведения весь II Соц. Интернационал движется в направлении линии нашей партии. Поэтому нам особенно необходимо разобраться самим и поставить точки над *i* в основных пунктах нашей программы и тактики.

Здесь я с радостью констатирую, что силы нашей партии за границей достаточно велики и богаты. Я не буду говорить о товарищах, среди которых я имею честь теперь присутствовать, не буду говорить и о всем известной, энергичной, дееспособной и богатой умственными силами Пражской группе, но я считаю своим товарищеским долгом выразить свою глубокую признательность нашим партийным группам в Нью-Йорке и Харбине за их твердость и мужественную защиту единства нашей партии. От лица всей нашей группы я шлю им горячий привет и прошу приветствие им занести в протокол.

В заключении остается напомнить, что вся наша жизнедеятельность здесь за границей не имеет другой цели, кроме того, чтобы всеми нашими силами содействовать возрождению нашего великого народа и нашей славной партии, трагические судьбы которых так тесно

связаны. Позвольте, наконец, с болью в сердце и слезами на глазах, но в то же время с твердой верой в лучшее будущее нашего народа, послать от всех нас сердечное приветствие всем нашим товарищам в России, выразить им чувство глубокого сочувствия и почтить благоговейно память наших товарищей, павших жертвой большевицкого и белого террора.

Т. А р х а н г е л ь с к и й. Товарищи, позвольте приветствовать вас от имени Бабушки и огласить вам ее письмо:

29 января 1931 г.

Молодые друзья и старые товарищи!

Судьба моя сложилась так, что дала мне возможность близко наблюдать, следить за течением жизни нашего «простого» народа, за изменениями условий жизни. За отношением к ним самого народа. Мне было 17 лет, когда снято было крепостное право; раскрепощение проходило у меня на глазах; сводилось Земство, его сменили земские начальники. Прошли волнения «пятого года», его заменила Государственная Дума. Все эти перемены вызывались волнениями простого народа и яркими выступлениями отдельных лиц из его среды, но эти протесты быстро завершались жестоким насилием, а для успокоения нас накладывалась какая-нибудь жалкая заплата в виде дворянских мировых судей, земских начальников и т.д. При всех этих переменах и новшествах сам народ совершенно игнорировался и ко всем его верованиям, надеждам и насущным потребностям правящие классы оставались не только равнодушны, но положительно враждебны для этих классов по предвзятости, а часть по невежеству своему.

Величайшая вина российской интеллигенции была и в том, что она и не задумывается над необходимостью непосредственного участия «простого народа» в определении и решении судеб ста сорока миллионов различных племен, языков, верований, без их участия в этих вопросах; тогда как наша интеллигенция — даже самая благожелательная — отстояла далеко от мировоззрений и душевных спросов мужика, стояла и отстоит. Не будь этого катастрофического недоразумения — не было бы и катастроф. Ибо «простой человек» умет и предусматривать, и дорожить общим благополучием, сознавая свою от него зависимость. Земледельцы, скотоводы, рыбаки, ремесленники, ..., заводские рабочие, фабричные и всевозможные «отхожие» мастера — все это не только специалисты своего дела — все сограждане по ответу, по нужде, по знанию условий жизни местной за целые века и на громадные пространства. Ни воевать, ни зложелать, ни покорять нужды не было. Все равны, все сами добытчики. Потому, ни зная ни условий их жизни, ни их непосредственных нужд и чаяний — не достучаться до их откровенных мнений и надежд. Наша интеллигенция и оставалась всем им чужда, вплоть до демократичнейших большевиков, вот уже 12 лет клянущихся, что они сами «бедняцкого происхождения».

До сих пор так не было.

Говоря о государственных делах, принимаясь решать, мы совсем забываем, для кого собственно их готовим: отвлеченному ли будущему или реальному мужику, знающему свои традиции, свои обычаи, свои нужды, способный и понять, и усвоить, и провести в жизнь. И по моему убеждению начинать воскресать Россию без «мужика» было

бы трудом непроеводительным, принесшим новое разочарование. Пусть каждый скажет свое слово полно и откровенно. А все вместе договорятся: рабочий народ способен понимать нужды себе подобных. Вы извините меня, дорогие товарищи, что обращаюсь к вам с казалось бы азбучной истиной. Мой долгий ... опыт меня давно убедил в том, что личное непосредственное сближение с «простонародием» обогащает нас знанием действительности много больше самой пытливой литературы. Слушая и видя — переживаешь, а если попробуешь пожить в положении «простого» человека — сейчас убедишься в огромной разнице отношения «ученого» к «неучу». Этой разницы не должно быть. Мы обязаны заслужить полное доверие всего народонаселения великой родины. Много придется и над собой работать, чтобы спокойно встретить то многое горькое и грустное, что предстоит увидеть дома. Это горше личных мучений. Но устоять мы должны. Я буду счастлива, если дождусь того часа, когда ворота откроются и мы примемся за работу на благо нашим растущим поколениям. Видно чуют наши сердца, что близится время спасения. И я благодарю вас, братья и сестры, что не тяготитесь старым, доживающим человеком. А если не доведется вас сопровождать — знайте, что душа моя с вами неизменно.

Катерина Брешковская ¹⁷.

Т. П о с т н и к о в просит т. Архангельского от конференции приветствовать Бабушку и пожелать ей здоровья.

Председательствует т. М и н а х о р я н.

Т. М и н а х о р я н. Позвольте огласить программу наших работ и регламент, одобренный предпоследним собранием группы. На предварительном собрании группы я говорил о целях и задачах нашей конференции, поэтому разрешите прямо перейти к делу.

Р е г л а м е н т

Конференции Пражской группы ПСР.

1. Конференция открывается комитетом Пражской группы.
2. Членами конференции являются все члены Пражской группы, проживающие в Праге.
3. Заседаниями конференции, ее работой и ведением протоколов руководит комитет.
4. В начале каждого заседания утверждается протокол предыдущего заседания.
5. Все члены, присутствующие на конференции, обязуются все происходящее на ней соблюдать в строгой тайне. Оглашение решений конференции производит комитет, согласно указаниям, преподанным конференцией.
6. Занятия конференции начинаются в пятницу 30 января 1931 г. в 3 1/2 часа дня и продолжаются до 8 1/2 вечера, дальнейшие заседания происходят два раза в неделю: по вторникам и пятницам.
7. Никто не может высказываться по одному и тому же вопросу более двух раз.
8. Докладчиками слово для доклада предоставляется в первый раз 40 минут и для заключительного слова 20 минут. Недокладчикам предоставляется 15 и 5 минут.
9. К порядку дня по каждому предложению высказываются лишь два оратора, один за, другой — против.

10. По личному вопросу ограничивается время 3 минутами в конце заседания.

11. Все поправки к резолюциям и предложения вносятся в письменном виде.

Программа
занятий конференции Пражской группы П.С.Р.
Доклады.

1. Идеологические основы демократического социализма в понимании ПСР (т. Архангельский).

2. Социально-экономическая политика ПСР (т. Сталинский ¹⁸).

3. Рабочая политика ПСР (т. Кобяков).

4. Земельная политика ПСР (т. Климушкин ¹⁹).

5. Организационный вопрос (т. Минахорян).

6. Политический строй после большевизма (тт. Николаев и Лазарев).

7. Национальный вопрос (т. Постников).

8. Школьный вопрос (т. Новожилов).

Текущие дела.

Издание протоколов конференции.

Т. М и н а х о р я н. Имеются какие-либо поправки и дополнения?

Т. П о с т н и к о в. Предлагаю включить в порядок наших занятий вопрос о международном положении и мировом кризисе. Он имеет тесную связь с вопросами, которые будут обсуждаться на конференции, а также и с русским вопросом. В настоящее время насчитывается 20 мил. безработных и по такому серьезному явлению мы не можем не иметь своего суждения.

Т. Н е с т е р о в. Нас интересуют общие вопросы партии. Вопрос о кризисе и международном положении хотя и серьезный, но злободневный: сегодня 20 мил. безработных, завтра будет 18... Сейчас этот вопрос обсуждается везде, им заняты правительства, партии, министерства, но к нам он прямого отношения не имеет.

Предложение т. Постникова при 5 гол. «за» и 5 «против» не принимается.

Т. К а л ю ж н ы й. Предлагаю увеличить время, предоставленное регламентом, для слова оппонентам.

Т. Н и к о л а е в. Предлагает не изменять регламента, а вопрос об удлинении времени предоставить на разрешение президиуму.

Принято предложение т. Николаева.

Т. М и н а х о р я н. Слово предоставляется т. Архангельскому для доклада по вопросу об идеологических основах демократического социализма.

Т. А р х а н г е л ь с к и й. Приступая к докладу, прошу товарищей исправить в розданных тезисах некоторые ошибки, которые искажают смысл некоторых пунктов. Смотреть на тезисы как на материал, подлежащий дополнению, а может быть и исправлению. Тезисы не отражают всего многообразия взглядов соц.-рев. на основы демократического социализма: война и революция внесли значительные потрясения как в мировоззрение социалистов вообще, так и соц.-рев. в частности. В них изложены только те взгляды, которые нашли свою более или менее точную формулировку в нашей партийной литерату-

ре и постановлениях наших различных партийных инстанций. Некоторые параграфы предложенных тезисов мне кажутся вполне бесспорны для всех собравшихся (социализм как полное всестороннее освобождение человеческой личности от всякого угнетения и создание нового общества на основе социальной справедливости и гуманизма; трудовой класс, охватывающий рабочих, крестьян и интеллигенцию и т.п.). Другие пункты, вероятно, вызовут споры. Отведенное мне короткое время не думаю использовать для обоснования тех пунктов, которые, по моему мнению, не вызовут разногласий среди присутствующих, а предполагаю употребить время для выяснения тех условий, которые поставили перед социалистами-революционерами и вообще перед социалистами неотложную задачу более отчетливого уяснения идеологических основ демократического социализма. Если позволит время, я предлагаю дать обоснование формулировок некоторых пунктов розданных тезисов. Если времени недостаточно, за собой оставляю право защищать эти тезисы в заключительном слове. До революции для соц.-рев. борьба за политическое и экономическое раскрепощение и личности, и общества, была только двумя формами одного и того же пути по направлению к социализму. Все знали, что нужно бить, по указанию Михайловского, по двум головам хищного самодержавного двуглавого орла. Полное народовластие и радикальная перемена в области экономического строя были первыми этапами к осуществлению социализма. Политическая демократия и демократия хозяйственная должны были создать для человеческой личности возможность дальнейшего развития.

Большевики разорвали связь между демократией и социализмом. Меньшинство, опираясь на насилие, принуждает большинство устраивать свою жизнь на социалистических началах. Диктатура меньшинства вытекала из самых основ понимания большевиками исторического процесса и задач партии. Но ряды соц.-рев. под давлением большевицкой демагогии дрогнули: часть соц.-рев. (левые с.р.) ушли из партии и начали вместе с большевиками считать диктатуру меньшинства необходимой предпосылкой приближения к социализму.

Основная масса партийных товарищей осталась верна принципам демократии и социализма. Сущностью демократии они считали установление такого порядка, при котором все мнения и убеждения имеют возможность свободной борьбы за народное решение, выносимое большинством народа в полной независимости. В своей основе демократия покоится по мнению с.р. на признании ценности человеческой жизни: социализм, по мнению с.р., не только освобождение угнетенных классов от экономического гнета «эксплуатации». Социализм есть интегральное освобождение человеческой личности от всякого насилия и гнета путем устройства общественной жизни на началах солидарности и справедливости. Социализм покоится на признании ценности человеческой личности — ее духовной свободы и находится в полном противоречии с диктатурой, не допускающей свободы духа. Демократический социализм — это синтез демократии и социализма.

Но тем не менее в рядах социалистов-революционеров стали обнаруживаться течения, уходящие в сторону от прежнего понимания демократии и социализма. В «Рев. России», в то время еще призна-

вавшейся центральным органом партии, в статье Шрейдера ²⁰ «Демократия, свободы и сильная власть» (Р.Р. № 30) ²¹ говорилось уже об ограничении всеобщего избирательного права в пользу трудовласти. Хотя эта статья и вызвала отповедь В. Чернова ²², но Шрейдер, один из редакторов центр. органа П.С.Р., заговоривший о трудовласти, был явлением достаточно показательным для возникавших среди с.р. новых настроений в определении основ демократического социализма. В предшествующем собрании Пражской группы выступали защитники диктатуры. В тезисах т. Николаева проводится мысль о том, что выше интересов личности стоит идея государства, чему в нашем народническом понимании демократического социализма не было прежде места.

Очень показательным считаю историю последних лет ЗДПСР. Итальянские социалисты, изгнанные с родины, все-таки отвоевали место в Интернационале. Наша Загр. Дел. благодаря внутренним несогласиям потеряла это место. Опереться на большинство с.р., живущих за границей и избрать представителей в Интернационал и та, и другая часть ЗД боится. Демократизм в партийных рядах считается ими, как и большевиками, ненужным и невозможным.

Необходимость более точной формулировки основ демократического социализма вызывается, по моему мнению, и теми колоссальными сдвигами, которые произошли в результате войны и революции не только в России, но и во всем мире.

Рост рабочего движения, появление у кормила власти социалистов, поддержка значительной частью буржуазной демократии фашизма, бессилие буржуазной политической демократии в разрешении всех наиболее острых вопросов современной жизни — все это ставит перед социалистами всех стран неотложную задачу более точного определения значения государства, кооперации профессиональных союзов и политических партий для приближения к социализму, ровно как и международных объединений для создания условий, гарантирующих каждому отдельному человеку возможность мирного, всестороннего и свободного развития. Задачи, стоящие перед соц.-рев., отличаются еще большей сложностью, а между тем оценка государства, выяснение не воспитательной только, а творческой роли кооперации и проф. объединений в русской жизни с точки зрения демократического социализма только начинается у соц.-рев. и вызывает в их среде ряд несогласованных с основами демократического социализма взглядов.

Неустойчивость и разноречивость в понимании с.р. идеологии демократического социализма порождают среди с.р. и разногласия по вопросу об отношении к классовой борьбе, о коалиции трудового класса с другими классами, о положительных задачах демокр. социализма в полит. области и в сфере хозяйственной, об отношении социализма к религии и т.д. Заканчивая эту часть доклада, делаю следующие выводы:

а) русская революция внесла большую разногласицу в ряды с.р., как в понимании ими основ демокр.социализма, так и методов его осуществления, и вызвала распад партии с.р. на отдельные враждующие между собой группировки.

б) дальнейший распад может быть приостановлен более всесторонним, охватывающим и современное социалистическое движение в Зап. Европе, пересмотром основ демократического социализма.

(Вторую часть своего доклада т. Архангельский посвящает рассмотрению тех сдвигов, какие происходят среди западноевропейских социалистических партий по отношению к основным положениям старой программы партии с.р.).

Принимая во внимание работы по идеологии социализма Де Мана ²³, Радбруха ²⁴, Мукле ²⁵ и других социалистов, я констатирую отход европейских теоретиков социализма от догматического марксизма и приближение их к основным положениям народнического социализма Лаврова и Михайловского. Расхождение с основами марксистского мировоззрения очень ясно проявляется и в программных положениях современных нам с.д. партий Зап. Европы. Отречение от старой марксистской догмы от реакционности крестьянства и носителя социализма — пролетариата. В Герлицкой программе ²⁶ дается уже следующее определение: «С.д. германская партия есть партия трудящегося народа в городе и деревне. Она стремится объединить тех, кто трудясь физически и духовно, живет на доход от своего труда, объединить их на общих принципах и целях в борьбе за демократию и социализм». О том, что «австрийская с.д. рабочая партия ведет освободительную борьбу трудящихся классов народа, ставя своей программой преодоления капитализма и строительства социалистического общественного строя», говорит Линцкая программа ²⁷ с.д. Новая программа Чехословацкой с.д. партии под классом «трудящихся» или «трудящимся народом» понимает не только промышленных, земледельческих и транспортных рабочих, но также и работников умственного труда, в частности служащих государственных, общественных и частных учреждений, а равно и мелких ремесленников и земледельцев, хотя бы и владеющих орудиями производства и земель.

Западноевропейские социалисты признают в настоящее время и возможность некапиталистической эволюции крестьянства. Линцкая программа, например, считает необходимым «энергично содействовать развитию мелко-промысловых и крестьянских кооперативов, постепенному добровольному кооперированию подходящих отраслей производства и сбыта, и тем самым вовлечения их в систему развивающегося социалистического производства».

Программа с.д. Чехословакии раскрывает план постепенной социализации земледелия, поддержки и ускорения «всего того, что создает условия для коллективных форм производства, государственных, кооперативных, муниципальных или смешанных».

В свое время я написал статью о последнем съезде чехословацкой с.д. партии (напечатано в «Воле России» октябрь 1930 г.). Обращаю внимание товарищей на весьма интересные и поучительные заявления лидеров чехословацкой с.д. партии о государстве, классовой борьбе, коалиции, о методах борьбы за социализацию и т.д. При обсуждении тезисов об идеологических основах социализма прошу товарищей учесть не только опыт нашей партии, переживания во время войны и революции, крупные потрясения, но также и опыт наших западно-европейских товарищей-социалистов.

Т. Л а з а р е в. Я предлагаю приступить к обсуждению доклада по тезисам.

Т. П о с т н и к о в. Тезисы т. Архангельского составлены по ... шаблону, но он представил нам интересный доклад, и мне хотелось бы говорить о докладе.

Т. Рабинович. В докладе затронуто одновременно много вопросов. Целесообразно приступить к обсуждению их по тезисам.

Т. Калужный. Тезисы не соответствуют докладу. По ним невозможно судить о докладе.

Председатель не считает возможным поставить вопрос на голосование. Предлагает приступить к обсуждению доклада и закончить обсуждением тезисов.

Т. Калужный. Говорить об идеологических основах демократического социализма — это значит уяснить себе ту почву, на которой мы стоим, но это не только основа, это есть одновременно и метод, направление и мораль. Я остановлюсь на наиболее важном: вспомнить все об идеологических основах, чтоб очистить их от ненужного хлама, дело весьма трудное. И вот для того, чтобы облегчить эту работу, докладчик должен был говорить о том, что мы усвоили чужого.

Мне кажется, что в нас вкралось очень много чужого. В понимании роли и значения личности мы стали придавать больше значения формам экономического развития. Личность как таковая, человек, вопрос о его полном и всестороннем раскрепощении перед теорией классовой борьбы отошел на задний план. Это марксизм, большевизм, и их влияние на нас. А ведь марксизм и народничество являются совершенно противоположными концепциями. В нашем же понимании это организованное общество, где личность должна иметь наибольшую возможность полного и всестороннего развития всех своих сил и всей своей ценности. Различны также исходные позиции. Марксизм исходит от класса; мы — от самоценной личности. Но различны и конечные цели: для нас социализм средство для раскрепощения личности, для них — личность средство для осуществления социализма.

Совершенно ясно, что в основе демократизма лежит понятие максимально свободной личности. А между тем личность может быть в обществе материально обеспечена, а необходимой свободы не иметь.

Классовая борьба — этот зоологический способ расправы, совершенно не состоятелен не только как средство к раскрепощению личности, но и как метод социалистической работы. Разброд в данном вопросе среди марксистов большой: немцы строят социализм на экономических предпосылках, а большевики за отсутствием этих предпосылок нападают на личность, как на средство проведения «социализма»...

Мне бы хотелось задать докладчику следующий вопрос: считает ли он классовую борьбу правильным средством и методом к достижению социализма и есть ли у нас разница в понимании демократического социализма по сравнению с пониманием большевиков?

В заключение скажу еще несколько слов по вопросу о революции. Революция несет ужас и это зло; правда — она неизбежное зло, но бряцать оружием в этой области вряд ли придется теперь. Нам нужна революционность в мышлении, то есть именно в той области, где ее больше всего не достает...

Т. Никлаев. Доклад называется «Идеологические основы демократического социализма в понимании социалистов-революционеров». Прежде всего я бы хотел выяснить вопрос: все сказанное представлено нам как понимание партии или это личное мнение самого

докладчика? Если первое — то это относится ко времени перед свержением самодержавия. Если же второе, то позиция, развитая докладчиком перед нами, в принципе не отличается от теории классовой борьбы в духе марксизма. Докладчик указал нам три составные группы этого класса: пролетариат, крестьянство и интеллигенция. И одновременно сам же доказывал, путем ссылок на происшедшие изменения в программах с.д. партий, что именно эти элементы в настоящее время являются базисом классовой борьбы в понимании марксизма.

Наше понимание демократического социализма с этим далеко не согласуется. Народнический интегральный социализм исходит из интересов личности, из безусловной необходимости раскрепощения и всестороннего развития этой личности. Там, где личность подавляется обществом, мы имеем господство коллектива, декрета, а это противоречит всякой демократии и демократическому социализму. Докладчик говорил о классовой борьбе, как о факте, из которого следует исходить. Но ведь преступление тоже относится к категории фактов, и мы не идеализируем этот факт.

Может быть мы, по нашей наивности, приняли марксизм, но у нас есть и наше понимание вопроса; народнический интегральный социализм не есть борьба классов, а система для достижения большего счастья возможно большему количеству людей; вот из чего должен был исходить докладчик и на чем должен был обосновать свое слово. Точка зрения в тезисах т. Архангельского не народническая, хотя я знаю, что в данном случае он думает не иначе, чем я. Везде у него в основе труд и получается не народничество, а какое-то «трудонародничество». Благо общества, счастья большинства — основная цель социализма; если же стать на другую плоскость, то мы вряд ли добьемся цели.

Т. Л а з а р е в. Я вижу, что тут говорят все то, что я сам хотел сказать, и это радует меня. Я думаю, что Архангельский согласен с Николаевым, а между тем он пишет: (читает) «лозунг демократического социализма: все для трудящихся, все через трудящиеся массы». Что же это? Тот, кто не трудится, значит не ест? Все для Архангельского значит труд, все для труда и трудящихся. А если я заболел, то тогда что? Я лишаюсь всех прав человека? А дети? А старики? Кто не работает, тот не ест? Затем ведь не все в жизни сводится к физическому труду; одни работают на фабриках, другие делают горшки для цветов, третьи составляют симфонию, изучают математику и т.д. Слава богу, что Архангельский соединяет в одно целое разные виды труда, а ведь марксисты сельское хозяйство отделяют от промышленности и не учитывают взаимной зависимости этих отраслей производства... Пора выработать для всех нас приемлемые положения.

Т. Я к у ш е в. В общем я согласен с товарищами. Но в одном пункте я расхожусь. Тов. Калюжный, говоря о противоречиях между личностью и классом, на этом и ставит точку. А ведь есть нечто общее, что объединяет личности. Массы объединяет труд, что и дает основание построить трудовой социализм, который объединит весь международный социализм.

Т. Л о з о в о й. Я всецело поддерживаю докладчика. Понятие народнического социализма он обосновал правильно. Тезисы его мо-

гут быть приняты как основа для резолюции. Надо только их «увязать» с прошлым партии, т.к. в этой части тезисы даны очень сжато.

Т. М и н а х о р я н. Здесь происходит недоразумение в понимании народничества. Я говорю это потому, что хочу обратить внимание докладчика и попросить его кое-что разъяснить нам.

Из числа оппонентов наиболее четки возражения т. Николаева. Но дело в том, что на свете нет изолированной личности... (т. Николаев с места: «Я этого не говорил»). Вы не говорили, но это вытекает из того, что вы сказали. Верно, что социальная проблема критическим народничеством в конечном итоге была сведена к проблеме личности. Но это отнюдь не значит, что сама социальная проблема для него перестала иметь значение и перед интересами «голой» личности свелась на нет. Формула — достигнуть большего счастья для большего числа людей — это то, что сказано в тезисах докладчика: «Все для трудящихся и все через трудящиеся массы». И это то, что к сожалению, смущает т. Лазарева... Наш идеал, конечно, остается тем, каким и был: раскрепощение личности, но достигнуть этого без раскрепощения труда, значит, заниматься утопизмом. Точно так же, как и прежде, мы боремся за условия, дающие максимальную возможность для развития личности. Но развитая личность является постольку таковой, поскольку она творит, делает, трудится. Совершенно верно, что общество состоит из равноценных личностей, поэтому как личность, так и коллектив развиваются только при посредстве труда и его раскрепощения. Далее «народ» в понимании критического народничества не есть бесформенная масса, абстрактно составляющая «сумму равноценных личностей». Народ это — трудовой народ, иначе следовало бы признать, что вся героическая борьба народников от декабристов до наших дней за освобождение народа от гнета помещичьего сословия и самодержавия была лишена смысла.

Т. Н и к о л а е в. Только два слова для разъяснения. Я не говорил о изолированной личности. Где-нибудь на острове быть может еще имеется кто-нибудь типа Робинзона; но человек — общественное животное, и этого отрицать нельзя. Разница в том, что невозможно исходить из общественной полезности человека; он может быть сегодня бесполезным, а завтра полезным. Поэтому я говорю: человек абсолютно самоценен; как самодовлеющий мир. Тов. Минахорян наверно ошибается: Михайловский, говоря о народе, имел в виду не класс, а общество.

Т. П о с т н и к о в. Постановка вопроса у тт. Николаева и Калюжного ясная. Можно с ними не соглашаться, но они подошли к вопросу прямо. Все обвинения, которые мне пришлось здесь слышать по адресу с.р. идеологии лишены всяких оснований. Укажите мне хоть одну статью или фразу Чернова или других наших идеологов, где бы отрицались права человека, как такового, укажите что-нибудь, где бы говорилось, скажем, о лишении избирательных прав человека. Правда, некоторые с.р. говорили о трудовократии, но это путаница людей безответственных...

Т. К а л ю ж н ы й. А Сталинский?

Т. П о с т н и к о в. Сталинский год тому назад у нас в группе говорил не о трудовократии, а о трудовой политике, о практическом ее значении для нас и только.

Тезисы докладчика неудовлетворительны: они должны быть на уровне социологических и философских выводов современности. Он не изложил в тезисах и того, что нам здесь сказал в содержательном докладе. Местами они противоречивы: в первом пункте он отрицает механические и рационалистические элементы исторического процесса» и приписывает нам, с.-р.-ам, «волевые устремления человеческой индивидуальности», а в пятом пункте осуждает «методы ускорения исторического процесса». Как я уже сказал, доклад был содержателен, но и тут тенденция т. Архангельского в признании и понимании демократического социализма не совсем подходит к нам. Демократический социализм — не реформизм. Он есть только противопоставление большевицкому «социализму». Под демократическим социализмом мы подразумеваем систему, которая осуществляется не только мирным путем кооперативного, профессионального, муниципального движения. Правда, в Европе работа социалистических партий сводится только к этим формам деятельности. Но над Европой сгущается атмосфера катастрофы, как это было перед войной. Где выход? Маниловщина реформизма? Этим путем далеко не уйдешь. Я боюсь большевиков и их методов борьбы, но и то, что говорит нам докладчик — не решение вопроса. Два года тому назад я встретился в Париже с одним писателем, приехавшим из России. Он мне говорил: вы нас обманули, обещали социализм и свободу личности и ничего не дали, что же теперь вы можете нам дать? Я ему ответил, что мы начнем свое дело все с той же свободы личности. Т. Калюжный как будто был прав, когда говорил, что мы только бряцаем оружием революционности, но не прав в том, что нам нужна только революционность в мышлении, нет, она нужна и на деле.

Все, что тут говорилось против классовой борьбы, я понимаю как реакцию на большевизм, ибо в то время, когда все социалистические партии исходят в своей деятельности из обостренного состояния этой борьбы, вы вдруг задумали избавиться от нее. Я, конечно, буду вести классовую борьбу, но это разве означает, что я ее «обожаю» как должное. Мы стремимся к уничтожению классов путем классовой борьбы.

Т. К а л ю ж н ы й. Никто из с.р. формально не отрицает значения личности, ни ее прав, но на деле мы поддаемся влиянию марксизма и выдвигаем класс и классовую борьбу. Это — противоречие вредное и ненужное. Революционность, конечно, требуется и в деле, но только, когда это нужно. Самой лучшей революционностью является ненависть к насилию, откуда бы оно ни исходило. Но такая революционность прибегает к революционным приемам борьбы лишь в крайней необходимости. Дело вовсе не в обожании или необожании классовой борьбы. Дело в том, насколько она действительно является действительным и универсальным средством борьбы за социализм. Недостаточно говорить, что она — единственна и универсальна, надо доказать. Но этого никто не доказал, и жизнь нам этого не доказала. Выводить классовую борьбу из идеологии личности — логический ляпсус. Из идеологии личности можно вывести лишь одно — борьбу за освобождение личности от всех видов гнета, а не только экономического.

Т. А р х а н г е л ь с к и й. В заключительном слове к общим прениям по содержанию тезисов я скажу, что значительная часть сделанных мне возражений покоится на чистом недоразумении. Конечно, я не отрицаю, что реальная жизнь во всем многообразии ее пере-

живаний лежит в основе понимания с.р. демократического социализма. Но вот вам небольшая цитата: «Задача социализма состоит в продвижении техники, которая ... нависла над народами как ужасный рок, разрушающий жизненные основы и жизненное счастье миллионов человеческих существ, выбрасывающий при господстве капитала рабочих. У производственного процесса, погружающего крестьян в нужду, механизмирующего духовную жизнь в орудие, при помощи которого будет приподнято общее благосостояние, сокращен труд всех членов общества, обогащена духовная культура». Я спрашиваю, кто это говорит? Эсер? Народник? Ныне это говорит о жизненном счастье миллионов человеческих существ последователь марксизма Отто Бауэр²⁸. Быть может нам, с.р., и не следовало бы особенно говорить о личности как о основной предпосылке нашего понимания демократического социализма. Теперь это общее место, но когда здесь говорилось, что у нас личность, а у марксистов — класс, и что мы по исходному нашему отношению к человеческой личности должны отрицать такое понятие как «трудовой класс» и «классовая борьба», то такое утверждение является ни на чем не основанным. Я соглашаюсь с тем тт., которые не считают возможным говорить о какой-то абстрактной личности. Реальная личность получает свое полное раскрытие в общении с другими и в трудовом процессе. Она стремится к полному раскрытию своих заложенных возможностей и совместно с другими в профессиональных, кооперативных и политических объединениях ведет борьбу за свое раскрепощение. К сожалению, современный общественный строй ставит большие препятствия к освобожденному труду и свободному развитию человеческой личности. Отсюда возникает неизбежная борьба между классом угнетенных и классом угнетателей. Т.о., понятие об личности, борющейся за полноту своей жизни, не находится в противоречии с понятием «класс», «классовая борьба». Не нужно также пугаться слов «классовая борьба». Большевики классовую борьбу свели к насилиям, расстрелам, убийствам. В Европе классовая борьба — это борьба за душу народа путем демократическим. Классовая борьба идет везде: в парламенте, в муниципалитетах, в сельских общинах, в потребительных обществах и т.д. и т.д. Идет борьба за школу, за печать, за выборы в парламент. Здесь спрашивают: прогрессивное и регрессивное явление классовая борьба? Отвечаю: смотря где и как? Форма большевицкой классовой борьбы ничего, кроме вреда не принесет. Демократические формы классовой борьбы в некоторых случаях приводят к победе, но иногда и к поражению. Но в общем классовая борьба дала трудовым классам такие большие завоевания, что необходимости с.-р.-ам отказываться от нее [нет?]. В прошлом мы поднимали крестьян против помещиков, рабочих против капиталистов. Разве это не было признанием законности и необходимости вести классовую борьбу? Почему же теперь здесь говорят, что классовая борьба находится в противоречии с идеологией демократического социализма? Понятие классовой борьбы должно быть очищено от тех наслоений, которые наложены большевицкой практикой и взято в том демократическом объеме, который придан ему практикой западноевропейских социалистических партий.

Собрание закрывается в 8 ¹/₂ часов вечера. Рассмотрение тезисов по вопросу переносится на вторник 3 февраля с.г.

1. Новожилов Николай Федорович (1883—1963) — соц.-рев., филолог, историк, музыковед. Секретарь Центрального бюро Всероссийского учительского союза (1904—1909), член Гос. комитета по народному образованию при Временном правительстве, генеральный секретарь II Российского страхового общества, с 1918 г. в Финляндии, член комиссии по организации школьного дела при Земгоре в Финляндии (1921—1923). В ЧСР с 1924 года. В 1924—1925 гг. преподавал в русской гимназии в Праге. Был членом Русского исторического общества. Редактор журнала «Русская школа за рубежом».
2. Минахорян Ваган Семенович (1884—1946) — армянский соц.-рев. Учился в Московской торговой школе. Позже переехал в Баку и организовал подпольное издательство Дашнакцутюн. Член коалиционного правительства Республики Армения (1919—1920), министр просвещения (народного образования и искусства) с 23 ноября до 2 декабря 1920 года.
3. Калюжный Иван Иванович (1882—1934) — социалист-революционер, график и журналист. Учился в МУЖВЗ. В 1905 г. за политическую деятельность был исключен из училища и выслан в Самару. Вошел в местный комитет партии эсеров; изготавливал поддельные паспорта для нелегалов, основал подпольную типографию, где печаталась запрещенная литература. В 1913 г. был арестован и сослан в Забайкалье. Занимался журналистикой.

После Февральской революции возглавлял в Нижнем Новгороде губернский комитет партии эсеров и редактировал газету «Народ». Делегат Демократического совещания, член Предпарламента. При большевиках опубликовал в ней свои карикатуры «Двуглавый Ленин-Троцкий», «Великое дело маленького Льва» и др.; в феврале 1918 г. был арестован и приговорен к казни, но сумел спастись. Во время гражданской войны вел политическую работу в Самаре, Уфе, Екатеринбургe и Владивостоке. Публиковал фельетоны и карикатуры под псевдонимом Нави («Иван» наоборот). В конце 1921 г. под угрозой нового ареста эмигрировал с Чешским легионом.

Жил в Праге. Входил в комитет Земгора, научную комиссию Русского заграничного исторического архива и совет Русского народного университета. Рисовал политические карикатуры и дружеские шаржи (Н.А. Бердяев, С.С. Ольденбург, А.А. Кизеветтер, актеры Пражского камерного русского театра, деятели Земгора). Сотрудничал в берлинской газете «Дни» (1923—1925). Иллюстрировал народные сказки, работал в области прикладной графики (художественные переплеты, обложки, альбомы, дипломы и адреса). Создал серию кукол в духе народного кукольного театра: «Вася — Богова Ошибка», «Поликарп-пасечник», «Митька Дудкин», «Князь Башлыкшвили» и др. В 1923 г. выпустил книгу своих сказок с иллюстрациями (на чешском языке; переиздана в 1927 г.). Зимой 1934—1935 гг. в библиотеке Художественно-промышленного музея в Праге состоялась мемориальная выставка. См.: ФРОЛОВА Е.И. Гибель идеалистов: Документальная повесть. СПб. 2011; ЕЕ ЖЕ. Встречи на перекрестках. Осмысление судьбы. СПб. 2011, с.105—127.

4. Архангельский Василий Гаврилович (1869—1948) — сын дьякона, личный дворянин. Окончил Самарскую духовную семинарию, юридический факультет Юрьевского университета и Московскую духовную академию, кандидат богословия. Учитель. В 1905 г. отстранен от преподавания за агитацию против правительства, но в 1906 г. пожалован орденом за деятельность в народном образовании. Член II Думы. Эсер с 1906 года. В том же году выслан за границу. В 1908 г. приговорен к 6-ти годам каторги, жил в Черемхове и Иркутске. Сотрудничал в журнале «Народная Сибирь». В 1917 г. — делегат III и IV съездов ПСР, избирался в состав ЦК. Гласный Иркутской городской думы, член Исполкома Всероссийского Совета КД, делегат Демократического совещания, член Предпарламента. С августа 1917 г. входил в состав Временного правительства. Избран как обязательный кандидат от ПСР в Иркутском и Самарском округах. Член бюро фракции ПСР, участник заседания 5 января. Участник Уфимского совещания в сентябре 1918 г., центрист.

- В 1919 г. эмигрировал в Чехословакию, один из основателей и управляющий Русского заграничного исторического архива. См.: АЛЕКСАНДРОВ Г.А. Василий Гаврилович Архангельский: штрихи биографии. — Эхо веков (Казань). 2001, № 3/4, с. 130—132; ЕГО ЖЕ. К биографии эсера Архангельского. — Вопросы истории. 2002, № 6, с. 173—175; ФРОЛОВА Е.И. Судьба эсера В.Г. Архангельского. — Вопросы истории. 2005, № 8, с. 145—147.
5. Лазарев Егор Егорович (1855—1937) — из крестьян, сын крепостного. Гимназию не окончил. Участник «хождения в народ», проходил по «процессу 193-х». Во время войны с Турцией 1877—1878 гг. — участник штурма Карса. С 1883 г. был близко знаком с Л.Н. Толстым, став прообразом Набатова в романе «Воскресение». Был выдан С. Дегаевым, выслан в Забайкалье. В 1890 г. бежал через Японию в США. Жил в Англии, Франции, Швейцарии, входил в Аграрно-социалистическую лигу. В ПСР с 1902 г., с 1907 г. — член ЦК. В октябре 1905 г. вернулся в Россию, легализовался. В 1910 г. арестован, ссылка в Сибирь заменена высылкой за границу. В 1917 г. вернулся в Россию. Член Исполкома Всероссийского Совета КД. Делегат IV съезда ПСР. Участник заседания УС 5 января, сторонник решительной борьбы с большевиками. В 1918 г. — член Комуча, управляющий ведомством просвещения. В 1919 г. ушел с чехословацким корпусом во Владивосток, затем эмигрировал в Чехословакию, один из издателей «Воли России». Участник совещания членов УС в Париже в 1921 году. См.: ФРОЛОВА Е.И. «Еслилюбишь Россию...»: Егор Егорович Лазарев (1855—1937). — Звезда. 2007, № 7, с. 138—156; ПРОТАСОВ Л.Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М. 2008, с. 326.
 6. Савинкова (урожд. Рукина, во втором браке — Штомпфе) Вера Николаевна (? — 1973) — юрист, адвокат. В эмиграции с 1922 г., с 1924 г. — в Праге.
 7. Сведений о данном лице обнаружить не удалось.
 8. Лозовой Яков Гордеевич (?—?) — соц.-рев. Во время гражданской войны воевал на стороне белых в Сибири. В эмиграции жил в Праге, где входил в «Кабинет по изучению Сибири». Был также членом комитета Общества помощи советским политзаключенным. Член «Общества сибиряков в ЧСР».
 9. Постникова (урожд. Яшуржинская) Елизавета Викторовна (1884—1961) — в молодости принимала участие в студенческом движении, была арестована в 1905-м г. по обвинению в печатании «Манифеста» Союза рабочих партии с.-р. в Петербурге и пробывла в заключении более полугода. Вскоре после этого вошла в ПСР и работала среди рабочих и военных в Киеве, в Крыму и в Баку. В 1907 г., по заданию Таврического Бюро партии вместе с Прилежаевым делала доклад ЦК о неудаче военного восстания в Севастополе. В 1912—1914 гг. вместе с мужем, Сергеем Порфирьевичем, принимала участие в с.-р. журнале «Заветы», выходившем в Петербурге, и напечатала часть своих «Записок революционерки» в пражской «Воле России» (Детство в Киеве. — Воля России. 1925, № 7—8; Юность. — Там же. 1926, № 24; Лето. — Там же. 1927, № 7). С 1921 г. — в эмиграции. Некролог см.: Социалистический вестник. Нью-Йорк. 1961, № 4, с. 76.
 10. Постников Сергей Порфирьевич (1883—1965) — из дворян, сын статского советника. Окончил Архангельскую духовную семинарию (1903), Коммерческий институт (1915). Поднадзорный с 1903 года. Эсер с 1906 года. В 1908 г. в эмиграции в Швейцарии. В 1909 г. выслан из Таврической губернии. В 1911 г. просил об ускорении дела («политической деятельностью не занимаюсь»). В 1912 г. основал журнал «Заветы». В 1913 г. входил в Петербургский Совет РД, был арестован. С осени 1914 г. работал в Союзе городов. В 1917 г. — гласный Петроградской думы. Секретарь редакции «Дела народа». Делегат III съезда ПСР. Участник заседания УС 5 января. Делегат VIII Совета ПСР в мае 1918 года. В 1921 г. эмигрировал в Финляндию, затем жил в Берлине, Праге. Член Заграничной делегации ПСР. Один из основателей Русского заграничного исторического архива, составитель «Биографии русской революции и гражданской войны» (1938). В 1945 г. депортирован из Чехословакии в СССР, был сослан на 5 лет в Североуральск. С 1950 г. жил в Никополе, работал швейцаром в ресторане. В 1957 г. возвратился в Чехословакию. Похоронен на Ольшанском кладбище в Праге. Реабилитирован в 1989 году.

- См.: ЛИСЕНКОВА Л.Н. Постников С.П. об издательской деятельности партии эсеров. — Российская эмиграция в Чехословакии (1918—1945). СПб. 1996, с. 19—24; ПРОТАСОВ Л.Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М. 2008, с. 366.
11. Николаев Семен Николаевич (1880—1976) — из крестьян. Окончил Симбирскую чувашскую учительскую школу, духовную семинарию, юридический факультет Казанского университета. Учитель, присяжный поверенный, служил в Симбирском окружном суде. С 1903 г. — эсер. В 1909 г. выслан в Енисейскую губернию. В 1915 г. направлен в школу прапорщиков при Павловском военном училище. Служил в 142-м пехотном запасном полку (Симбирск). Летом 1917 г. — мировой судья в Чебоксарах. В 1918 г. заведовал чувашским подотделом губкомпроса, затем секретарь Комуча, был арестован колчаковцами в Уфе. Член УС ДВР, судебный чиновник во Владивостоке. С 1922 г. жил в Чехословакии, заведовал Русской библиотекой в Праге. Автор мемуаров «Крушение Комуча» (ГА РФ). В 1945 г. депортирован в СССР. С 1946 г. находился в ГУЛАГе, сослан в Красноярский край, освобожден в 1957 г., вернулся в Чехословакию. Реабилитирован в 1992 году. Автор воспоминаний: НИКОЛАЕВ С. Воспоминания. — Лик. 2006, № 3 (7), июль — сентябрь, с. 42—84; 2006, № 4 (8), октябрь — декабрь, с. 73—136; 2007, № 1 (9), январь — март, с. 61—134; 2007, № 2 (10), с. 60—130; АЛЕКСАНДРОВ Г.А. Чувашская интеллигенция: истоки. Чебоксары. 1997, с. 144—146.
 12. Нестеров Иван Петрович (1887—1960) — из мещан. Окончил с.-х. институт. Поднадзорный с 1908 г., эсер. В 1917 г. — гласный Минской городской думы. Делегат II Всероссийского съезда Советов РСД. Участник заседания УС 5 января. В 1918 г. — один из организаторов Комуча. Был арестован в Уфе колчаковцами, освобожден в Омске восставшими рабочими в декабре 1918 года. Эмигрировал, жил в Чехословакии. Один из организаторов Русского заграничного исторического архива. В 1945 г. депортирован в СССР. В 1956 г. освобожден из заключения. Вернулся в Чехословакию. См.: ПРОТАСОВ Л.Г. Ук. соч., с. 351—352.
 13. Милашевский Алексей Владимирович (1864—1938) — редактор газеты «Дни» (1922—1928).
 14. Ригана Владимир Антонович (1884 — не ранее 1939) — учитель математики и физики, и.о. директора (1932—1934) Пражской русской гимназии. Редактор журнала «Русская школа за рубежом». С 1938 г. — преподаватель гимназии в Мукачево.
 15. Якушев Иван Александрович (1882—1935) — областник, эсер. Образование получил в гимназии. С января 1914 г. служил в иркутском городском общественном управлении в качестве поденно служащего при секретаре городской управы. С января 1915 г. — секретарь исполнительной продовольственной комиссии. С июля 1917 г. — гласный Иркутской городской думы, член ее управы. К 1917 г. он уже был одним из активных деятелей областничества Сибири. Член ЦК партии эсеров. В качестве представителя Иркутска участвовал в октябрьском и декабрьском областных съездах в Томске, сторонник автономии Сибири. В ночь с 25 на 26 января 1918 г., накануне открытия Сибирской Областной Думы (СОД), был арестован большевиками и отправлен в тюрьму Красноярска. 27 января 1918 г. заочно избран председателем СОД. В январе 1918 г. избран министром юстиции во Временное Сибирское автономное правительство Дербера. Летом — осенью 1918 г. возглавил борьбу СОД с Временным Сибирским правительством (ВСП) и его Административным Советом (АС). В сентябре 1918 г., опираясь на поддержку чехов и словаков, прибыл в Омск с целью арестовать АС. Но в ночь на 21 сентября 1918 г. был сам арестован по распоряжению начальника омского гарнизона Волкова вместе с Крутовским, Новоселовым, Шатиловым. Подлежал высылке из Омска, но, перейдя на нелегальное положение, еще некоторое время продолжал борьбу против ВСП и АС. В конце сентября 1918 г., в результате переговоров его с Авксентьевым в Томске, СОД была распущена. После этого он уехал во Владивосток. В августе 1919 г. Якушев принимал активное участие в подготовке неудачного антиколчаковского переворота под предводительством Гайды. Предполагалось, что Якушев возглавит Временную народную управу Сибири — высший орган

- власти до созыва Всесибирского Земского Собора. Во Владивостоке он состоял членом Дальневосточного отдела Всесибирского Союза земств и городов. В 1921 г. пытался наладить издание общественно-политической внепартийной газеты «Дальневосточная жизнь». В 1922 г. Якушев был послан представителем от Союза земств и городов в Братиславу, после чего в Россию уже не вернулся. В Братиславе он познакомился с основателем и первым ректором Томского технологического института, профессором Е.Л. Зубашевым, в общении с которым возникла идея создания в Чехословакии сибирского землячества для изучения Сибири на внепартийной основе. Якушев являлся одним из основателей и бессменным председателем «Общества сибиряков» в Чехословацкой республике, просуществовавшего с 1926 до 1935 года. Возглавлял Сибирский отдел, с 1929 г. — Кабинет изучения Сибири при Институте изучения России в Чехословакии. Под его редакцией вышли в свет 9 номеров периодического сборника «Вольная Сибирь», где наиболее значительным являются «Очерки областнического движения в Сибири» и 5 номеров «Сибирского архива» — ценных источников по истории Сибири. См.: БАРСУКОВА Н.А. Издательская и культурно-просветительская деятельность председателя Общества сибиряков в Чехословакии Ивана Александровича Якушева. В кн.: Белая армия. Белое дело. Екатеринбург. 1997, с. 155—165.
16. Рабинович Борис Николаевич (1886—1942) — окончил Пензенскую гимназию, Горный институт. Горный инженер. В 1900 г. организовал ученический кружок. С 1902 г. — в революционном движении, эсер, боевик, участник ряда терактов. Был арестован за подготовку убийства Столыпина, освобождения М. Спиридоновой. Отпущен за недоказанностью обвинения. Находился в эмиграции. В 1914 г. мобилизован в армию, солдат 44-й артиллерийской бригады. В 1917 г. — руководитель Военной организации ПСР 12-й армии, товарищ председателя исполкома Советов СД Северного фронта. Входил в Предпарламент от 12-й армии. В годы Гражданской войны эмигрировал. Секретарь Заграничной делегации ПСР. Арестован гитлеровцами в Праге, погиб в концлагере. Шурин А.Р. Гоца. См.: ПРОТАСОВ Л.Г. Ук. соч., с. 368—369.
17. Брешко-Брешковская Екатерина Константиновна (1844—1934) — из дворян. Получила домашнее образование. В своем имении основала школу, библиотеку. Оставила семью, ушла в революционную работу. С 1873 г. состояла в кружке «чайковцев», осуждена на каторгу по «процессу 193-х», после побега получила новый каторжный срок. Находилась на поселении в Селенгинске. С 1901 г. — в руководстве ПСР, член ЦК в 1902—1905 и в 1907 годах. Идеиная сторонница «аграрного терроризма». С 1907 г. провела более двух лет в Петропавловской крепости, выслана в Восточную Сибирь. В 1917 г. — делегат III и IV съездов ПСР, участница Государственного совещания, член Предпарламента. Принадлежала к правому крылу партии. Депутат Учредительного собрания. В 1918 г. — член Комуча, участница Уфимского совещания. С 1919 г. — в эмиграции. См.: ПРОТАСОВ Л.Г. Ук. соч., с. 264.
18. Сталинский Евсей Александрович (1880—1953) — публицист, прозаик, литературный критик. Эсер, с 1908 г. — в эмиграции во Франции. Парижский корреспондент журнала «Русское богатство». Весной 1917 г. вернулся в Россию и стал сотрудничать в петроградских газетах. В 1919 г. вернулся в Париж. Стал соредактором газеты «Pour la Russie». В 1924—1932 гг. — соредaktor журнала «Воля России», в 1927—1932 гг. — журнала «Социалист-революционер». Был близок к НТС. В начале второй мировой войны переехал в Нью-Йорк.
19. Климушкин Прокопий Диомидович (1886—1969) — из крестьян. Низшее образование. Был сельским учителем. Эсер с 1905 года. В 1907 г. — член «летучей дружины», осужден на 12 лет каторги, которую отбывал в Зерентуе. Освобожден в марте 1917 года. В 1917 г. — прапорщик, председатель Самарского городского комитета ПСР, член Самарского Совета военных депутатов, гласный городской думы. Участник заседания УС 5 января. Один из организаторов Комуча, руководил ведомством внутренних дел. Эмигрант с 1920 года. Участник Пражского восстания в мае 1945 г., был депортирован из Чехословакии в СССР. По обвинению в антисоветской деятельности приговорен к 10 годам ИТЛ. Отбыв заключение, в 1956 г. вернулся в Чехословакию. Реабилитирован в 1992 году. См.: КАБЫТОВ П.С., КУР-

- СКОВ Н.А. Из биографии самаровского крестьянина Прокопия Климушкина. Вторая русская революция: борьба за демократию на Средней Волге в исследованиях, документах и материалах (1917—1918). Самара. 2002, с. 74—78.
20. Шрейдер Григорий Ильич (1860—1940) — из мещан. Окончил юридический факультет Харьковского университета. Народник с 1880-х годов. Эсер, в 1904—1905 гг. — редактор «Сына Отечества». В 1907—1917 — эмигрант. Во время 1-й мировой войны — оборонец. В 1917 г. — городской голова Петрограда, член Предпарламента. Обязательный кандидат ПСР в УС, участник заседания 5 января. В 1918 г. возглавлял Юго-Восточный комитет членов УС (Екатеринодар), издавал газету «Родная земля». В ноябре 1918 г. арестован денкинскими властями. Эмигрант. С 1925 г. — член Заграничной делегации ПСР. См.: ПРОТАСОВ Л.Г. Ук. соч., с. 425.
 21. ШРЕЙДЕР Гр. Демократия, свободы и сильная власть. — Революционная Россия. 1923, № 30 (сентябрь), с.4—9.
 22. Чернов Виктор Михайлович (1873—1952) — окончил Саратовскую гимназию, учился на юридическом факультете Московского университета. С 1892 г. участвовал в студенческом движении. В 1894 г. арестован по делу «Народного права». Выслан в Камышин, затем в Тамбов. В 1899 г. выехал за границу, занявшись разработкой теории крестьянского социализма. С 1901 г. — эсер, с 1903 г. — член ЦК и Заграничного комитета ПСР. Вновь эмигрировал после поражения 1-й революции. Участник Циммервальдской и Кинтальской конференций интернационалистов. Вернулся в Россию в апреле 1917 года. Товарищ председателя Петроградского Совета, редактор газеты «Дело народа», лидер левого центра ПСР. В мае-августе — министр земледелия Временного правительства. Обязательный кандидат ЦК ПСР в УС. На заседании 5 января избран председателем УС. В 1918 г. входил в Комуч. Возглавил Съезд членов УС. Жил в подполье в Москве. В 1920 г. эмигрировал. См.: ЧЕРНОВ В.М. Перед бурей. М. 1993; ЕГО ЖЕ. Избранное. М. 2010; В.М. Чернов: человек и политик. Материалы к биографии. Саратов, 2004; КОНОВАЛОВА О.В. В.М. Чернов о путях развития России. М. 2009.
 23. Де Ман (de Man) Гендрик (1885—1953) — бельгийский социолог, правый социалист. С 1939 г. — председатель Бельгийской социалистической партии. Был министром труда (1935) и финансов (1936—1940).
 24. Радбрух (Radbruch) Густав (1878—1949) — нем. правовед и социолог.
 25. Мукле (Muckle) Фридрих (1883—1945) — нем. экономист и писатель.
 26. Гёрлицкая программа в 1921 г. принята на съезде Социал-демократической партии Германии. Отличительной чертой программы является полный отказ от идеи классовой борьбы, признание социал-демократии партией не только рабочего класса, но и всех трудящихся вообще. Заменила Эрфуртскую программу 1891 года. См.: [ГУКОВСКИЙ А.И.] Борьба классов и правительственная коалиция: По поводу Гёрлицкого съезда германской социал-демократии. Современные записки. 1921, кн. VIII, с. 324—345.
 27. Линцкая программа. Принята в 1926 г. на съезде австрийской социал-демократической партии. См.: ДАН Ф. Линцкая программа. — Социалистический вестник. 1926, 20 ноября, № 22 (140).
 28. Бауэр (Baueg) Отто (1881—1938) — австрийский политический деятель, теоретик австромарксизма, генеральный секретарь Социал-демократической партии Австрии.

«Неонэп» Г.М. Маленкова и кооперативная промышленность в 1953—1956 гг.

А.А. Пасс

Родовой чертой советской мобилизационной модели общественного развития стал перманентный кризис социальной сферы. Власти периодически предпринимали усилия по его разрешению, используя, в том числе, различные квазирыночные регуляторы в виде частичного допущения товарно-денежных отношений, гибкой налоговой политики, расширения для производителей сферы самостоятельно принимаемых решений. Если не принимать в расчет нэп, то за время правления И.В. Сталина так называемая «коммерческая торговля» переживала ренессанс дважды: в 1935—1938 и в 1943—1947 годах.

Послевоенное восстановление советской экономики, отмена карточного снабжения и некоторое повышение жизненного уровня трудящихся сделали актуальным уточнение путей и методов достижения стратегической цели развития советского общества — коммунизма. Разговоры о необходимости принятия развернутой программы его построения велись в Политбюро при подготовке к XIX съезду партии. Однако сам съезд постановил считать такой программой книгу И.В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». Важная теоретическая новация вождя, почерпнутая им из письма экономистов А.В. Саниной и В.Г. Венжера, датированного 14 мая 1952 г. (это видно по его пометкам, сделанным на полях послания), заключалась в отказе от широко распространенной тогда идеи «сближения» и «слияния» двух форм социалистической собственности и формулировании тезиса о грядущем «возвышении» колхозно-кооперативной собственности до уровня «всенародной» через прямой продуктообмен между городом и деревней ¹. Открыто было объявлено, что с точки зрения формационного подхода такие способы социально-экономической организации общества, как торговля и кооперативы, несут на себе отпечаток переходности, промежуточности, неполноценности, которые коммунисты должны преодолеть в обозримой исторической перспективе, если не хотят возрождения капитализма ².

Пасс Андрей Аркадьевич — доктор исторических наук, заведующий кафедрой Института гуманитарного образования Челябинского государственного университета.

Эти установки, растиражированные через агитпроп, в начале 1950-х гг. стали руководством к действию. Они нашли выражение в смещении центра тяжести управленческих решений партийной вертикали в сторону ключевых отраслей тяжелой промышленности, от которых зависел ускоренный рост всего индустриального комплекса и симметричный ответ на военные и геополитические вызовы Запада.

Надо отметить, что среди представителей высшего эшелона власти и ближайшего окружения Сталина были люди, не разделявшие его взглядов на экономическую политику. Конечно, при жизни лидера они были лишены возможности открыто излагать свою позицию. Но после того как вождя не стало, их видение воплотилось в конкретные директивы. В речи на похоронах Сталина председатель Совета Министров СССР Г.М. Маленков подчеркивал, что в области внутренней политики «наша главная задача состоит в том, чтобы неуклонно добиваться дальнейшего улучшения материального благосостояния рабочих, колхозников, интеллигенции, советских людей»³. На июльском 1953 г. пленуме ЦК КПСС он подверг резкой критике работу «Экономические проблемы социализма в СССР» и содержащийся в ней вывод о необходимости перехода от товарно-денежных отношений к продуктообмену⁴.

Тем временем, слепое копирование советского опыта, выразившееся в провозглашении рабочими партиями курса на форсированное строительство социализма, привело к опасным перекосам во внутренней политике некоторых стран «народной демократии». Дефицит продовольствия и потребительских товаров, помноженный на репарации и непосильные нормы выработки, вызвал настоящее паломничество восточных немцев в западную зону. Только в марте 1953 г. убежало 50 тыс. чел.⁵, а 16 июня в Берлине началось антиправительственное восстание. В распоряжении СМ СССР «О мерах по оздоровлению политической обстановки в ГДР», подготовленном Л.П. Берией и подписанном председателем Совмина Г.М. Маленковым, среди причин эксцессов называлось резкое ограничение частной инициативы, задевающее интересы широкого круга некрупных собственников, как в городе, так и в деревне, разорение большого количества ремесленников и кустарей. Признавалось целесообразным привлечение частного капитала в различные отрасли мелкой и кустарной промышленности, в сельское хозяйство, а также в область торговли, не допускающее его концентрации в значительных размерах⁶. Заслуживает внимания красноречивый эпизод: 1 июля 1953 г. Берия, уже будучи арестованным и находясь под следствием, написал письмо в ЦК КПСС, в котором каялся в своих ошибках, но продолжал считать предложения по германскому вопросу, направленные им в Президиум ЦК, правильными⁷. В этой связи интересно мнение Е.Т. Гайдара, полагавшего, что «в 1953 г. после смерти И.В. Сталина СССР ... был близок к стадии, на которой начались рыночные реформы в Югославии и Венгрии» (во второй половине 1960-х гг.)⁸.

Необходимость изменений в обществе ощущалась, имелись и желающие их осуществить. После смерти Берии, поддержавший Н.С. Хрущева Маленков подхватил инициативу реформ у поверженного бывшего сподвижника и на августовской 1953 г. сессии Верховного Совета СССР заявил о необходимости крутого подъема производства

товаров народного потребления ⁹. А.И. Микоян в речи на собрании Центропромсовета, сразу опубликованной в «Правде», осудил тех, кто продолжал относиться к промкооперации как к кустарной, не замечая сдвигов в ее технической оснащенности и преимуществ перед госпромышленностью, вытекающих из близости к источникам сырья и потребителям ¹⁰. В сентябре 1953 г. Хрущев созвал пленум ЦК КПСС, посвященный вопросам сельского хозяйства, где было решено ослабить внеэкономический пресс на колхозников. Газета ЦК КПСС в осторожной форме начала проводить мысль о допустимости при социализме на короткий срок опережающих темпов развития II подразделения ¹¹. Несколько десятилетий спустя Молотов в беседе с журналистом Ф. Чуевым квалифицировал эти нововведения «триумвирата» как победу «правого уклона» в партии ¹².

Современные историки «оттепели» (автор статьи разделяет их подход) склонны говорить о выборе курса на гармоничное развитие группы «Б» и социально ориентированную экономику ¹³, выражением которого явилось совместное постановление Совмина СССР и ЦК КПСС № 2593 от 10 октября 1953 г. «О расширении производства промышленных товаров широкого потребления и улучшении их качества». В нем отмечалось, что доля средств производства в продукции всей промышленности страны составила 70%. Создана мощная база, позволяющая поднять жизненный уровень трудящихся. Среди первоочередных мероприятий — приоритетное развитие местной промышленности и промкооперации в ряде районов, в том числе на Урале. Необходимо кардинально улучшить их работу по бытовому обслуживанию населения, увеличению сети ателье, комбинатов, мастерских по ремонту мебели, велосипедов, швейных машин, патефонов, радиоприемников, обуви, одежды.

Были высказаны нарекания в адрес исполнительных органов Советской власти, которые слабо руководят промысловой кооперацией, мало проявляют инициативу в деле ее роста, не оказывают артелям необходимой помощи. Перечислялись наиболее острые проблемы, стоявшие перед кооператорами: непригодные для целей производства помещения, территориальная разобщенность подразделений, маломощное устаревшее оборудование, плохое обеспечение грамотными кадрами. Отсюда — низкая эффективность труда, высокая себестоимость и неудовлетворительное качество продукции, систематическое невыполнение государственных заданий.

Утверждался двухлетний план, в рамках которого Центральный совет промысловой кооперации (Центропромсовет) ¹⁴ при тесном взаимодействии с Правительством РСФСР должен был освоить новые виды изделий «по лучшим образцам и моделям», организовать поточные линии с применением конвейеров, научиться широко применять опыт передовиков и новаторов. Ключ к успеху виделся в специализации предприятий промкооперации, более рациональном их размещении по районам с тем, чтобы расширить собственную сырьевую базу и сократить дальние и встречные перевозки.

Артелям разрешалось самостоятельно пересматривать нормы расхода материалов для выпуска модного ассортимента, а областными промысловым советам ходатайствовать о создании конструкторско-технологических бюро и лабораторий для оптимизации производствен-

ного процесса. Также промкооперативной системе позволили иметь свои СМУ и строительные тресты с целью быстрого возведения небольших заводов и фабрик по изготовлению потребительских товаров.

Промбанк обязали кредитовать эти операции суммами от 500 тыс. до 2 млн руб. на срок от 1 до 6 лет. Товарищества с положительным сальдо баланса могли беспрепятственно получать годовые ссуды до полумиллиона рублей под производственные запасы, незавершенное строительство и готовую продукцию без участия собственных оборотных средств ¹⁵.

Как только партийно-правительственное постановление стало известно на местах, состоялось его обсуждение. В Челябинске 29 октября 1953 г. открылся пленум ГК КПСС. Ключевой вопрос — удовлетворение насущных нужд трудящихся. Цитируем наиболее любопытные моменты из выступления первого секретаря горкома Б. Руссака «Беспощадно привлекать бракоделов к партийной и государственной ответственности» ¹⁶. «В магазинах вы не найдете женской обуви на низком каблуке и кожаной подошве». «В наш город, насчитывающий десятки машиностроительных предприятий, ...приколки для волос везем из Одессы, консервные ножи из Риги, запонки из Ленинграда, прищепки из Кургана». «Из 58 лучших образцов изделий ширпотреба 45 растеряли, в результате чего торговая палата передала дело в суд о взыскании их стоимости». «Качество и срок исполнения ремонта настолько плохие, что население ищет выход в том, чтобы обратиться к частнику и обычно находит его среди тех же рабочих мастерских, которые за особую плату и зачастую в рабочее время выполняют заказ». «Если надо отремонтировать что-нибудь из домашнего инвентаря, то приходится потратить несколько дней в поисках мастерской». «Бытовое обслуживание выпало из поля зрения горкома, райкомов партии и горисполкома». И наконец: «Правительством предусмотрено увеличить план по кооперативной промышленности со 157 до 175 млн руб. Установленное задание — прирост 15 % — не полностью отражает наши возможности. Задача заключается в том, чтобы дать в 1954 г. не менее 30 %».

Причина неудач, по мнению главы челябинских коммунистов, крылась в почти полном отсутствии у горпромсовета компетентных руководящих и инженерно-технических кадров. Действительно, на 300 чел. занятых в системе, приходился 1 инженер или техник. Этот показатель был в 23 раза меньше, чем на предприятиях союзно-республиканского подчинения, расположенных в пределах города. А разрыв в ежегодных капитальных вложениях поражал самое смелое воображение — 700 раз ¹⁷.

Принцип демократии советского типа предусматривал выслушивание и другой стороны. После секретаря горкома предоставили слово председателю артели «Кожобувь» Голубцову. Интересно сравнить эти два «дискурса». Кооператор поведал, что государственный план 1952 г. по изготовлению специальной рабочей обуви коллектив выполнил на 68 %, несмотря на обеспеченность его фондовым сырьем менее чем на треть. В текущем году Роспромсовет снял этот заказ и распорядился переключиться на пошив обуви для населения. Новый ассортимент оказался подкреплен материалами еще хуже. Централизованное выделение различного кожсырья по сравнению с предыду-

щим периодом уменьшилось от 3 до 10 раз. Упали показатели выработки: с 77 % в январе до 33 % в марте. В мае пришлось закрыть два обувных цеха, которым «совершенно нечего было делать». Половина специалистов уволилась. Тогда правление товарищества обратилось за помощью последовательно в горпромсовет, райком партии, райисполком, горисполком, Роспромсовет. В ответ только в апреле месяце прислали 16 проверочных комиссий. Не найдя нарушений, посочувствовали, но задание на второе полугодие все же снизили на 5 млн рублей.

Надо сказать, что артельщики не опустили руки и даже в этих тяжелых условиях изыскивали внутренние ресурсы. Они сумели освоить несколько модных фасонов дамских туфель, технологию покрывного крашения и опять столкнулись с препятствием: не смогли получить в горпромтехснабе ни клея, ни ниток для крепления подошвы. Зато получили указание — делайте что хотите, хоть прибивайте гвоздями, но план выполните. Не поскупилось руководство на «ценный совет»: переквалифицировать сапожников и кожевников в металлистов, поскольку в городе не хватало детских колясок и алюминиевой посуды.

Удивительно, но выход кооператорами был найден. «Кожобувь» стала делать галантерею — портмоне, сумочки, пояса, ремешки — из низкосортного малоразмерного сырья, которого имелось достаточно, и в августе справилась с утвержденной программой на 104 %. Однако по-прежнему с перебоями поступали красители и химикаты, что мешало устойчивому ритму производства.

В резюмирующей части Пленум ГК потребовал от партийных и советских организаций Челябинска принять необходимые меры по выполнению решений 5-й сессии Верховного Совета, постановления Совета Министров СССР и ЦК КПСС от 10 октября 1953 г. с тем, чтобы «резко увеличить выпуск товаров широкого потребления уже в 1954 г., а к 1955 г. иметь их в городе достаточное количество». Давалась разрядка по новым изделиям для промысловиков — они должны были освоить таковые в количестве не менее 25 видов. Достичь намеченных рубежей предлагалось за счет внедрения передовых технологий и обмена опытом, специализации, более эффективного использования научно-технического потенциала «шефов»¹⁸ и местного сырья. К его распределению подключили горплан. Кооператорам вменили в обязанность открыть 10 ателье мод, 20 павильонов и 6 комбинатов бытового обслуживания. Торгам досталась роль контролеров за соблюдением ГОСТов и стандартов, хотя непонятно, как можно было их выдерживать, работая с отходами.

Не обошлось без «стандартного набора» номенклатурных рекомендаций: устранить недостатки в социалистическом соревновании, провести массово-политические и культурно-воспитательные мероприятия среди членов артелей, повысить их квалификацию и ответственность за честь фабричной марки, «поставить в такие условия, которые бы давали возможность работать с толком и изо дня в день повышать производительность труда»¹⁹.

В декабре 1953 г. в некоторых райкомах партии состоялись пленумы с аналогичной повесткой. Обсуждалась возможность открытия учебных комбинатов по подготовке кадров для кооперативной промышленности и предоставления помещений под мастерские на первых этажах возводимых жилых домов²⁰. Часть окраинных партийных

комитетов Челябинска, например, Metallургический и Ленинский, где люди испытывали большие трудности в быту, вообще проигнорировала кооперативную проблематику ²¹.

Симптоматично, что в обкоме вопросом об увеличении производства, расширении ассортимента и улучшении качества товаров ширпотреба на предприятиях местпрома и промкооперации озаботились не сразу. Лишь в январе 1954 г., то есть через четыре месяца после провозглашения высшим органом государственной власти новой политической линии в хозяйственном строительстве, бюро ОК определило свою позицию. Возникает ощущение, что партийные чиновники не очень-то верили, что изменение приоритетов — «всерьез и надолго». Убеждает в этом и характер принятых решений в отношении промсоветов. Употреблялись расхожие фразы: «улучшить руководство, оказать практическую помощь», «установить систематический контроль за деятельностью».

Члены бюро обкома «приняли к сведению», что обл- и горисполкомы разработали и довели до каждого предприятия местной и кооперативной промышленности перспективные мероприятия по подъему производства товаров группы «Б», но сочли нужным указать на необходимость модернизации существующих технологий в течение I квартала 1954 г., чтобы выдержать стандарты качества. С этой целью предлагалось укрепить состав контролеров ОТК, повысить их профессионализм и снабдить подробными инструкциями ²². Слабым местом в товариществах была признана организация труда. Для ее улучшения партийцы потребовали ликвидировать простой оборудования, перестать гнаться за выполнением плана по валу и сосредоточиться на его ассортиментной составляющей.

Нарекания вызвала слабая постановка капитального строительства. Отсутствовала проектно-сметная документация. На нее не выделили лимиты, и поэтому Челябиноблпроект к реализации заказов для промысловых советов не приступил ²³. В итоге отпущенные средства не осваивались. Роспромсовет попросили вмешаться и помочь в данном вопросе. Но главную причину неудовлетворительной работы обкомом «по традиции» увидел в низком уровне политического сознания артельщиков. Чтобы его повысить, горкомы и райкомы обязали развернуть соревнование за досрочную реализацию задач, поставленных Совмином СССР и ЦК КПСС, и наладить плодотворное сотрудничество кооператоров с инженерами и техниками союзно-республиканских предприятий.

В документе имелся еще один пункт, который, по-видимому, был призван показать, как аппаратчики откликаются на нужды села. Пропитируем дословно: «В связи с большим спросом колхозов на обоз просить председателя РПС Ламакина перевести с 1954 г. миасскую артель “Объединение” Рособозсоюза на производство ходков и кошевок, специализировав ее на этих изделиях» ²⁴. Думается, промысловики могли бы самостоятельно, без вмешательства обкома, решить эту «проблему» на основе принципа «спрос рождает предложение».

И в дальнейшем обком партии собственной программы регионального развития кооперативного сектора так и не предложил, а предпочел сосредоточить свои усилия на контроле за ситуацией, связанной с текущим руководством горкома КПСС предприятиями

легкой, пищевой, местной и кооперативной промышленности, выпускавшими товары народного потребления²⁵. При таком подходе нивелировалась специфика артелей, как негосударственных предприятий, а содействие им в очередной раз сводилось либо к лозунгам, либо к мелочной регламентации. Это снижало ценность распоряжений, исходящих от областного штаба коммунистов. И совершенно справедливо на пленуме ОК, состоявшемся 8 февраля 1954 г., делегат Сочнева очень резко отозвалась о разделе отчета челябинской парторганизации, который был посвящен промысловым кооперативам. Она напомнила, что «на каждой областной конференции много говорилось о недостатках в их работе и сейчас повторяется дословно то, что было. Не видно людей, кто этим занимается, кто возглавляет, что изменилось. Если что хорошее есть, надо показать. А так — общие фразы. Они нас ни на что не нацеливают. Руководящих областных работников, которые это дело заваливают, необходимо наказывать»²⁶.

Тем не менее, определенное оживление интереса властей, прежде всего центральных, к промкооперации, официальное признание ее возможностей ощутило повлиять на разрешение бытовых коллизий, с которыми ежедневно сталкивались советские люди, имело следствием зримое улучшение ее работы. В 1954 г. были пополнены основные фонды челябинского областного промыслового совета: Роспромсовет выделил ему 4 локомотива, 200 швейных машин, 20 автомобилей, 9 пилорам, 5 дисковых пил, 3 кирпичеделательных агрегата, 20 станков и другое оборудование для металло- и деревообработки, сапоговаляльной, швейной и трикотажной отраслей. Кооператоры получили также 2 импортные молотобойные установки, 7 электросварочных аппаратов, роликовые ножницы, кран, волочильный стан. В итоге, ряд цехов перешел на поточное производство, в 4 артелях была механизирована выработка кирпича. В течение года удалось построить павильоны по обслуживанию населения в Кусе, Чесме, Магнитогорске; 4 склада готовых изделий (стройматериалы), ввести в строй швейные линии в Сатке и Троицке и небольшие мебельные фабрики — в Копейске, Уфалее, Магнитогорске. Наглядно достижения представлены в таблице²⁷:

Показатели	Годы	
	1953 г.	1954 г.
Валовое производство (тыс. руб.)	251 877	308 354
Ассортимент (план/выполнение, кол-во единиц)	34/15	37/18
Капитальные затраты (тыс. руб.)	4800	9200
Бытовые услуги (тыс. руб.)	10 367, 1	10 267, 2
Промысловые занятия (тыс. руб.)	7499, 6	10 165
Средняя выработка рабочего (тыс. руб.)	33 900	34 068
Средняя зарплата рабочего в год (тыс. руб.)	5357	5602

Не смогли преодолеть отставание силикатно-керамическое, трикотажное и деревообрабатывающее производства. Наиболее значительный рост показали химическая, мебельная, пищевкусовая, галантерейная и сапоговаляльная отрасли (соответственно: 138 %, 142, 145, 440, 160 %). Успех объяснялся увеличением использования местного

сырья и отходов госпромышленности, привлечением давальческих заказов. Впрочем, и государство стало более ответственно относиться к выделению артельщикам централизованных фондов материалов: их удельный вес в общем балансе вырос до 55 % против 32 % в 1950 году ²⁸. Среди вновь освоенных изделий — ручные культиваторы, художественное литье, детские велосипеды, деревянная резная игрушка, черепица, резиновые мячи и др.

Однако, просуществовав год с небольшим в режиме наибольшего благоприятствования, промкооперативная система стала невольным заложником борьбы за власть, развернувшейся между вчерашними союзниками: Первым секретарем ЦК КПСС Хрущевым и Председателем Совета Министров СССР Маленковым. Как отмечал А. Пыжиков «соперничество двух лидеров отражало борьбу государственного и партийного аппаратов за инициативу проведения своей собственной политики. Надо заметить, что в этих условиях Хрущев сумел найти удачную и острую форму тотальной атаки на государственный аппарат, являвшийся вотчиной Маленкова. Им был провозглашен курс на борьбу со всевозможными проявлениями бюрократизма в работе правительственных и советских органов. Эта политика оформлялась постановлениями ЦК КПСС «О серьезных недостатках в работе государственного аппарата» (январь 1954 г.) и «О существенных недостатках в структуре министерств и ведомств и мерах по улучшению работы государственного аппарата» (октябрь 1954 г.).

Конечная цель широко проводимой антибюрократической кампании становится понятной из итогов январского (1955 г.) пленума ЦК КПСС. На нем Хрущеву удалось добиться смещения Маленкова с поста Председателя Совета Министров СССР. Его деятельность была представлена в качестве олицетворения бюрократического стиля работы, осужденного партией и объявленного источником многих бед и недостатков. Обвинения, выдвинутые в адрес Маленкова, косались не только стиля его работы, но и различных содержательных вопросов. Особые нарекания вызвала его речь на сессии Верховного Совета СССР в августе 1953 г. о развитии легкой промышленности и производства товаров народного потребления. Она была охарактеризована как «экономически необоснованная, рассчитанная на снискание дешевой политической популярности» ²⁹.

Сам Георгий Максимиллианович неожиданно быстро смирился с поражением и не нашел ничего лучше, как заняться самобичеванием. Вот выдержки из его выступления на январском пленуме ЦК: «Моя речь на 5 сессии Верховного Совета СССР имела тот отрицательный результат, что в среде экономистов появились сочинители “теорий”, будто решение задачи крутого подъема производства предметов народного потребления означает, что в Советском Союзе стали действовать чуть ли не новые экономические закономерности. Некоторые из этих “теоретиков” договорились до того, что предлагают отбросить марксистскую теорию воспроизводства, отказаться от преимущественного развития тяжелой промышленности, взять курс на преимущественное развитие легкой промышленности. Ясно, что это есть не что иное, как перепев правооппортунистических взглядов, которым наша партия всегда будет давать отпор. Нельзя ни большому, ни малому руководителю заниматься декларативными обещани-

ями и подлаживаться под настроения, связанные с нуждами народа. Ибо если квалифицировать политически, то надо сказать, что это не что иное, как хвостизм. Это должно быть уроком для меня ... и предостережением от повторения подобных ошибок для каждого партийного деятеля ³⁰.

После таких признаний и откровений понятие «быт» превратилось для советского политического истеблишмента едва ли не в ругательство. Даже члену Президиума ЦК КПСС, Первому заместителю Предсовмина СССР Л.М. Кагановичу пришлось изменить название одного из параграфов в тексте своего выступления на июльском 1955 г. Пленуме ЦК, посвященном техническому прогрессу. Если первоначально оно звучало «Об улучшении руководства социалистическим соревнованием, условиями труда и быта рабочих», то в окончательной редакции выглядело так: «Об улучшении руководства делом организации труда и зарплаты, социалистическим соревнованием». «Опасный» термин был безжалостно вычеркнут ³¹. Кстати, делегаты именно этого партийного форума впервые поставили под сомнение целесообразность самостоятельного существования кооперативной промышленности и объявили о скорой передаче артелей, «утративших кооперативный характер», в госпромышленность ³².

Какие выводы мог сделать провинциальный партийный функционер, наблюдая подобные теоретико-методологические кульбиты? Во-первых, совершенно очевидным становилось обретение Коммунистической партией доминирующей роли в государстве и обществе ³³. Во-вторых, провозглашенная Центральным Комитетом КПСС (а не Верховным Советом, или Правительством) генеральная линия, в том числе в хозяйственном строительстве, и есть истина в последней инстанции. Попытка ее оспорить является уклонизмом со всеми вытекающими для карьеры последствиями ³⁴. В-третьих, неумение партийного работника и возглавляемой им структуры организовать удовлетворение повседневных потребностей людей на приемлемом уровне теперь вовсе не означало его профнепригодности.

Чем это вскоре обернулось для жителей индустриальных регионов видно из письма рабочих магнитогорского металлургического комбината, направленного в ЦК 14 ноября 1955 года. Они писали, что «ходят голодными, из продуктов одна капуста да несколько банок консервированных фруктов. Чтобы купить 1 кг хлеба надо занимать очередь с 5 часов утра. Уже три месяца нет сахара, мыла, не говоря уже о мясе, колбасах. В промтоварных магазинах тоже ничего нет или висят пальто, платья, костюмы за 2—3 тыс. руб. и больше ³⁵. Или опять же есть разные банки, склянки и всевозможные металлические и шорные изделия, которые нужно вывезти в сельскую местность. Надо снабжать города теми товарами, которые соответствуют населению и которые смогут приобрести рабочие. Так нам одно непонятно, слышать ежедневно по радио и в газетах рапорты о... перевыполнении плана... в 2—3 раза больше, чем в предыдущем году, а в магазинах становится все хуже в 2—3 раза... Куда это все девается и сколько можно терпеть такое положение? В магазинах ничего нет, а стоит прийти в воскресенье на рынок, так что только можно встретить, начиная от резинок и кончая автомашинами, все совершенно новые вещи свободно перепродаются и никто на это не обращает вни-

мания...». На письме секретарь ЦК КПСС А. Аристов наложил резолюцию: «Тов. Чураеву (зав. отделом партийных органов ЦК КПСС по РСФСР. — *А.П.*). Прошу направить работников ЦК для проверки» ³⁶.

В Магнитку приехала комиссия в составе инспектора ЦК КПСС С. Зодионченко, заместителей министров РСФСР: торговли В. Выходцева и внутренних дел М. Усова, которая полностью подтвердила изложенные факты. В ее отчете сообщалось, что в повседневной продаже отсутствуют или продаются крайне ограниченно мужская, дамская и детская обувь ходовых размеров, валенки, сапоги, хлопчатобумажные и дешевые шерстяные костюмы, телогрейки, пальто зимние, одежда для школьников, постельное белье, сатин и др. ткани, мужской трикотаж, чулки и носки, фарфоровая и фаянсовая посуда, мебель и даже лезвия для бритвы. И это — в городе-легенде, сердце отечественной металлургии. Надо полагать, что в менее знаменитой провинциальной глубинке дефицит предметов первой необходимости был еще острее. Текст записки был снабжен характерной ремаркой: «Челябинский обком КПСС, несмотря на сигналы, не принял достаточных мер к их устранению (непонятно чего — сигналов или недостатков. — *А.П.*), хотя в 1955 г. в Магнитогорске неоднократно бывали секретари ОК Лаптев, Соломенцев, Салмин, зав. финансово-торговым отделом Верзилов» ³⁷. Наверняка перечисленным деятелям, да и не только им, были хорошо известны тягостные будни магнитогорцев, но государственный корабль уже изменил курс, и команда слушала капитана, а не пассажиров.

Окончательную точку в вопросе о соотношении групп промышленности «А» и «Б» поставил XX съезд КПСС, отрывшийся 14 февраля 1956 года. Негативная оценка попыткам пересмотра основополагающих постулатов марксизма-ленинизма, выразившимся в отказе от форсированного развития тяжелой промышленности, давалась в отчетном докладе Хрущева и выступлении Секретаря ЦК КПСС М.А. Суслова. Хрущев, в частности, говорил: «Нашлись “мудрецы”, которые начали противопоставлять легкую промышленность тяжелой индустрии, уверяя, что преимущественное развитие тяжелой индустрии необходимо было лишь на ранних ступенях советской экономики, а теперь нам осталось только форсировать развитие легкой промышленности. Понятно, что партия дала должный отпор попыткам умалить результаты, достигнутые в социалистическом строительстве, а также поправила прожектеров и фантазеров, которые, оторвавшись от реальной действительности, вносили вредную путаницу в коренные вопросы развития социалистической экономики» ³⁸.

Лидер страны оказался в созданной им самим институциональной ловушке ³⁹. Выступив в роли блюстителя самого «всесильного и верного» учения и идейно разгромив соперников с их «ревизионистскими» взглядами, он вольно или невольно встал на путь превращения социалистической экономики в молох, требующий все новых и новых жертв.

Первой из них стал кооперативный уклад ⁴⁰. Несмотря на недостаточную степень обобществления и «неприоритетность», в 1954—1955 гг. он вышел на темпы роста 14,5—15 % в год (государственная промышленность показывала 10 %) и при этом финансово укреплялся. За годы пятой пятилетки его чистый доход за вычетом налогов с оборота и нетоварных операций составил 30 млрд рублей. Капиталь-

ные вложения увеличились в 2 раза. Были сданы в эксплуатацию 588 предприятий сметной стоимостью свыше 300 тыс. руб. каждое. Количество технологического оборудования возросло с 380 тыс. до 642 тыс. единиц⁴¹. Многие промартелы успешно конкурировали с предприятиями легкой, местной, пищевой промышленности.

Выглядело это как-то «не по-социалистически» и не согласовывалось с теоретическим наследием классиков⁴². Но они же подсказали решение. Кооперации суждено слиться с общенародным хозяйством. Правда, у К. Маркса этому должна предшествовать *организация объединенными кооперативными товариществами национального производства по общему плану*⁴³. Но это уже нюансы, от которых реальная политика обычно абстрагируется.

В итоге, в 1956—1960 гг. кооперативная промышленность была сначала частично, а затем и полностью национализирована. Страна обрела стерильную, в смысле соответствия идеологическим стереотипам, народнохозяйственную структуру. Коллективное предпринимательство, всячески третируемое режимом, но ранее институционально терпимое, оказалось под запретом. Общественные представления о его положительных, а равно и отрицательных сторонах, были утрачены. И это, на наш взгляд, среди прочих обстоятельств, закрыло возможность построения в России «народного капитализма» в ходе реформ 1990-х гг. и обусловило проведение «грабительской» приватизации с последующим формированием олигархических кланов.

Примечания

Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ (проект 14-01-00100).

1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 558, оп. 11, л. 58, 90.
2. Обществоведам XXI в. приходится признать правоту И.В. Сталина в данном вопросе.
3. Правда. 1953, 10 марта.
4. Известия ЦК КПСС. 1991, № 2, с. 198, 206.
5. БРАНДТ В. Воспоминания. — Вопросы истории. 1991, № 1, с. 101.
6. Россия XX в. Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М. 1999, с. 55—57.
7. Там же, с. 72—73.
8. ГАЙДАР Е. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М. 2005, с. 334.
9. Заседания Верховного Совета СССР. Пятая сессия: 5—8 августа 1953 года. Стенографический отчет. М. 1953, с. 264.
10. Правда. 26.VIII.1953.
11. КОРЯГИН А. Темпы развития социалистической промышленности. Правда. 29.XII.1953.
12. Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М. 1991, с. 323, 336, 366.
13. ПЫЖИКОВ А. Хрущевская «оттепель». Электронный ресурс. URL: <http://lib.rus.ec/b/195246/read#r448>.
14. Центропромсовет — общесоюзная уставная общественная организация, призванная координировать развитие кооперативных предприятий в масштабах всей страны. В РСФСР аналогичные функции выполнял Роспромсовет.
15. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО), ф. 288, оп. 17, д. 140, л. 110—121.
16. Член бюро райкома, председатель горпромсовета Варфоломеев, избранный в президиум XIII партконференции Советского района Челябинска (15—16 августа 1953 г.) то ли с досадой, то ли с юмором отмечал, что все руководящие работники ГПС непременно имеют какое-нибудь взыскание. ОГАЧО, ф. 119, оп. 1, д. 255, л. 2, 48.

17. Там же, ф. 92, оп. 6, д. 417, л. 28—34.
18. В ноябре 1953 г. Бюро ГК КПСС закрепило за каждой артелью куратора — предприятие союзного подчинения. Там же, д. 432, л. 22.
19. Там же, д. 417, л. 28—34, 54—57, 93—96.
20. См. напр.: Пленум Советского РК КПСС 30 декабря 1953 г. «О ходе выполнения решений 5-й сессии Верховного Совета СССР предприятиями легкой, пищевой, местной и кооперативной промышленности». ОГАЧО, ф. 119, оп. 1, д. 257, л. 231—232.
21. Там же, ф. 288, оп. 17, д. 262, л. 17.
22. В большинстве артелей должность контролеров ОТК в штатном расписании не предусматривалась.
23. ОГАЧО, ф. 804, оп. 15, д. 93, л. 91.
24. Там же, ф. 288, оп. 18, д. 22, л. 11—15.
25. См. постановление бюро ОК от 10 января 1955 г. «О руководстве Троицкого ГК КПСС предприятиями, производящими товары народного потребления». Там же, оп. 19, д. 9, л. 13—18.
26. Там же, оп. 18, д. 9, л. 77—78.
27. Составлена автором по: ОГАЧО, ф. 965, оп. 5, д. 80, л. 320—338; д. 132, л. 24—43.
28. Российский государственный архив экономики (РГАЭ), ф. 8101, оп. 1, д. 1575, л. 85.
29. ПЫЖИКОВ А. Ук. соч.
30. РГАСПИ, ф. 83, оп. 1, д. 4, л. 32—34.
31. Там же, ф. 81, оп. 3, д. 30, л. 32.
32. КПСС в резолюциях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 8. М. 1953, с. 521, 523.
33. В последние годы жизни Сталин в большей степени опирался не на партийные, а на правительственные органы.
34. При жизни Сталина такая дилемма не стояла, поскольку любое его суждение признавалось неоспоримым, независимо от того, по какой теме он выступал.
35. Для справки: машинист тяжелого экскаватора с емкостью ковша 10 кубических метров в начале 1956 г. в Челябинской области получал тарифную ставку 61 руб. в день, что по тем временам считалось очень хорошей зарплатой. РГАСПИ, ф. 556, оп. 14, д. 64, л. 153. Буханка белого «плодового» хлеба стоила тогда около двух рублей.
36. РГАСПИ, ф. 556, оп. 14, д. 26, л. 35—36.
37. Там же, л. 39—42.
38. XX съезд КПСС. Стенографический отчет. Т. 1. М. 1956, с. 115, 283.
39. В терминах неоинституциональной теории «институциональная ловушка — это неэффективная устойчивая норма (неэффективный институт), имеющая самоподдерживающийся характер». См.: АЛЕКСЕЕВА Ю.С. Институциональные ловушки. Электронный ресурс. URL: <http://www.be5.biz/ekonomika1/r2010/01012.htm>. Или как формулирует Д. Норт: «приращение изменений в технологической сфере, однажды принявшее определенное направление, может привести к победе одного технологического решения над другими даже тогда, когда первое технологическое направление, в конце концов, оказывается менее эффективным по сравнению с отвергнутой альтернативой». НОРТ Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М. 1997, с. 121.
40. Затем было урезано личное подсобное хозяйство селян, еще раз обескровлены колхозы посредством продажи им выработавших свой ресурс тракторов и комбайнов, закрыты «неперспективные деревни», провалена целинная эпопея, запрещена индивидуальная трудовая деятельность и т.д. Как следствие, к началу 1960-х гг. СССР вступил в эпоху роста цен на продовольствие и предметы первой необходимости. После повышения норм выработки на заводах и фабриках по крупным городам — Краснодару, Грозному, Новочеркаску — прокатились массовые волнения рабочих, для усмирения которых внутренние войска применяли оружие. Подробнее об этом см.: КОЗЛОВ В. Неизвестный СССР. Противостояние народа и власти. 1953—1985 гг. М. 2006, с. 271—276.
41. ЯКОВЛЕВ П.И. Промкооперация СССР за 40 лет. М. 1957, с. 22, 25.
42. По мысли К. Маркса и Ф. Энгельса кооперативные предприятия являлись порождением буржуазного строя и господствующих в нем частнособственнических отношений. С экономической точки зрения основоположники научного коммунизма считали кооперативы бесперспективными из-за их малых форм и притеснения со стороны господствующих классов. См.: МАРКС К., ЭНГЕЛЬС Ф. Инструкция делегатам временного центрального Совета по отдельным вопросам. Сочинения. Т. 16. М. 1960, с. 199.
43. МАРКС К., ЭНГЕЛЬС Ф. Гражданская война во Франции. Там же, т. 17, с. 346—347.

У Киреевых родилось пятеро детей, двое из которых умерли в младенчестве, а трое — Александр, Ольга и Николай — стали видными славянофилами второй половины XIX века. Это неудивительно: посетителями дома Киреевых были Аксаковы, Киреевские, Самарины, А.С. Хомяков. Не случайно А.А. Киреев называл себя «славянофилом по происхождению»⁴.

Крестным отцом всех детей А.Н. Киреева был император Николай I, чье правление запомнилось А.А. Кирееву как время «военщины, цензуры, обскурантизма, шагистики». «Отец хотел сделать из меня ученого помещика, матушка — дипломата», — вспоминал Александр Алексеевич⁵. В 1849 г. он уже готовился к поступлению в Московский университет, когда внезапно скончался его отец; тогда Николай I лично определил Александра и Николая Киреевых в Пажеский корпус. Там А.А. Киреев вошел в число лучших учеников и по окончании корпуса (1853) стал корнетом любимого полка Николая I — лейб-гвардии Конного полка, где некогда служил А.С. Хомяков. Во время Крымской войны Киреев добровольно нес службу в войсках на границе с Австрийской империей (к которой он с тех пор испытывал неизменную ненависть).

После кончины Николая I, оставшегося в памяти Киреева как образец рыцарских качеств, все семейство Киреевых поддалось реформистской эйфории, захлестнувшей русское общество. На первый план для них в те годы вышли требования свободы слова, отмены крепостного права, перехода экономики страны на капиталистические рельсы. «Живо помню наши юношеские восторги, наши золотые мечты! — вспоминал позже Киреев. — “Поле вспахано”, повторяли мы, и с нетерпением ожидали “сеятеля”...». Спустя полвека Кони писал Кирееву: «Мы дети одного времени, светлого и радостного, над которым сияют дорогие всякому любящему Россию имена — Александр II, Константин Николаевич и Елена Павловна, — и даже разноглася — мы душевно ближе друг к другу, чем к позднейшим поколениям»⁶.

В 1856—1859 гг. Киреев являлся вольнослушателем Петербургского университета, писал большой труд по этике, вместе с братом и сестрой посылал помощь славянским народам (через И.С. Аксакова). С 1861 г. он начал вести дневник, в который на протяжении полувека будет записывать свои размышления, фиксировать важные встречи, слухи, свои оценки событий в России и за рубежом.

В 1861 г. Киреев служил мировым посредником в Саратовской губернии и заключил уставные грамоты со своими крестьянами в Нижегородской губернии. Отмену крепостного права он считал выгодной для своей семьи, но беспокоился за дворян, понесших убытки в результате реформы. Отстаивание сословных интересов дворянства характерно для всех этапов жизни Киреева, но особенность его позиции в молодые годы заключается в приверженности к либеральным идеям быстрого и неограниченного развития капитализма в России, включая слом крестьянской общины и даже развитие ростовщичества⁷. Лишь в 1870-е гг., потеряв все семейное состояние, включая Сенькино, Киреев превратился в яркого приверженца общинных и артельных начал и строгого критика капитализма. С годами мыслитель скорректировал свое отношение и к отмене крепостного права: «Великая кре-

стьянская реформа была зрело обдумана, проведена в строго русском духе и — удалась; если же она, впоследствии, тяжело отозвалась и на помещиках, и на крестьянах, то лишь вследствие посторонних причин — уничтожения дешевого и *терпеливого* кредита для помещиков и введения *несметного* количества кабаков у крестьян»⁸.

Общественно-политические взгляды Киреева начала 1860-х гг. были во многом близки к платформе «Русского вестника» М.Н. Каткова: защита имущественного и образовательного ценза, надежды на ведущую роль дворянства в пореформенной России, недопущение политического равенства (при признании гражданского равенства для всех), крайне негативное отношение к радикалам и нигилистам, а также наиболее «космополитическим» группам либералов⁹. Социальным идеалом для Киреева этого времени являлась конституционная монархия британского типа. В 1862 г. в разгар дискуссии об имущественном цензе в русской печати он замечал: «Каждый имеет право на свободу при известной степени образования (права гражданские), но не все могут иметь право на власть (права политические)». Следует отметить, что данный тезис Киреев напрямую связывал с «англофильством» Каткова, поясняя: «С юности я привык обожать в английской нации ее практичность, честность, здравый смысл, и, still more, искренность и верность ее государственных мужей». Кирееву нравилось, что в Великобритании все имели гражданские права — прежде всего, свободу слова и собраний — но право голоса определялось имущественным цензом. «В Англии правительство вещь священная, представляющая результат драгоценного, заслуженного, заработанного права немногих, а во Франции всякая сволочь им пользуется», — писал молодой офицер¹⁰.

В то время он полагал, что конституция является «роком всякого народа», и Россия в ближайшем будущем неизбежно придет к ограничению власти монарха и усилению дворянства как самого культурного и способного класса¹¹. Лишь в середине 1860-х гг., после ряда длительных путешествий по Западной Европе, Киреев глубоко разочаруется в конституционализме и парламентаризме.

В 1862 г. Киреев подал в отставку из гвардии и стал адъютантом великого князя Константина Николаевича, что позволило ему на всю жизнь остаться человеком, приближенными ко двору и вхожим с самые высокие правительственные сферы. Благодаря своей многолетней службе у великого князя, Киреев получил уникальную возможность прямого общения с лидерами практически всех европейских государств, чего не удавалось добиться ни одному другому русскому консервативному мыслителю (за исключением разве что К.П. Победоносцева). Киреев в течение жизни был награжден семью российскими и пятнадцатью иностранными орденами, не считая почетных званий различных обществ.

В период наместничества великого князя Константина Николаевича в Польше (1862—1863 гг.) Киреев выполнял при нем важнейшие поручения, помогал разрабатывать программу реформ. Высоко оценивая деятельность маркиза А. Велёпольского, Киреев глубоко сожалел о том, что поляки не захотели автономии в рамках Царства Польского и посягнули на западнорусские земли. С тех пор он неоднократно, вплоть до начала XX в., предлагал проекты примирения с

поляками на основе деполонизации Белоруссии, Малороссии и Литвы и предоставления широкой автономии собственно Польше.

В июне 1865 г. Киреев был избран секретарем Подольского уездного земства, в котором тогда были сосредоточены многие виднейшие общественные деятели России и которое быстро превратилось в центр политической борьбы. Киреев мечтал сделать из земства мощный инструмент в руках дворянства¹². Разработав детальный проект типового ипотечного устава (так и не реализованный), он приобрел определенную популярность среди помещиков. В 1866 г. Киреев принял первую попытку создать «либерально-консервативную» политическую партию в целях наилучшего, на его взгляд, осуществления программы реформ Александра II, особенно для борьбы с бюрократизмом и защиты экономических интересов помещиков в условиях отмены крепостного права. «Серьезных сил нет нигде, — писал он, — ни в правительстве, ни в земстве, ни в дворянстве; что-нибудь серьезное может выйти только из соединения этих сил, поэтому-то и возможна только моя программа». Эта программа предусматривала эклектическое сочетание принципов Каткова, Аксакова и великого князя Константина Николаевича. По замыслу Киреева, созданная им партия должна была стать противовесом и нигилистам, и реакционерам, и крайним либералам, и олигархической партии «Вести», и «красному» Н.А. Милютину (которого Киреев считал главным и непримиримым противником умеренно-либерального дворянства). Следует отметить, что свою планируемую «партию» Киреев видел не чисто дворянской, она должна была олицетворять «всю Россию», сосредоточенную в земстве: «Мы не можем забывать дворянских интересов, но мы должны опережать других на пути либеральных мер». Конечно, такие представления были далеки от реальности, как отмечает И.А. Христофоров. Киреева поддержали только А.П. Бобринский и Ю.Л. Тенгоборский¹³.

Поначалу Александр Алексеевич пытался вести переговоры с «олигархической партией» (В.П. Орлов-Давыдов, Н.А. Безобразов, В.Д. Скарятин, Д.Д. Голохвастов, И.И. Мусин-Пушкин, Л.Н. Гагарин, С.Д. Шереметев), мечтавшей создать «палату пэров» и захватить власть в руки земельных магнатов, но вскоре решительно с ними разошелся и остался без союзников. Его планы не встретили понимания практически ни у кого. Ни один министр и слышать не хотел, к примеру, о созыве законосовещательного собрания. «Какая тут Her Majesty's opposition, не из чего управу составить», — сетовал раздосадованный мыслитель¹⁴.

Тем не менее, в ноябре 1866 г. Киреев помог великому князю Константину Николаевичу сочинить проект неперiodического созыва совещательного собрания дворян и земцев в помощь Государственному Совету. Предполагалось, что по желанию правительства оно могло собирать для консультаций по два — три депутата от дворянских и земских собраний. Этот проект, одобренный некоторыми министрами, был дальним предтечей позднейших замыслов Киреева по созыву земского собора. В 1910 г. он объяснял зарождение мысли о совещательном собрании в 1860-е гг. «потребностью нового порядка, желающего осведомлять царя о народных потребностях и стремлениях (никакой олигархии)»¹⁵.

Тем временем произошло событие, заставившее Киреева скорректировать свою политическую позицию. 21 ноября 1866 г. было принято положение, значительно урезавшее права земств на налогообложение. По поручению Московского губернского земского собрания, вступившего в конфликт с губернатором, 31 декабря 1866 г. Киреев изложил в личной беседе с Александром II свое видение роли земств как выразителей общественного мнения и местных нужд, как крепкой опоры монархии. «Спасибо, все, что ты говорил, не будет потеряно», — ответствовал император¹⁶. Эта беседа глубоко повлияла на Киреева, сразу после нее он открыто стал позиционировать себя как славянофила. «Единственная форма правления, могущая спасти Россию, есть либерально-совещательная (древнемосковская)». Позднее он так объяснял свою идейную эволюцию, умалчивая о кратком периоде конституционных симпатий: «Ребенком я чувствовал правду славянофильского, древнерусского самодержавия середины XVI — до конца XVII столетия (самодержавие, вслушивающееся в голос народа), юношей эти неясные чувства я понял умом. У возмужалого мысли эти сложились в твердые убеждения; я им служил со всею данною мне энергией»¹⁷.

В январе 1868 г. петербургское земство было распущено за требования конституции, а его лидеры высланы из столицы. Киреев не сочувствовал петербуржцам, но все же воспринял произошедшие события как крах надежд на скорый созыв совещательного представительства. Он все более скептически отзывался о готовности русского общества к конституции, а к осени 1867 г. окончательно стал ее убежденным противником¹⁸.

К концу 1867 г. Киреев остро ощутил неосуществимость своих прежних надежд. Он подвергался нападкам со стороны и либералов, и консерваторов, и петербуржцев, и москвичей. «Никогда человек умеренных убеждений не будет иметь успеха в кризисное время, — сетовал Киреев. — Я положительно прав, но к сожалению, я именно потому... и не могу понравиться ни одной из заинтересованных сторон... Тут много трагизма, видеть правду и не быть понятым никем!»¹⁹

Провал попытки «одворянивания» земства стал не единственным ударом по либерально-консервативной программе Киреева. Не меньшее разочарование ждало его и на втором фронте борьбы — в деле создания Общества взаимного поземельного кредита, созданного им совместно с Бобринским, для продажи в ипотеку русским дворянам польских имений в Западном крае. Бобринский заманил в ОВПК представителей «олигархической партии», а Киреев пытался вовлечь великого князя Константина Николаевича. «Состав банка, в котором я принял участие, был очень пестр, — вспоминал Киреев. — Там были местные люди (landlords) вроде Григория Щербатова, тянувшие к народу, к земству, и были аристократы-чиновники, презиравшие народ». Несмотря на столь разнообразный состав руководства Общества, в глазах Каткова, Тютчевых, Аксаковых, Самариных оно воспринималось именно как инструмент «олигархической партии», а репутация Киреева сильно пострадала²⁰.

В довершение всех неприятностей, в январе 1867 г. в правление ОВПК вошел «полонофил» П.А. Шувалов, а затем и П.А. Валуев, что в корне противоречило изначальному замыслу Общества. И хотя ле-

том 1867 г. Александр II приказал выделить для ОВПК субсидию 5 млн руб. и дать государственные гарантии, Киреев был вынужден со скандалом уйти из правления Общества в мае 1868 года. Лишь в 1873 г. Кирееву вместе с великим князем Константином Николаевичем удалось добиться высочайшего разрешения на создание Центрального банка российского поземельного кредита, что вряд ли могло компенсировать общую неудачу киреевских проектов.

Еще раньше, в январе 1868 г., после того как император проявил недовольство активной деятельностью Киреева, он вышел из состава Подольского земства. Давая ретроспективную оценку молодому общественному институту, он отмечал, что земство отучило многих дворян от утопических мечтаний о конституции, но в то же время продемонстрировало разобщенность российского общества и отсутствие малейшего доверия между ним и правительством. Киреев писал: «Хорошо то, что земство является организованным орудием, служащим народу для выражения своих желаний и мнений. Грустно то, что и само земство еще не пришло к определенной мысли, что оно не сплотилось, не представляет твердой массы с определенными очертаниями. Но все эти хорошие стороны еще только *в виде надежды*, результаты еще очень далеки»²¹. Тем не менее, и в дальнейшем Киреев отстаивал права и полномочия земств везде, где это было возможно, не утрачивая веры в «непочатые силы» земств до самого 1905 года.

Таким образом, первая попытка Киреева достичь быстрого успеха на общественно-политическом поприще закончилась провалом. Его патрон, великий князь Константин Николаевич, также находился в относительной политической изоляции. Меры правительства против газет Каткова и Аксакова, почитателем которых был Киреев, привели его в состояние глухой оппозиционности в годы «шуваловщины» (1866—1874). Имена Шувалова, Валуева и А.Е. Тимашева стали для Киреева синонимами ненавистной западной бюрократии. Символами же сопротивления ей, как и в 1860-е гг., оставались имена Аксакова и Каткова, о разногласиях между которыми Киреев неизменно жалел.

К рубежу 60-х — 70-х гг. XIX в. относятся и перемены в личной жизни Киреева. Если ранее он сетовал на свою излишнюю идеальность, мешающую ему наладить отношения с противоположным полом и приводившую к ошибкам («Прежде я бывал влюблен в дур, теперь уже нет», — писал молодой Киреев в дневнике), то после ряда неудачных попыток жениться к 1867 г. он остановил свой выбор на М.Э. фон Келлер. На этом пути Киреев сразу столкнулся со сложностями: она была не только католичкой и наполовину полячкой, что при его православных и славянофильских убеждениях служило серьезным препятствием к браку, но еще и заядлой авантюристкой. Келлер сначала заняла у Киреева громадную сумму (15 тыс. руб.), а затем решила выйти замуж за Н.П. Клейнмихеля, что привело к громкому скандалу в апреле 1871 года. Ситуацию спас великий князь Константин Николаевич, сумевший примирить все стороны конфликта. Однако в 1879—1880 гг. отношения Киреева с овдовевшей М. Клейнмихель вновь обострились и дошли до суда: мыслителю удалось вернуть свои деньги²².

Сам Киреев так и остался холостым и не испытывал более беспокойств по этому поводу (семейство князей Константиновичей вполне заменило ему собственную семью), зато к личной жизни других людей, включая членов династии Романовых, он неизменно подходил с самыми строгими моральными и религиозными мерками, в частности, категорически не приемля никаких разводов и противодействуя законодательным послаблениям в этой области. Графиню Келлер-Клейнмихель же ждало большое будущее: вступая в близкие отношения со многими российскими министрами и дипломатами, она активно участвовала в политических интригах и в 80-е, и в 90-е гг. XIX в., а в старости, в годы первой мировой войны, революции и эмиграции, она неизменно оказывалась в центре скандалов (повторив в этом судьбу своей матери, М.И. Ризнич-Келлер, женщины с не менее удивительной биографией). Дневники Киреева и великого князя Константина Николаевича содержат интересные и еще не использованные историками сведения об этой удивительной женщине.

В связи с невозможностью политических выступлений в годы «шуваловщины», а отчасти и в связи со столкновениями с Келлер на почве ее католицизма, на рубеже 60-х — 70-х гг. XIX в. основное внимание Киреева было приковано к отделению движения старокатоликов от римско-католической церкви после провозглашения догмата о папской непогрешимости на Ватиканском соборе 1870 года. Рассматривая католицизм как крупнейшего политического противника России и славянства, Киреев вместе с целой плеядой русских богословов активно включился в попытки воссоединения старокатоликов с православной церковью. В 1872 г. он стал секретарем петербургского отдела Общества любителей духовного просвещения под председательством великого князя Константина Николаевича. Поездки Киреева в составе русской делегации на старокатолические конференции в 1874—1875 гг. привели к подписанию ряда богословских соглашений между православными и старокатоликами. Кирееву удалось заинтересовать в старокатолическом деле ряд сановников, добиться официального одобрения со стороны Александра II и Св. Синода. Следует иметь в виду, что личная религиозность Киреева носила отчетливый модернистский, полупротестантский оттенок, и в чаемом воссоединении православных со старокатоликами он видел не только путь к созданию автокефальной православной церкви западного обряда в Европе, но и способ модернистского обновления внутреннего устройства и богословия в самой русской православной церкви, избавления ее от «мужицких», «темных» суеверий²³.

Категорическое неприятие Киреевым проявлений простонародной религиозности, преимущественно моральное понимание христианства, скептическое отношение к святыням (иконам, мощам, канонизации новых святых), доходившее до крайностей, а также отрицание учения о пресуществлении Евхаристии и призывы к пересмотру канонов не раз вызывали недоумение и критику со стороны ряда более консервативных мыслителей, особенно К.Н. Леонтьева, Л.А. Тихомирова и Н.Ф. Фёдорова, который писал: «Страшно подумать, что станет с православием после этого очищения либералами Киреевыми канонов православной церкви». Позднейшим продолжением этой критики стали замечания П.А. Флоренского в адрес славяно-

фильской «ереси», вызванные его перепиской с близким соратником Киреева Ф.Д. Самариным ²⁴.

После участия в Славянском съезде в Москве в 1867 г. социально-политическая активность Киреева переместилась в русло московского Славянского комитета, в число основателей которого в 1869 г. он вошел вместе с братом. На дело освобождения славян от османского владычества братья потратили почти все свое состояние, вложили почти весь родительский капитал в Рыбинско-Бологовскую железную дорогу (1870 г.), Луганский горный завод (1875 г.) и другие предприятия, но были обмануты и быстро разорились. От нищеты их спасла только помощь великого князя Константина Николаевича.

Во время балканского кризиса 1875—1876 гг. Славянские комитеты перешли от гуманитарной помощи к поставкам оружия славянским повстанцам. Киреев стал председателем герцеговинской комиссии Славянского комитета. Поначалу чаяния русских панславистов были весьма умеренными: речь шла лишь об автономии для Болгарии, Боснии и Герцеговины, а также о расширении территории Черногории. В апреле 1876 г. по поручению Комитета Н.А. Киреев отправился на Балканы с полевым лазаретом и транспортом медикаментов для помощи в войне с Турцией. В июне в Сербии ему внезапно поручили наспех формировать добровольческие отряды. Под именем Хаджи-Гирей он принял командование одним из них и 6 (18) июля 1876 г. героически погиб в бою у Раковиц (в Киреева попали семь пуль, но он продолжал командовать атакой до последнего). На месте его гибели (ныне — в Болгарии, на самой границе с Сербией) и сейчас существует основанное в 1883 г. село Киреево, где оберегается его могила. Н.А. Киреев был первым русским добровольцем, погибшим на Балканах, и, по признанию современников, именно его смерть стала стимулом к резкой активизации панславистского движения в России, к миссии М.Г. Черняева, а брата и сестру героя — Александра Киреева и Ольгу Новикову — побудила стать славянофильскими публицистами.

Дальнейшая судьба Александра Алексеевича не будет вполне понятной, если не уделить внимания личности его сестры О.А. Новиковой. В юности она вышла замуж за крупного чиновника, генерал-лейтенанта И.П. Новикова, чей брат Е.П. Новиков был послом в Афинах и Вене и противодействовал славянофилам. После рождения сына (в будущем также видного общественного деятеля) Ольга Новикова стала приезжать к мужу и сыну только летом, остальное время года проводя в Лондоне. Там, используя отчасти старые связи своего покойного отца, отчасти полагаясь на свою собственную энергичность, она сумела войти в круг крупнейших политиков, интеллектуалов, духовных лиц Великобритании. Близкими друзьями Новиковой в разное время были И.С. Тургенев, И.С. Павлов, В.А. Серов, А.В. Никитенко, Л.Н. Толстой, А.Ф. Писемский, И.А. Гончаров, Ф.И. Тютчев, Ф.М. Достоевский, М.Н. Катков, К.Н. Леонтьев, К.П. Победоносцев, М.Д. Скобелев, В.В. Верещагин, Н.С. Лесков, А.Ф. Кони, П.Д. Боборыкин, В.С. Соловьёв, Е.П. Блаватская, М. Нордау, Б. Ауэрбах, А. Кайзерлинг, Т. Карлейль, У.Ю. Гладстон, Дж.А. Фроуд, Э.А. Фримен, А.У. Кинглейк, Ч. Вильер, У. Лекки, Дж. Тиндал, У.Т. Стэд, Й. Овербек.

Новикова не скрывала свой русский патриотизм и уже с 1863 г. пыталась всячески влиять на британских политиков в направлении мира и дружбы с Россией. К 1870-м гг. она прочно заработала репутацию «русского агента в Лондоне» и даже «депутата парламента от России». Обладая большим влиянием на Гладстона, Новикова возбудила немалую ненависть к себе у Б. Дизраэли и К. Маркса. Объясняя причины своей политической активности, она писала: «Это Англия убила моего брата. Это Англия мешает нашему правительству помочь нашим братьям на Балканах... Я хочу продолжать его дело и отомстить за него, но не могу это сделать с помощью оружия, поэтому сделаю, как могу, словом и пером... Отстаивая своих, я мщу за смерть брата — иначе за него мстить нельзя!»²⁵

Новикова выступала со статьями в британской печати, выпускала брошюры с резкой критикой антироссийской политики консервативного кабинета Дизраэли: «Ошибается ли Россия?», «Друзья или враги», «Россия и Англия в 1876—1880 гг.», «Скобелев и славянский вопрос», «Правда о России». Она издала на английском и французском языках «Дневник писателя» Достоевского, «Размышления русского государственного деятеля» К.П. Победоносцева, а также ряд брошюр Киреева. Статьи Новиковой о ситуации в Англии появлялись в газетах «Русь» и «Московские ведомости», в журнале «Русский вестник». Как и сам Киреев, его сестра пыталась синтезировать идеи столь разных консерваторов, как Катков и Аксаков, Победоносцев и Достоевский, выделив у них ряд общих положений и преподнося эти положения английской публике как квинтэссенцию русского консерватизма. Разумеется, благодаря Новиковой, ее брат получил уникальную возможность пропагандировать и разъяснять свои идеи в Великобритании.

По примеру сестры Киреев после гибели брата и позорного, на его взгляд, Берлинского конгресса, тоже решил выступить в роли публициста. Усиление революционного террора и распространение социалистических идей среди молодежи стали поводом для написания первой крупной публицистической работы Киреева — брошюры «Избавимся ли мы от нигилизма» (1879). Стоит отметить, что в процессе ее написания автор консультировался с Аксаковым и особенно с Достоевским, который в последние годы жизни стал довольно близким другом Киреева²⁶.

Заявив о себе как о серьезном публицисте, Киреев уже в 1883 г. стал идейным вдохновителем журнала «Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества», первый номер которого открывала его программная статья²⁷. С этого момента Киреев начинает выдвигаться на место крупнейшего идеолога позднего славянофильства. После смерти в 1885—1887 гг. таких крупных консерваторов, как Данилевский, Аксаков, Катков, Н.П. Гиляров-Платонов, Киреев стал позиционировать себя как человека, осуществившего синтез идей всех этих мыслителей. «Со смертью Каткова, — писал Киреев Тихомирову, — у нашего правительства защитников нет; нет у него и Аксакова... А теперь кто у нас консервативный писатель? Где консервативный журнал? Газеты нет ни единой, а либеральные есть, глупые и скверные — но *влиятельные!*» Пытаясь занять опустевшее место, Киреев в 1887 г. выпустил брошюру «Катков и Акса-

ков», в которой всячески подчеркивал сходство, стремясь сгладить различие между двумя мыслителями. «О многом они рассуждали одинаково, оттенок между ними один. Аксаков верит больше обществу, нежели правительству, Катков — наоборот, от этого и разница между ними во взглядах на приглашение сведущих людей, на совещание с обществом, с его представителями. Но оба они за православие, за народность, за самодержавие, за освобождение крестьян, оба враги парламентаризма, враги “интеллигентов”, адвокатов, мироедов». Сам Катков говорил об Аксакове: «Во всех вопросах, где шло дело о славе и чести России, мы стояли заодно». Киреев размышлял: «Как иногда главные черты теряются за мелкими! Например, Аксаков и Катков считают себя противниками, а между тем и вся Россия и в особенности весь славянский мир вполне понимают, что они служат тем же самым идеалам, преследуют те же самые цели (вера православная, народность, классическое образование, самодержавие)!» «За границей вполне сознавали, что и Катков, и Аксаков — люди одного и того же направления», — писал Киреев²⁸.

Нельзя не согласиться с С.М. Сергеевым, что «Киреев чересчур замазывает принципиальные противоречия между двумя столпами русского традиционализма, но то, что они оба относятся к одному идейному лагерю (хотя и к разным его флангам), он отметил совершенно верно»²⁹. Впрочем, Киреев хотел не столько скрыть различия между Катковым и Аксаковым, сколько синтезировать их позиции. Своим долгом он считал быть глашатаем и пропагандистом этого консервативного синтеза. Киреев писал: «Долг этот лежит на мне *теперь* более, нежели прежде, когда живы были Катков и Аксаков, пишу это не как самозванец, но и не хвастаясь. Конечно, у меня нет и малой части их публицистического таланта, но я стоял к ним обоим очень близко, и *более кого бы то ни было* могу быть представителем их идей: я вполне уверен, что то, что написано мною... они *оба* подписали бы *обеими* руками»³⁰. Что касается таких друзей и соратников Киреева, как Д.А. Хомяков и Самарин, то они писали намного меньше него, были менее влиятельны, и генерал имел основания похвалить себя: «Для развития мысли славянофильской, конечно, я работаю один». Да и некоторые оппоненты признавали Киреева «вожаком славянофильства». В 1895 г. он сам заявил Николаю II: «Я воспитывался и рос среди славянофилов, а теперь обстоятельства поставили меня (за неимением достойнейшего) во главе славянофильской мысли, я в этом служении вижу свой долг всей своей жизни»³¹.

Однако это не означало признания Киреева со стороны других поздних славянофилов, в чьих рядах после смерти И.С. Аксакова не было единства. А.В. Васильев, О.Ф. Миллер, Н.П. Аксаков, резко нападая на Киреева, пытались превратить славянофильство в национально окрашенный либерализм³². В.И. Ламанский вступил в конфликт с Киреевым по поводу славянского вопроса³³. Хомяков и Самарин разделяли многие его мысли, но считали себя чуть «правее» него. С.Ф. Шарапов ревниво относился к Кирееву как к конкуренту. В то же время 80-е и 90-е гг. XIX в. ознаменовались острой полемикой Киреева как с теми консерваторами, кто видел в славянофильстве опасное «либеральничанье» (Леонтьев, Победоносцев, В.А. Грингмут), так и с либералами-западниками (прежде всего, с С.Н. Трубецким и

П.Н. Милюковым). Отмежевываясь от взглядов этих публицистов, Киреев желал подготовить молодую смену консервативных мыслителей. Здесь следует назвать два имени. Во-первых, в 1877—1881 гг. Киреев сыграл ключевую роль в издании и распространении работ юного Соловьёва, в организации его публичных выступлений (не говоря уже о знаменитой поездке философа в Лондон в 1875 г., которая стала возможна только благодаря Новиковой). В дальнейшем Соловьёв не оправдал надежд славянофилов и в 1887 г. порвал отношения с Киреевым, после чего тот нашел другого протеже — Тихомирова, который был реабилитирован Александром III и сумел занять прочные позиции в России именно благодаря Кирееву и Новиковой.

Основной своей целью в изменившихся условиях конца XIX в. Киреев считал популяризацию славянофильства в народных массах и особенно заботился о распространении своих идей среди молодежи. Этим были обусловлены его многолетний интерес к проблемам образования, упорное отстаивание строгой классицистской программы в гимназиях (в этом деле Киреев продолжал линию Каткова, доводя ее даже до крайностей), призывы к расширению преподавания философии в университетах, личные встречи со студентами. Весомый вклад внес Киреев в развитие спорта в России, прежде всего верховой езды и фехтования (за свои многолетние заслуги в этой сфере он стал почетным председателем первого всероссийского фехтовального турнира в 1908 г.). Также Киреев (вместе с великим князем Константином Николаевичем) с начала 1860-х гг. стоял у истоков Петербургской консерватории и Императорского музыкального общества, стал его почетным членом и добился признания таланта своего друга — А.Г. Рубинштейна.

Киреев принимал основополагающую роль формулы «православие, самодержавие, народность», оговаривая, что славянофилы и охранители понимают каждый из ее компонентов по-разному³⁴. Более того, он признавал необходимость переосмысления конкретного приложения данного лозунга к новым обстоятельствам по сравнению с ранними славянофилами: «Наши “три кита”, на которых стоит Русь — православие, самодержавие и народность — были безусловно тверды, пока на них смотрели с детской райской простотой, но с тех пор, как мы начали относиться критически к этим формулам, мы сообразили, что пора отдать себе отчет в значении их. Отцы славянофильства, конечно, вкладывали в них очень определенный смысл, но со временем, хотя самые принципы остаются неизменными, способ их применения к жизни видоизменяется... Общественное мнение, несомненно, усвоило себе славянофильские понятия, они стали общим достоянием, но поэтому-то и подверглись кривотолкам». Славянофильство, в представлении Киреева, прошло путь от узкого московского кружка 1840-х гг. до начала XX в., когда стала «славянофильствовать чуть ли не большая половина всей России». За полвека «много воды утекло! Три “кита” поплыли и проплыли далеко! Явились новые факторы, новые вопросы и во внешней, и во внутренней политике России». Поэтому и настала пора написания таких работ, как статья «Сущность славянофильского учения» (1883) и книга «Краткое изложение славянофильского учения» (1896). Киреев разъяснял: «Осно-

ватели систем, доктрин не занимались их приведением в систему, им было не до того — это работа позднейших времен... В катехизис уже зачисляется результат борьбы, инвентарь приобретений в нравственной области. Необходимо заняться именно катехизацией, но кроме того, нужно еще заняться *распространением* наших доктрин»³⁵.

Киреев защищал русское самодержавие как уникальный социальный институт, позволяющий народу сохранять свой традиционный быт, не претендуя на то, чтобы «государствовать». Он отличал «самодержавие», понимаемое как правовая монархия (по формуле «много умов — одна воля»), и от азиатских деспотий, и от западного абсолютизма, утвердившегося в послепетровской России («один ум — одна воля»), и от парламентаризма, вырождающегося в охлократию и деспотизм большинства («много умов — много волей»)³⁶.

Проблемы России, считал Киреев, коренятся в бюрократизации управления. Его неприязнь к столичной бюрократии перерастала в личную ненависть к Петербургу как западническому городу, чужеродному телу в России. Любопытно, что еще в 1890-е гг. Киреев выступал с инициативой переименования «чухонских Афин» в Петроград³⁷. В противовес петербургскому абсолютизму он апеллировал к старому московскому самодержавию. Священность царской власти Киреев обосновывал подчинением царя авторитету Церкви и его верностью Православию. Монарх, по его мнению, не может ни нарушить православные догматы («Символ веры — вот наша конституция!»), ни пойти против народного духа и быта³⁸.

В теории Киреев однозначно ставил церковь выше государства (на практике он допускал отступления от этого принципа): «Русский человек *более, прежде христианин и сын православной церкви, нежели гражданин русского государства*». Только христианское государство, по мысли Киреева, может оправдать свое существование, только оно «имеет святейшее и неотъемлемое право отвечать картечью на действия подданных». Напротив, подданный имеет право восстать даже с оружием в руках против государства нерелигиозного, не связанного с церковью. «Государство не имеет никакого права вторгаться в область церкви, которая для него должна быть священна, — писал Киреев. — Вне этой сферы я готов отдать “кесарю” все, последнюю мою каплю крови и мой последний грош, я их отдам даже и тогда, когда эти требования, по-моему, несправедливы, бесцельны; но когда государство становится во враждебные отношения к моей Церкви, я несомненно стану и должен стать на сторону последней»³⁹.

Киреев постоянно повторял, что «*только церковь делает Русь — Святою Русью*», без нее «утратим мы свое мировое значение, мы сделаемся *никуда негодною страшной, материальной силой*». «Самодержавие терпимо и благотворно (*лучшая* форма правления), когда оно соединено с церковью (органически), когда выслушивает народный голос»⁴⁰. Он шел гораздо дальше других славянофилов, утверждая, что «Россия — это православная церковь, соединенная с народом русским и лишь облеченная в мундир государства... Россия — не государство, а церковь-государство». При таком понимании, естественно, становился невозможен никакой клерикализм или вражда церкви с государством: «Мы — и государство, мы же — и церковь... Не можем же мы бороться сами с собой»⁴¹. Такая православная и самодер-

жавная Россия противопоставлялась у Киреева Западу с его политической и социальной внутренней борьбой, юридически закрепленной в конституциях. Русский народ, полагал Киреев, добровольно призвал Рюрика и выбрал на царство Михаила Романова, потому «между государем и большинством его народа не было политического “средостения”». При любых всенародных выборах русский народ все равно бы выбрал царя, утверждал он ⁴².

Киреев отстаивал необходимость сохранения «органических» частей самодержавной России: сплоченного дворянства, крестьянской сельской общины, артелей, церковных приходов и прочего. Его слова о крестьянской общине напоминают порою упования Герцена или народников: «В России мы находим настоящую крестьянскую республику — наиболее демократическое и социалистическое учреждение во всей Европе, которое *может дать западному миру, усталому от индивидуализма и всемирного соревнования... указание на возможное решение наиболее жгучих его затруднений*» ⁴³. Если в 60-е гг. XIX в. Киреев указывал исключительно на недостатки общины, то в 80-е гг. говорил исключительно о ее достоинствах, особенно выделяя ее морально-нравственное значение (воспитание братства). Как и большинство консерваторов, он считал, что свобода и нравственность укоренены внутри человека и не зависят от законодательства. Понимая принцип «народности» как соответствие политики царя чаяниям народа, он писал: «Мы не гонимся за свободой гражданской. Пусть царь властвует и управляет *без конституции*, но пусть это будет царь *русский, православный*. Иноземца мы свергнем, хоть бы он нам надавал десять наилиберальнейших конституций! Это потому что для нас *царь* есть выражение нас самих, своего народа, пусть он будет строг, но он должен *быть наш!* Он должен *быть — мы!*» ⁴⁴ Подобные высказывания характерны и для других поздних славянофилов (И.С. Аксакова, Н.П. Аксакова, А.В. Васильева).

Непременным условием такого единства царя с народом, «отца с детьми», Киреев считал наличие постоянного «канала связи» между ними, начиная от права челобитий и заканчивая созывом полноценного совещательного органа — земского собора. «Самодержавие — самое лучшее правление, когда самодержец не только все может, но и все знает», — писал он. «Как же государю знать, что делается в России, и как же управлять Россией, когда не знаешь, что в ней делается? — восклицал Киреев. — Дело не в земском соборе, а в каком бы то ни было органе гласности, хотя бы печати, а то ведь дела делаются келейно, и не подозреваешь, над какой пропастью стоишь» ⁴⁵. Если только царь будет в курсе всех дел в стране, он сразу же «даст нам и свободу слова, в границах не произвола, а закона, и охрану личности, и гласность, и законность, и... поможет нам восстановить в нашей Церкви древнюю свободу Церкви древней!» ⁴⁶.

Впрочем, по тактическим соображениям Киреев не всегда призывал к немедленному созыву земского собора. Если в 1865—1867 гг. эта идея была ему близка, то в начале 1880-х гг., при М.Т. Лорис-Меликове и Н.П. Игнатьеве, он вопреки Аксакову выступил против шагов в этом направлении, полагая их несвоевременными в слишком либерально и «фельетонно» настроенном обществе. Однако уже в 1890—1891 гг. Киреев стал отстаивать необходимость законосове-

щательного собрания в споре с Грингмутом, Победоносцевым и Е.М. Феокистовым; цензурные запреты прервали эту полемику. Вновь к идее созыва земского собора Киреев вернулся лишь в 1902 г. и с тех пор уже не отказывался от нее. При этом не только охранители и либералы-конституционалисты, но даже такие близкие к генералу мыслители, как Самарин, Шарапов и Тихомиров не раз упрекали Киреева в утопичности его проекта земского собора. В частности, Тихомиров вспоминал: «Как это организовать конкретно? Он не думал... И это вовсе не по “тупости”, а потому, что у него живы были только *нравственные* мотивы, а *конституционные* его мало занимали. У него было такое убеждение: если будут судить *по совести*, то столкнутся. Ну а если будут судить не по совести? Тогда все равно ничего не выйдет, как ни устраивай»⁴⁷.

Отмечая несоответствие реалий России конца XIX в. своим идеалам, Киреев позволял себе в дневнике и письмах острую критику правительства и даже монархов. Он находился в оппозиции к курсу Александра II в последние годы его правления. По его мнению, император «воображал, что ведет Россию по равнодействующей, в то время как она шла отчаянными зигзагами». К княгине Юрьевской и ее влиянию на монарха Киреев и вовсе испытывал острую ненависть. Убийство императора, по его мнению, уберегло Россию от «падения в конституцию»: «Страшно вымолвить, а не погибни Царь именно в этот день и час, — у нас была бы теперь узаконенная анархия». Но последствия падения авторитета царской власти в обществе при Александре II, по мнению Киреева, оказались необратимыми и печальными⁴⁸.

Киреев горячо приветствовал вступление на престол Александра III, неизменно восхищался его личностью, одобрил земскую контрреформу, создание института земских начальников, призывал провести судебную контрреформу. В то же время он критиковал многих министров, сановников, членов династии Романовых, отмечая оскудение кадров к концу правления Александра III, от которого все чаще скрывали истинное положение дел в стране. Сам император относился к Кирееву прохладно, хотя в 1888 г. и повысил его в чине до генерал-лейтенанта.

Одной из причин сдержанного отношения Александра III к поздним славянофилам, как известно, были разногласия по вопросам внешней политики: император не одобрял горячие призывы панславистов к активному вмешательству России в Болгарии и Сербии. Впрочем, панславизм самого Киреева был непоследователен. Генерал был человеком, воспитанным всецело в русле западной культуры и к тому же вхожим в политическую элиту многих европейских стран. Направление развития культуры и образования в России Киреев усматривал исключительно на пути более глубокого усвоения классического наследия Европы, ее литературы, живописи, музыки, скульптуры, и ничего специфически славянского в этой сфере не предлагал: «Культура наша в существе своем “западная”, “европейская”, мы уже не можем от нее оторваться, ибо заменить ее *пока* у нас нечем»⁴⁹. Неудивительно, что Фёдорову Киреев казался самым настоящим западником, а Леонтьеву — либералом, не понимающим необходимости построения самобытной русской культуры. Для Киреева же нацио-

нальность, русская и общеславянская, была лишь необходимой формой проявления общечеловеческого, общехристианского содержания. Характерно, что лишь однажды генерал вскользь упомянул теорию замкнутых культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского, в целом же он прошел мимо нее. «Влияние идей Н.Я. Данилевского во взглядах А.А. Киреева практически не прослеживается... Киреев всецело ориентируется на наследие ранних славянофилов», — констатировал Д.П. Золотарёв⁵⁰.

Киреев был убежден, что после Венского конгресса в Европе начался век национализма

(«принципа национальностей», как тогда обычно выражались), и Россия не должна стоять от него в стороне. По мысли Киреева, примеру объединения Германии и Италии на национальной основе должен последовать славянский и православный мир, при этом, правда, отказавшись от современных западных пороков: «торгашеского» духа буржуазии, капитализма, парламентаризма, атеизма, атомизации общества, ведущей к «царству золотого тельца» и «узаконенной анархии». Миссию России Киреев видел в бескорыстном освобождении угнетенных народов из-под власти Австро-Венгрии и Османской империи и вероятном создании «славяно-православной конфедерации с Россией во главе», допуская, впрочем, и полную независимость славянских государств⁵¹.

При этом, вопреки своим теоретическим заявлениям, славяне-католики вроде чехов и хорватов для Киреева были гораздо ближе и важнее, чем православные и восточнохристианские неславянские народы. Мыслитель, впрочем, уделял некоторое внимание и грекам (он был воспитателем и близким другом греческой королевы Ольги Константиновны, которая навсегда осталась горячей патриоткой России), и румынам, и армянам, и ассирийцам, и эфиопам (лично оказав содействие знаменитой экспедиции Н.Н. Ашинова), но все же основной акцент делал на славянстве как на едином целом, предполагая, что старокатолицизм позволит устранить религиозную рознь между славянами. Если Россия не предоставит возможность славянам самим, без участия Вены и Стамбула, определять свою судьбу, то тем самым она вычеркнет себя из числа ведущих игроков мировой истории, полагал Киреев. По этой причине он резко критиковал активность русской политики на Дальнем Востоке на рубеже XIX—XX вв., отвлекавшей силы России от Балкан и Ближнего Востока, хотя и признавал необходимость колониальной экспансии в Центральной Азии и укрепления обороноспособности тихоокеанского побережья России.

Большинство русских панславистов склонялись к союзу с Францией и испытывали враждебность к Германии или Великобритании

(иногда к обоим сразу). Киреев занимал совершенно иную позицию. К Франции, за редкими исключениями, он всегда испытывал ненависть и презрение, считая французов нацией любителей деспотизма и разврата, опасной для всей Европы. Некоторые высказывания Киреева о французах носят явно дискриминационный характер. Напротив, многими чертами английского общественного строя Киреев восхищался, особенно он был близок с Гладстоном, которого считал идеальным государственным мужем; врагами России он считал только британских консерваторов, будучи в этом единомышленником своей сестры. Лишь к рубежу XIX—XX вв. отношение Киреева к Великобритании значительно ухудшилось, он все отчетливее стал видеть в ней геополитического врага России. Впрочем, обычно генерал делал оговорку, что деградация нравов общества и методов политики к началу XX в. не обошла стороной ни одну из европейских стран, не говоря уже об американцах, которых Киреев всегда считал «дикими» и «варварами».

Главным политическим кумиром Киреева, наряду с Гладстоном, был О. фон Бисмарк, в котором генерал видел лучшего друга и союзника России, а вину за ухудшение отношений с Германией возлагал на российскую дипломатию. Себя Киреев считал лидером прогерманского течения в славянофильстве⁵². Он неизменно поддерживал Пруссию в ее войнах за объединение страны, но и с монархами других немецких герцогств, королевств и княжеств был лично весьма дружен. Идеальной комбинацией на международной арене, с точки зрения Киреева, был бы союз России с Германией против Франции и Австро-Венгрии с целью уничтожения последней. «Пусть немцы обируют французов, пусть французы ссорятся с итальянцами из-за Туниса etc. Нам все равно. Hand off от Балканского полуострова, больше нам не о чем хлопотать», — заключал Киреев⁵³. При этом в угоду Германии он даже был готов изменить панславистским принципам и оставить в неприкосновенности границы Германской империи, включая населенные поляками и лужичанами области, если при этом народы Австро-Венгрии попадут в сферу влияния России. На эти темы Киреев много раз беседовал с немецкими дипломатами, генералами, а четыре раза — с самим императором Вильгельмом I. Лишь антиросийская политика Вильгельма II привела Киреева к началу XX в. к осознанию того, что столкновение России и Германии, к сожалению, неизбежно. «Мы, по-видимому, втягиваемся в борьбу нам непосильную с Германией, при очень ненадежной помощи Франции и Англии», — разочарованно писал он в 1909 году⁵⁴.

Разочарование во внешней политике России наступило, впрочем, у Киреева намного раньше. Уже в 1880-е гг. он познакомился с изъянами дипломатического корпуса и личного состава Министерства иностранных дел, сделав самые неутешительные выводы. Достаточно сказать, что итоги внешней политики Александра III Киреев подвел в таких словах: «Наша бесцветная политика не мешала нашему росту. Почему? Потому что за нас время; то время, которое против Запада. Запад сходит вниз, мы, хоть и неумело, да идем в гору... И такого инстинктивного поворота к самостоятельности достаточно было, чтобы мы сделались грозными. Что же бы было, если бы мы знали, чего желать, к чему идти. К сожалению, этого мы не понимали, и не понимаем, и по-прежнему придерживаемся выжидательной

политики. Но эта “выжидательность” не подкреплена, не *мотивирована*. Просто сидим и растем! Иностранцы же этим пользуются, радуются нашей неподвижности и кадят нам, обделывая свои *делишки*»⁵⁵.

Столь же неоднозначно Киреев смотрел и на итоги внутривнутриполитической деятельности Александра III. Он с глубокой скорбью воспринял кончину императора, поначалу дав его правлению положительную оценку, но позже скорректировал свою позицию: «Александр III должен был подтянуть поводья, остановить ход России. Но вместо того, чтобы через 2, 3, ну 4 года повести Россию по славянофильскому либеральному пути, Александр III продолжил затягивать поводья, давал машине задний ход... Но с его смертью авторитет погиб в противоречиях внешней и в особенности внутренней политики, нужно было стать добровольно на путь реформ в славянофильском духе, вышло обратное — испуг — западная конституция... При Николае II вожди выскользнули из слабых рук царя, все расплозлось»⁵⁶.

По мнению Киреева, Николай II вступил на трон слишком молодым и неподготовленным для роли императора, хотя быстро наверстал упущенное. Молодой монарх любил Киреева и регулярно с ним советовался, прежде всего, по церковным вопросам и по вопросу о внедрении дуэльного кодекса, реже — по вопросу о классицизме в гимназиях. В целом положение Киреева в годы правления Николая II несколько изменилось. После смерти великого князя Константина Николаевича в 1892 г. генерал остался жить в Павловске и Стрельне в кругу князей Константиновичей. Это, наряду с близостью к Победоносцеву, упрочило положение Киреева при дворе, где его стали воспринимать, в первую очередь, как эксперта по старокатолическому вопросу.

Контакты православных поместных церквей со старокатоликами, прерванные с конца 1870-х гг., возобновились в начале 1890-х, когда старокатолические церкви объединились в Утрехтскую унию и согласились признать православный символ веры и катехизис. Со своей стороны, русская православная церковь при одобрении других автокефальных церквей в 1892 г. учредила синодальную комиссию по воссоединению со старокатоликами, начался длительный процесс согласования вероучения. Однако богословские разногласия, прежде всего по вопросам о *filioque* и пресуществлении (*transsubstantiatio*), препятствовали соединению двух конфессий. Киреев оказывал неоценимую помощь синодальной комиссии по диалогу со старокатоликами, на свои средства помогал европейским старокатоликам издавать в Берне журнал «*Revue Internationale de Theologie*». Опираясь на поддержку лишь немногих церковных деятелей (духовника царской семьи протоиерея И.Л. Янышева, редактора «Богословского вестника» В.А. Соколова), сталкиваясь с прохладным отношением епископата и противостоя мощному давлению со стороны Победоносцева, Киреев много раз вступал в ожесточенную полемику с богословами — противниками старокатоликов (протоиереями Е.К. Смирновым и И.К. Мальцевым, профессорами богословия А.Ф. Гусевым и В.А. Керенским, из которых серьезным интеллектуальным противником был лишь последний). Киреев был активным участником восьми старокатолических конгрессов с 1892 по 1909 гг., а в 1897 г. он по указанию Николая II сопровождал митрополита Антония (Вадковского) в поездке в Англию и вел переговоры с представителями англиканской церкви о сбли-

жении с православием. Наконец, в 1909 г., благодаря личным усилиям Киреева, польская харизматическая секта мариавитов присоединилась к старокатоликам, общее число которых в мире достигло уже 1,2 млн человек ⁵⁷.

Привязанность Киреева к новому императору не мешала ему сетовать на то, что тот легко изменяет мнение под влиянием дурных советчиков, из которых Киреев наибольшую неприязнь испытывал к С.Ю. Витте, В.П. Мещерскому, Д.С. Сипягину, а полностью доверял одному лишь В.Б. Фредериксу. В 1890-е и начале 1900-х гг. положение Киреева и других поздних славянофилов было отчаянным: Министерство внутренних дел четырежды не разрешало им создать свой журнал, прекратили выходить «Славянские известия» и «Русское обозрение», пришли в упадок после смерти Каткова «Московские ведомости» и «Русский вестник». Кроме «Нового времени» у консерваторов не осталось ни одной популярной трибуны для выражения своих взглядов, что вызывало со стороны Киреева все более острые обвинения властей в попустительстве оппозиционным движениям. «Да как же это нелепое правительство не видит, что общественное мнение у него уходит из рук!.. Запрещая говорить *не лакеям, желающим* поддержать православие, самодержавие и народность, вот как [Д.А.] Хомякову, зажимают рот... Как организовать консервативную партию, когда те, которых хочешь спасти, не понимают, что для такого служения нужна свобода слова», — негодовал он ⁵⁸.

Уже с 1900 г. Киреев стал уверенно прогнозировать приближение революции (отмечая роль Витте, который, по его мнению, хотел «сыграть роль Мирабо») и слепоту и недееспособность членов династии и правительства. «Ну допустимо ли, чтобы не нашлось в России 70 губернаторов?!» — восклицал он, перефразируя известное высказывание отца русского консерватизма Н.М. Карамзина ⁵⁹. В пессимистических прогнозах Киреев сходиллся с Победоносцевым, впрочем, упрекая последнего за то, что тот сам немало способствовал кризису старого режима. «Единственное спасение — это обращение открытое, определенное к славянофильству, только в нем найдет государство свое руководящее начало, а правительство — монархия — спасение, — писал Киреев. — Нас, славянофилов, становится все больше, даже правительственные сферы начинают понимать, что вне нас — им не на кого опереться» ⁶⁰.

Большие надежды Киреев поначалу возлагал на министра внутренних дел В.К. Плеве, который часто консультировался с ним. Весной 1903 г. Кирееву удалось издать (за рубежом) и распространить среди членов династии и министров свой программный труд «Россия в начале XX столетия» (ответ на брошюру конституционалиста Б.Н. Чичерина «Россия накануне XX столетия»), содержащий программу паллиативных улучшений государственного строя России. Киреев полагал, что его работа дополняет расплывчатые обещания манифеста 26 февраля 1903 г., «дает конкретное содержание неопределенным переживаниям. Она указывает *путь* к достижению целей» ⁶¹. В частности, он предлагал выработать единый курс для всех министерств, сделать отчеты министров более гласными и прозрачными, отменить предварительную цензуру, расширить каналы прямой связи царя с подданными и т.п. Конечной целью реформ назывался земский собор. «Чего бы я желал? — писал Киреев. — Чтобы царь, сознав, что я

прав, принял мою (славянофильскую) программу и хотя бы принципиально об этом заявил, это бы торжественно сказал. Затем, было бы желательно, чтобы хотя отчасти были бы проводимы в жизнь предлагаемые мною меры... какие-либо подобию этих мер»⁶².

Однако Плеве был уверен, что можно обойтись и без созыва законосовещательного собрания, предпочитая полицейские методы управления. Киреев был разочарован и считал, что Плеве не сможет сдерживать нарастание конституционалистских и революционных настроений во всех слоях общества. Киреев воспользовался благоприятным случаем: получив в марте 1904 г. из рук императора орден Св. Александра Невского, он прямо высказал Николаю II свои мысли о падении авторитета царской власти и необходимости «вступить через голову министров в сношение с народом». Плеве был недоволен, но изменил свою позицию и попросил Киреева представить конкретные предложения по созыву земского собора. Впрочем, такой соратник генерала, как Самарин, призывал ограничиться рядом административных реформ и выступал категорически против созыва каких-либо совещательных собраний. С точки зрения Самарина, не только бюрократия, а все российское общество было неспособно к самоорганизации и политической деятельности даже на местном уровне. Переписка Самарина с Киреевым летом 1904 г. представляет собой замечательный памятник русской общественной мысли; характерно, что частично она была опубликована и обсуждалась в прессе уже в 1905 г. в ходе дискуссий о земском соборе, в более полном виде вошла в сочинения Киреева в 1912 г. и, наконец, полностью была издана в 2005 году⁶³.

Преемник Плеве П.Д. Святополк-Мирский также относился к Кирееву с уважением, часто выслушивая его советы. Однако к концу 1904 г. генералу стало ясно, что министр склоняется к либеральной, а не славянофильской программе. В связи с этим 9 ноября Киреев и ряд «придворных» консерваторов (К.Ф. Головин, А.А. Голенищев-Кутузов, П.П. Гессе, П.Х. Шванебах, А.А. Нарышкин) создали Консервативное бюро. Выступая за «право челобитья» для дворян и земцев перед монархом, члены бюро в то же время заявляли: «Мы убежденные последователи славянофильских идей. Мы верим, что только в единении царя и народа счастье России. Мы верим, что только самодержавие, усиленное советом народа, может дать ему и истинную свободу». Требования Консервативного бюро во многом повторяли предложения из «России в начале XX столетия»: «Право челобитья, неприкосновенность личности, законность всюду и для всех, свобода слова, программа каждого министра и свод их, министерские доклады, заседания земских людей совместно с Государственным Советом. В земских и дворянских собраниях подают голоса только дворяне и земцы. Никакой интеллигенции, разночинцев не допускается»⁶⁴. В дальнейшем, однако, многие соратники Киреева переходили на более либеральные позиции, а он, вместе с Самариним и Хомяковым, оставался в глухой оппозиции к курсу Витте и Святополк-Мирского. В самом конце 1904 г. Киреев послал Николаю II проект введения в Государственный Совет 60 выборных членов и просил поручить проведение реформ дворянству, а не бюрократии.

В феврале 1905 г. после рескрипта царя А.Г. Булыгину о создании законосовещательной Государственной Думы Киреев ликовал: «Да, я

дожил до дня, где славянофильство торжественно признано руководящей идеей русского быта! Земский собор восстановлен! Восстановлена связь прямая, непосредственная между царем и народом. Средостение между ними падает... Рескрипт Булыгину — величайший акт мудрости (хотя и бессознательной)... Лишь бы не вздумали отстранять мужиков и напустить в этот земский собор интеллигентов и разночинцев-конституционалистов». Надо признать, что у Киреева были некоторые основания для оптимизма: в марте-апреле 1905 г. целый ряд дворянских собраний и органов печати открыто поддерживал славянофильскую программу ⁶⁵. Поддержку Кирееву выразили Шарапов, А.С. Суворин, В.О. Ключевский; напротив, Тихомиров, Самарин, Хомяков и Грингмут видели в любом совещательном собрании прямой путь к дальнейшей революции ⁶⁶. Киреев, со своей стороны, обвинял их в идеализации «петербургской бюрократии» и непонимании того, что старый строй уже разрушился ⁶⁷.

Вместо Консервативного бюро 1 мая 1905 г. был создан Отечественный союз, членами которого стали в основном аристократы. Киреев стал идеологом Союза и представлял его на июльском Съезде русских людей, повторяя свою попытку сорокалетней давности создать «умеренную, среднюю партию» «честных людей с крепкими убеждениями». Члены Отечественного союза разработали несколько детальных проектов избирательного закона. В них проводился принцип сословности курий с отдельными куриями для дворянства, духовенства, крестьян. Киреев так описывал свой идеал: «Собор должен быть верным отображением, уменьшенной копией России, стало быть, представителем первенствующего в ней элемента — земли, классов, с землею связанных, классов консервативных. Представляется мне “Собор” состоящим из представителей от крестьян, дворян, духовенства, городов (торговцы, фабриканты, биржевые комитеты, мещане etc. etc.), 3—4 представителя либеральных профессий (конечно, не из забастовавших). Представителям настоящего современного земства не будет места в земском соборе, и Бог с ним, он не надежен [sic]» ⁶⁸.

Свой проект Киреев летом 1905 г. представлял императорской чете, и ряд заявлений Николая II он воспринимал как славянофильские по букве и духу. Однако на Петергофских совещаниях был принят не проект Отечественного союза, а булыгинский проект, без отдельных избирательных курий для дворян и духовенства. Тем не менее, Киреев соглашался и с таким вариантом, но манифест 17 октября 1905 г. он воспринял как катастрофу для России и крах дела всей своей жизни. «Совещательная Дума могла бы регулировать, *вдохновлять* власть, *придать ей недостающий ей ум*; Дума конституционная *ослабит* только эту власть, сама же новым источником власти не сделается», — полагал он. Киреев восклицал: «Господи! Как же это так? Ведь мы куда-то проваливаемся, все проваливается, все рухнуло. Дорогие мои идеалы?! Где вы? Я их лелеял 60 лет, дождался *Думы*, и вот что делается!!!» «Все, все у нас было лучше, нежели где бы то ни было, и религия наша, и форма правления (самодержавие и земский собор), и национальность наша выше как ставящая выше всего этический элемент, и все это расплозлось вдруг!» — писал он в отчаянии, обвиняя в произошедшем и Витте, и Николая II, и все сословия русского общества ⁶⁹.

В ноябре 1905 г. Киреев участвовал в очередном монархическом съезде, а в 1906 г. присутствовал на заседаниях Думы. Однако уже в феврале 1906 г. Отечественный союз развалился именно из-за разногласий по поводу манифеста 17 октября. Характерны признания Киреева: «60 лет... верил я в русское самодержавие (окруженное совещательными учреждениями)... И вот, когда я думал, что заветная мысль моя увидит свет, что она даже (хотя очень неполно и как-то карикатурно) увидела свет в *Государственной Думе*, тут же, благодаря трусости, глупости, немелости, шатости правительства этот идеал рухнул!.. Славянофильская мечта распалась в прах, отлетела навеки! Я болезненно долго цеплялся за нее, за ее развалины, но вижу, что мы не в силах ее воссоздать. Она была близка к осуществлению 6 августа 1905 г., 17-го октября ее убил сам царь (руку его направлял мерзавец Витте)»⁷⁰.

К 1907 г. Киреев вновь нашел в себе силы бороться за возврат к законосовещательному статусу Думы, но он уже прочно разочаровался в будущем России и в способностях русского народа к любому нормальному государственному строительству. Переживания о судьбах страны расстроили здоровье генерала и в немалой степени приблизили его кончину. Впрочем, сетования Киреева о «*finis Rossiae*» схожи с крайним пессимизмом других консерваторов и должны рассматриваться как характерный симптом общего кризиса русского консерватизма в годы думской монархии⁷¹.

В 1905—1906 гг. Киреев надеялся на черносотенные партии, стал членом Союза русского народа, познакомился с А.И. Дубровиным, помирился с Грингмутом. Но очень скоро он решительно отшатнулся от черносотенцев как людей «диких и некультурных», «полусумасшедших», годных, по его мнению, только на первичное силовое подавление революции. Неприемлемым для Киреева был антисемитизм многих правых, а также их германофобия и неприязнь к грузинам и армянам. С 1906 г. он решил действовать только в рамках «респектабельных», умеренно правых организаций. В 1906—1908 гг. активно участвовал в четырех съездах Объединенного дворянства, немало способствуя сдвигу позиций помещиков вправо, отстаивая как дворянскую собственность на землю, так и сохранение крестьянской общины. «Я сочувствую мысли по возможности сохранить за дворянством те крохи могущества, которые еще можно собрать... Мы все же сильная корпорация, мы все же представители культуры, просвещения, за нами все-таки традиции, мы все те же или сыновья тех, которые вынесли на своих плечах великую реформу 19 февраля», — писал Киреев⁷².

После манифеста 17 октября деятельность Киреева во многом сосредоточилась в сфере церковной реформы. К этому времени его богословский авторитет был высок, в 1903 г. он стал почетным членом Московской духовной академии. Несмотря на враждебное отношение части епископата, для которого Киреев был слишком либеральным и модернистским богословом, у него было много сторонников среди духовенства. В феврале 1905 г. Киреев одобрил объявленный Николаем II и Витте план реформ, предусматривавший созыв архиерейского собора и возможное избрание патриарха, хотя оговаривался, что вопрос о патриаршестве — третьестепенный, главное — изменение всего церковного строя, вплоть до уровня прихода: «Дело не в том, что или кто будет в видимой главе нашей Церкви, а в том, сумеет ли

он отвоевать свою независимость от “мира”»⁷³. Так или иначе, Киреев полагал, что церковные преобразования давно назрели. Установленный Петром I синодальный строй мыслитель терпеть не желал и сетовал, что «жизнь наша... не соответствует высоте и святости нашего учения», хотя «безусловная истинность нашего догматического учения не поколеблена». Характерно признание Киреева: «Когда находишься вне России, она представляется величественным, стройным, несокрушимым зданием со строгими определенными очертаниями. Вернешься — войдешь внутрь — мусор, нелогичность, затемнение... Издали видишь православие, самодержавие, народность, войдешь внутрь — вместо православия видишь консисторию Константина Петровича, вместо самодержавия видишь чиновника и городского, вместо народности — пьяного мужика или, что еще хуже... обезличенного интеллигента!»⁷⁴

Киреев сокрушался о социальной пассивности русского духовенства, лишенного авторитета в народе. «У нас Церковь не достаточно входит в жизнь народа; можно быть, было бы лучше, если бы она жила не только в храме, но входила чаще не только в избу, но и в наши хоромы», — писал Киреев, призывая брать пример с западных конфессий. Русских священников мыслитель считал совершенно негодными для миссионерства. Он призывал учиться у католиков энергичности и независимости от светской власти, у протестантов — учены и свободе мысли, но главным считал «исправить самих себя да потеснее всем сплотиться вокруг Церкви». «У нас есть все нужное для полного расцвета религиозной жизни: и глубина религиозного чувства в народе, и безусловная истинность догматического учения; и ничто, однако, не помогает!» — сетовал мыслитель. Вину за вопиющее несоответствие между идеалом и реальностью он возлагал на самих верующих, затемняющих учение Церкви своими измышлениями. Нужна «реформа нас самих», говорил Киреев. — «Со страхом и стыдом пойдем мы отдавать отчет в нашей лениности... в том, что *сдали свою веру в Синод*, да и сидим, сложа руки»⁷⁵.

Итоговый вердикт Киреева относительно состояния русской православной Церкви к началу XX в. был неутешителен. В ней, говорил он, «нет древнего широкого полета, нет понимания свободного духа христианства; все сводится на форму, а это губит жизнь. Забываются заветы вселенские. Мир все более и более захватывает область Церкви». «Наш церковный строй столько несостоятелен, как государственный», — констатировал ситуацию, сложившуюся к 1905 г., Киреев. Его критика, как он сам полагал, дала, наконец, плоды. Вскоре после отставки Победоносцева, 27 декабря 1905 г., Николай II предложил трем митрополитам «определить время созыва всеми верными сынами Церкви ожидаемого собора». 14 января 1906 г. Св. Синод постановил созвать Предсоборное присутствие. Киреев восклицал: «Плотина прорвана!.. Тяжелый, бесплодный период нашей *церковной истории* приходит к концу, столь же бесславному, как и конец его современника и товарища — бюрократического периода нашей *истории гражданской*!» Он настойчиво проводил мысль о параллельном преобразовании государства и церкви: «Как развал нашего мирского строя вызвал созыв Думы, так и развал нашего церковного строя вызовет созыв собора!» Киреев надеялся, что поместный собор восста-

новит доверие между духовенством и мирянами, поднимет авторитет церкви, успокоит революционную смуту, решит вопросы о воссоединении со старообрядцами и старокатоликами ⁷⁶.

При этом пристрастие Киреева к вселенским и поместным соборам как способу решения проблем церкви объяснялось типичным для славянофилов вниманием к широко понимаемой соборности, к «гласу народа». Н.И. Афанасьев писал о Кирееве: «Как самодержавие для него немислимо без совещательной думы, так для него недопустимо церковное правительство без церковного собора». Смысл собора Киреев понимал «демократически», как «общинность»: «Вселенский собор — суть “высшая инстанция”, изрекающая непогрешимую догматическую истину. Обязанность членов этих соборов состоит преимущественно в свободном и правдивом изложении веры так, как она есть, как она существует и исповедуется в Церкви». Отсюда вытекало, что «существование Церкви обусловлено правом всех мирян подавать свой решающий голос в церковных делах». Епископам Киреев отводил роль исполнителей наказов мирян, «свидетелей веры» (*testes fidei*) и даже считал, что решения Вселенского собора вступают в силу лишь после их одобрения массами верующих ⁷⁷. В этом Киреев оказывался несравненно либеральнее даже своего вечного оппонента Соловьёва, который в вопросах церковного устройства, по словам А.Ф. Лосева, являлся подлинным консерваторм ⁷⁸.

Вместе с такими мирянами-богословами, как Ф.Д. Самарин и Хомяков, Трубецкой и Аксаков, Киреев был призван Николаем II к участию в работе Предсоборного присутствия, открывшегося 6 марта 1906 года. Он участвовал в работе первого отдела, рассматривавшего состав и порядок созыва будущего собора и отношения церкви и государства. Киреев голосовал за восстановление патриаршества, предлагал закрепить симфонию властей в Основных законах Российской империи и установить постоянное финансирование церкви из бюджета ⁷⁹. По его мнению, в поместном соборе должны участвовать священники и миряне, избранные самими прихожанами. В итоге, однако, было решено, что клир и паства выбирают лишь кандидатов, окончательный отбор из которых производится епископом. Киреев воспринял это как свое поражение, как торжество бюрократического начала: «Это уничтожит всякий авторитет собора... Собор должен представлять собою всю Церковь... он не должен быть одним повторением Синода, лишь усиленного» ⁸⁰.

Предсоборное Присутствие закрылось 15 декабря 1906 г., а 25 апреля 1907 г. Николай II утвердил положение о порядке выборов и составе будущего собора, постановив отложить сами выборы. Осенью 1908 г. Киреев вместе с Тихомировым дважды посещал П.А. Столыпина, убеждая его в необходимости срочного созыва собора. Столыпин смотрел на дело «лишь с “мирской” точки зрения», но в конце концов согласился с доводами своих собеседников и передал их просьбы Николаю II. Новый обер-прокурор Св. Синода С.М. Лукьянов стал активно помогать Кирееву ⁸¹. Но генерал не увидел плоды своих усилий: лишь в 1912—1913 гг. было созвано Предсоборное совещание, и только в 1917 г. состоялся сам поместный собор.

Политическая деятельность Киреева после 1907 г. принесла меньше плодов, чем церковная. Сразу после разгона II Государственной Думы,

к которому Киреев активно призывал царя, 4 июня 1907 г. он удостоился высокой награды. В этот день Николай II присвоил ему звание полного генерала и благосклонно выслушал яркую, эмоциональную речь Киреева с призывом опереться на правые и крайне правые силы, вернуться к совещательному статусу «булыгинской» Думы и править самодержавно, «жить по старине и управлять Россией по старине». В декабре 1907 г. он уверенно констатировал: «В повороте мысли царя на славянофильскую дорогу есть следы и моих речей и записок»⁸².

В 1907—1910 гг. Киреев склонялся к тому, что де-факто статус III Государственной Думы близок к совещательному, но нужно и де-юре отменить манифест 17 октября, чтобы конституционализм «не пустил корни» в России. Однако председатель Совета министров Столыпин был категорически против этого. Плодотворного сотрудничества у него с Киреевым не сложилось. Генерал уважал Столыпина, но однозначно осуждал его «октябристские» идеи. Со своей стороны, премьер-министр часто советовался с Киреевым по вопросам о крестьянской общине, о балканской политике, о церковных делах и старокатоликах, о дуэльном кодексе. В 1909 г. Киреев часто размышлял, кто из правых дворянских лидеров мог бы заменить Столыпина на посту главы правительства, но удовлетворительной кандидатуры так и не нашел⁸³. В целом Киреев относился к Столыпину более терпимо, чем Тихомиров, Хомяков или Самарин, хотя острые разногласия с ним сохранялись до конца жизни Киреева.

В последний год жизни Киреева для него было характерно парадоксальное сочетание прежних пессимистических прогнозов относительно будущего России с возвратом к былому оптимизму. Этому способствовала, в частности, активизация политики России на Балканах. Киреев болезненно пережил Боснийский кризис 1908—1909 гг., но последовавший за ним рост панславистских настроений радовал его: «Наше время еще, правда, не пришло, но оно идет, оно приближается. И будущность, великая будущность — *наша!*.. Славянофильство крепнет и растет». За месяц до кончины он с удовлетворением подвел итоги 70-летнего развития славянофильства: «На склоне лет я, даже больше прежнего, стал убежденным сторонником основоположников славянофильства, проверив отвлеченные теории моим разносторонним, долгим житейским опытом... Бурный первоначальный поток славянофильства превратился в тихую реку, постепенно расширяющуюся и проникающую вглубь народного сознания... Необходимо еще крепче держаться нашего славянофильского учения, вне которого России спасения не будет... сделать славянофильство еще более достоянием народных масс»⁸⁴.

На закате своей жизни Киреев с удовлетворением отмечал масштаб своего наследия, включающего тысячи страниц публицистических и богословских сочинений, дневников и писем, гордился своей многолетней полемикой с крупнейшими умами России. «В политике я стремился постоянно к осуществлению славянофильских идеалов путем их популяризации. Я всегда старался писать ясно, и *это мне удавалось!* И удастся. Думаю, что наши принципы сделались доступными большинству читателей именно благодаря *мне*», — говорил он перед смертью. Весной 1910 г., уже практически ослепший, Киреев подготовил двухтомное собрание своих сочинений к публикации

Суворин издаст его в 1912 г.) и отредактировал свой дневник за полвека, передав его вместе с письмами и другими бумагами в Румянцевский музей. Последним делом Киреева было участие в заседании православно-старокатолической комиссии, которое из уважения к нему было проведено по месту его жительства, в Мраморном дворце Павловска.

Скончался А.А. Киреев 13 (26) июля 1910 г. и был похоронен в селе Ново-Александровское (ныне Новиково) Тамбовской губернии, в храме, построенном его племянником А.И. Новиковым, также видным общественным деятелем и просветителем (автором «Записок земского начальника», «Записок о сельской школе» и «Записок городского головы»). В 1930 г. семейный склеп Киреевых-Новиковых был уничтожен вместе с храмом, их останки утеряны. В 2012 г. на этом месте восстановлены надгробия, память о Кирееве хранится в музее села Новиково. В полной мере значение генерала Киреева для общественной мысли России, для ее политической истории, для истории Русской православной церкви и ее контактов с другими конфессиями получает свое признание только в настоящее время.

Примечания

1. КИРЕЕВ М.Н. Записки Михаила Николаевича Киреева (1789—1865 гг.), воспитанника Дворянского полка. СПб. 1890, с. 2—14; Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ), ф. 126, оп. 1, д. 22/3, л. 1; д. 10, л. 61.
2. [СТЭД У.Т.] Депутат от России (Воспоминания и переписка О.А. Новиковой). Т. 1. СПб. 1909, с. 4; [NOVIKOFF O.A.] Russia and England from 1876 to 1880. L. 1880, p. 15; НОВИКОВА О.А. Несколько слов. Пг. 1915, с. 17; об А.Н. Кирееве см. также: Литературное наследство. М. 1982, т. 91, с. 514, 523, 538, 569; Русский архив. 1909, № 8, с. 566; НИКИТЕНКО А.В. Дневник. Т. 1. М. 1955, с. 124, 127, 297.
3. ЧИЧЕРИН Б.Н. Воспоминания в 2 т. Т. 1. М. 2010, с. 172, 174, 195, 197; ТЮТЧЕВА А.Ф. При дворе двух императоров: воспоминания и дневники. М. 2004, с. 247—248; Русский архив. 1902, № 9, с. 281.
4. ОР РГБ, ф. 126, оп. 1, д. 6, л. 117.
5. Там же, ф. 126, оп. 1, д. 1, л. 4, 5, 35; д. 13, л. 253об.
6. КИРЕЕВ А.А. Избавимся ли мы от нигилизма? Сочинения. Т. 2. СПб. 1912, с. 321.
7. ОР РГБ, ф. 126, оп. 1, д. 1, л. 4об., 6, 14, 25—26, 42об., 46об.—48об., 70, 81об.—88; д. 3, л. 10, 14об., 43, 66об., 104об.—105, 111, 126; д. 6, л. 7об.; [КИРЕЕВ А.А.] О необходимости ходатайствовать об отмене статей закона, относящихся до лихвенных процентов. М. 1867.
8. КИРЕЕВ А.А. Славяне и Россия. Третий ответ Spectator'у. — Славянские известия. 1891, №28 (14 июля), с. 488.
9. ОР РГБ, ф. 126, оп. 1, д. 1, л. 2об., 14—14об., 17 об., 22, 24об., 36—37, 50об., 54об.—61об., 65об., 70об., 73, 77, 88, 92об.—95, 103об., 143об., 145об., 211об.; д. 2, л. 140об.—141; д. 3, л. 50.
10. Там же, ф. 126, оп. 1, д. 1, л. 54об., 77об., 85об., 246, 252об.; д. 2, л. 3об.—5об., 9, 10об., 31об., 78; д. 10, л. 76—76об.
11. Там же, д. 1, л. 3, 29об., 36—39об., 49об., 53об., 57—60, 64, 83об.; д. 2, л. 95об.—96, 117, 119об., 127—127об., 144об.
12. Там же, оп. 1, д. 2, л. 139—143, 148об., 174—176, 179; д. 3, л. 19об., 21об., 24—39, 47об., 52, 60об., 66—66об.; д. 4б, л. 48—57об.; д. 10, л. 62об., 154об.; ХРИСТОФОРОВ И.А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам (конец 1850-х — середина 1870-х гг.). М. 2002, с. 174, 179; Мемуары графа С.Д. Шереметева. Т. 2. М. 2005, с. 290.
13. ОР РГБ, ф. 126, оп. 1, д. 3, л. 106об., 108, 110—111, 113, 123—126об.; д. 14, л. 12об.—13, ХРИСТОФОРОВ И.А. Ук. соч., с. 180—181, 186—187, 189—192, 229—230.
14. ОР РГБ, ф. 126, оп. 1, д. 3, л. 106об.—113, 123—126об.; ЧЕРНУХА В.Г. Внутренняя политика царизма в середине 50-х — начале 80-х гг. XIX в. Л. 1978, с. 68—69, 73, 105; ЗЕЛЬДИЧ Ю.В. Петр Александрович Валуев и его время. М. 2006, с. 325.

15. ОР РГБ, ф. 126, оп. 1, д. 3, л. 115; д. 4а, л. 4, 16, 18об.
16. Там же, л. 120—122, 129об.—131об.; д. 4а, л. 2.
17. Там же, л. 132; д. 4а, л. 1об.; ф. 265, п. 190, д. 32, л. 90об.
18. Там же, ф. 126, оп. 1, д. 2, л. 88об.; д. 3, л. 26об., 52, 67—67об., 111об., 116, 122, 123об.; д. 4а, л. 1об., 3об.—4, 10об.—14об., 21об., 58—63об.
19. Там же, д. 4а, л. 7об.—11, 24—26об., 31, 34, 60об.—63, 69об., 74об.
20. Там же, л. 3, 9, 19об., 26—27об., 31об., 55, 62—65 об., 68; д. 4б, л. 1—3; д. 5, л. 1об.; д. 6, л. 53об.; ХРИСТОФОРОВ И.А. Ук. соч., с. 183—184, 190; ВОРОНИН В.Е. Русские правительственные либералы в борьбе против «аристократической партии» (середина 60-х — середина 70-х годов XIX века). М. 2009, с. 80, 84, 115—117, 124, 139, 142—147, 152—155, 158, 161—163, 259—261.
21. ОР РГБ, ф. 126, оп. 1, д. 4а, л. 58—61об., 64об., 71—74, 75об.—76об.; д. 5, л. 28об., 31—32; ВОРОНИН В.Е. Ук. соч., с. 159—160.
22. ОР РГБ, ф. 126, оп. 1, д. 1, л. 102; д. 4, л. 23, 75; д. 5, л. 22об.; д. 6, л. 101об.; д. 8, л. 27, 51, 84об., 106, 133; д. 8, л. 192об., 206об.; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 722, л. 100, л. 32—34об.; Мемуары графа С.Д. Шереметева. Т. 1. М. 2005, с. 138.
23. BASIL J.D. Alexander Kireev and Theological Controversy in the Russian Orthodox Church, 1890—1910. Church, Nation and State in Russia and Ukraine. Houndmills — London. 1991, p. 131—147.
24. ФЁДОРОВ Н.Ф. Собр. соч. в 4 т. М. 1995—1999, т. 1, с. 374, 377; т. 2, с. 38, 192, 193; т. 3, с. 323; т. 4, с. 123—127, 257—258, 291—293, 431, 488—490; ФЛОРЕНСКИЙ П.А. Имена: Сочинения. М. 2008, с. 252, 298—299.
25. ЗАШИХИН А.Н. «Глядя из Лондона»: Россия в общественной мысли Британии второй пол. XIX — нач. XX вв.: очерки. Архангельск. 1994, с. 97; NOVIKOFF O. Russian memories. N.Y. 1916, p. 6, 32—39; ОР РГБ, ф. 126, оп. 1, д. 21/1, л. 8.
26. КИРЕЕВ А.А. Избавимся ли мы от нигилизма, с. 314—322.
27. ЕГО ЖЕ. Первое октября. — Известия Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества (Изв. СБО), 1883, № 1, с. 7—19.
28. ЕГО ЖЕ. Катков и Аксаков. Соч., т. 2, с. 59—63; ЕГО ЖЕ. Славянофильство и национализм. Соч., т. 2, с. 103—106; ОР РГБ, ф. 126, оп. 1, д. 9, л. 199; д. 10, л. 151об., 153; д. 11, л. 7—7об., 235об.; ГАРФ, ф. 634, д. 8, л. 80в.
29. СЕРГЕЕВ С.М. Проблема позднего славянофильства. <http://www.portal-slovo.ru/history/41483.php>.
30. ОР РГБ, ф. 126, оп. 2, п. 3604, д. 15, л. 5; ф. 224, к. 1, д. 64, л. 9—10.
31. КИРЕЕВ А.А. Катков и Аксаков. с. 59—63; ЕГО ЖЕ. Славянофильство и национализм. с. 103—106; ОР РГБ, ф. 126, оп. 1, д. 12, л. 23, 24об.
32. ВАСИЛЬЕВ А.В. Задачи и стремления славянофильства. — Благовест. 1890, № 1, с. 9—11; № 2, с. 36—41; № 3, с. 69—72; № 4, с. 101—109; № 5, с. 133—139; ШАРАПОВ С.Ф. Вылазка против славянофильства (Письмо к Аф.В. Васильеву). — Благовест. 1893, вып. 49, с. 1897; ФУДЕЛЬ И.И. Преемство от «отцов» (Письмо к кормчему «Благовеста»). — Там же, 1890, № 5, с. 157—158; АКСАКОВ Н.П. О народности вообще и русской народности по преимуществу (Письма к приятелю). — Там же, 1892, вып. 41, с. 1439—1443; вып. 44, с. 1583—1595; вып. 46, с. 1711—1712, 1720.
33. КИРЕЕВ А.А. Открытое письмо к профессору Ламанскому. — Изв. СБО. 1888, № 4—5, с. 199—203; ЛАМАНСКИЙ В.И. Открытый ответ генералу Кирееву. — Там же, с. 203—235.
34. КИРЕЕВ А.А. Краткое изложение славянофильского учения. СПб. 1896, с. 3—4; ОР РГБ, ф. 126, оп. 1, д. 13, л. 18об.—19, 21об.—22, 119об.
35. ОР РГБ, ф. 126, оп. 1, д. 9, л. 273; д. 10, л. 140; д. 12, л. 23—25, 29; д. 13, л. 183об.—186; д. 14, л. 36об.
36. КИРЕЕВ А.А. Краткое изложение славянофильского учения, с. 3—5.
37. ЕГО ЖЕ. Петербург или Петроград. Соч., т. 2, с. 145—146; ЕГО ЖЕ. Дело не в слове, а в идее. Соч., т. 2, с. 147—148.
38. ЕГО ЖЕ. Краткое изложение славянофильского учения, с. 4—5; ЕГО ЖЕ. По вопросу о созвании вселенского собора. Письмо к редактору «Московских церковных ведомостей». Соч., т. 1, с. 398; ЕГО ЖЕ. Сущность славянофильского учения. Соч., т. 2, с. 4, 8; ЕГО ЖЕ. Конгрессы в Гааге (1908), с. 49; ЕГО ЖЕ. Воссоединение Церквей и славянство. Соч., т. 1, с. 200—201; ЕГО ЖЕ. Последний ответ г-ну Роза-

- нову по вопросу о браке. Соч., т. 1, с. 435—436; ЕГО ЖЕ. Отзвывы на изложение наших принципов. Соч., т. 2, с. 14; ЕГО ЖЕ. Спор с западниками настоящей минуты. — Русское обозрение. 1895, № 5, с. 212, 219; Из переписки Вл. Соловьёва с А.А. Киреевым. — Русская мысль. 1917, № 8, с. 148; ОР РГБ, ф. 126, оп. 1, д. 12, л. 60об., 179об., 181, 183об.; д. 13, л. 174, 188об., 189об.; д. 21/2, л. 15.
39. КИРЕЕВ А.А. Краткое изложение, с. 4—5; ЕГО ЖЕ. По вопросу о созвании вселенского собора. Письмо к редактору «Московских церковных ведомостей». Соч., т. 1, с. 398; ЕГО ЖЕ. Сущность славянофильского учения, с. 4, 8; ЕГО ЖЕ. Воссоединение Церквей и славянство. Соч., с. 200—201; ЕГО ЖЕ. Отзвывы на изложение наших принципов, с. 14; Из переписки Вл. Соловьёва с А.А. Киреевым, с. 148; ОР РГБ, ф. 126, оп. 1, д. 10, л. 2, 191об.; д. 11, л. 24об.—25, 63об., 78, 109об., 112об., 153об.
40. ОР РГБ, ф. 126, оп. 1, д. 8, л. 205об.; д. 9, л. 276—276об., 292об.; д. 10, л. 3, 6, 26об., 102, 130об., 137об.; д. 11, л. 15об., 38—39, 65об., 111, 158, 302; д. 12, л. 60об., 179об., 181, 183об.; д. 13, л. 174, 188об., 189об.; д. 21/2, л. 15; КИРЕЕВ А.А. Спор с западниками настоящей минуты, с. 219.
41. КИРЕЕВ А.А. Речь на торжественном заседании Славянского благотворительного общества в девятивековую годовщину крещения Руси в 1888 г. Соч., т. 2, с. 23; ЕГО ЖЕ. Религиозные задачи России на православном Востоке. Соч., т. 1, с. 459; ЕГО ЖЕ. Ответ «Римскому вестнику» — «Moniteur de Rome». По вопросу о соединении Церквей. Соч., т. 1, ч. 157; ЕГО ЖЕ. Ответ «Заграничному славянину». — Московский сборник. М. 1887, с. 282—283; ЕГО ЖЕ. Наши противники и наши союзники. Соч., т. 2, с. 152; ЕГО ЖЕ. Славяне и Россия..., с. 483. ЕГО ЖЕ. О славянофильских идеалах. — Славянские известия. 1891, № 20 (19 мая), с. 354—355; ОР РГБ, ф. 126, оп. 2, п. 3604, д. 7, л. 7; п. 3606, д. 19, л. 2.
42. КИРЕЕВ А.А. Краткое изложение славянофильского учения, с. 54—56; ЕГО ЖЕ. О созыве вселенского Собора. Соч., т. 1, с. 382; ЕГО ЖЕ. Сближение славян. Соч., т. 2, с. 27—28; ЕГО ЖЕ. Россия в начале XX столетия. Соч., т. 2, с. 221—225; ЕГО ЖЕ. Правда о России. Соч., т. 1, с. 77, 80—81; ЕГО ЖЕ. Воссоединение Церквей и славянство, с. 204; ЕГО ЖЕ. Критические заметки (1896). — Соч., т. 1, с. 255; ЕГО ЖЕ. Катков и Аксаков. Соч., т. 2, с. 63; ЕГО ЖЕ. Сущность славянофильского учения, с. 5; ЕГО ЖЕ. Замечания на предыдущую статью. — Изв. СБО. 1884, № 2, с. 20; ОР РГБ, ф. 126, оп. 1, д. 9, л. 91об., 217, 220; д. 10, л. 2, 31, 130об.; д. 11, л. 64об.; д. 14, л. 18об.
43. КИРЕЕВ А.А. Ответ «Заграничному славянину», с. 287—288; ЕГО ЖЕ. Правда о России, с. 78—79; ОР РГБ, ф. 126, оп. 1, д. 8, л. 205об.; д. 11, л. 152об.—153, 161об., 435об.
44. КИРЕЕВ А.А. Россия в начале XX столетия, с. 227; ЕГО ЖЕ. Краткое изложение славянофильского учения, с. 55; ЕГО ЖЕ. Правда о России, с. 74—75; ЕГО ЖЕ. Славяне и Россия..., с. 487; ЕГО ЖЕ. Сущность славянофильского учения, с. 6—7; см. также: Славянское обозрение. 1892, кн. 2, с. 243; Благовест. 1890, № 3, с. 70—72; ОР РГБ, ф. 126, оп. 2, п. 3606, д. 2, л. 19; п. 8337а, д. 7, л. 6—6об.; д. 9, л. 25об.
45. ОР РГБ, ф. 126, оп. 1, д. 13, л. 342об., 350об.; оп. 2, п. 3604, д. 16, л. 5; ф. 224, к. 1, д. 64, л. 14, 42, 44об.
46. КИРЕЕВ А.А. В защиту братушек. Первый ответ Spectator'у (Письмо к редактору). — Славянские известия. 1890, № 36, с. 647; КИРЕЕВ А.А. О злобах настоящего дня с точки зрения славянофильского учения. Сообщение генерала А. Киреева в Славянском обществе 3 февраля 1905 г. — Славянские известия. 1905, № 4, с. 326—333.
47. ТИХОМИРОВ Л.А. Тени прошлого. М. 2000, с. 660, 663—664.
48. ОР РГБ, ф. 126, оп. 1, д. 9, л. 23об., 54, 61—62, 205, 211, 217, 278об.; д. 10, л. 80, 113; д. 11, л. 89об.; д. 12, л. 87об., 140, 230об.; д. 13, л. 259; д. 14, л. 215об., 270; ф. 224, к. 1, д. 64, л. 40об.
49. КИРЕЕВ А.А. Славянофильство и национализм, с. 102; ЕГО ЖЕ. Введение к статьям политического содержания. Соч., т. 2, с. IX; ЕГО ЖЕ. Верен ли курс Отечественного союза. Соч., т. 2, с. 278; ЕГО ЖЕ. Парламентаризм в виду. Соч., т. 2, с. 374; ЕГО ЖЕ. Воссоединение Церквей и славянство, с. 194—196; ЕГО ЖЕ. В защиту нашего образования. Соч., т. 2, с. 380, 382, 385; ЕГО ЖЕ. О предстоящей реформе нашего образования. Соч., т. 2, с. 393, 396, 410, 414; ЕГО ЖЕ. О славянофильских идеалах, с. 355.
50. ЗОЛОТАРЁВ Д.П. Позднее славянофильство и его роль в общественно-политической мысли России 60-х — 90-х гг. XIX века. Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Воронеж. 2004, с. 16—20.

51. КИРЕЕВ А.А. Сущность славянофильского учения, с. 12—14; ЕГО ЖЕ. Ответ «Заграничному славянину». Московский сборник. М. 1887, с. 272—273; ЕГО ЖЕ. Отзвывы на изложение наших принципов, с. 22; ЕГО ЖЕ. Речь на торжественном заседании..., с. 24; ЕГО ЖЕ. Падение напредняцкого министерства в Сербии. Соч., т. 2, с. 57; ЕГО ЖЕ. Сближение славян, с. 31; ЕГО ЖЕ. Славяне и Россия..., с. 484.
52. КИРЕЕВ А.А. Отзвывы на изложение наших принципов, с. 18—19; ЕГО ЖЕ. Катков и Аксаков, с. 62; ЕГО ЖЕ. Сущность славянофильского учения, с. 16—17.
53. ЕГО ЖЕ. Религиозные задачи России на православном Востоке, с. 465; ЕГО ЖЕ. Сближение славян, с. 26; ЕГО ЖЕ. Падение напредняцкого министерства в Сербии. Соч., т. 2, с. 58; ЕГО ЖЕ. Спор с западниками настоящей минуты, с. 260; ЕГО ЖЕ. В защиту братушек, с. 647; ЕГО ЖЕ. Россия и славяне. Второй ответ Spectator'у. — Славянские известия. 1891, № 19 (12 мая), с. 336; ЕГО ЖЕ. Кто виноват в болгарской конституции. — Изв. СБО. 1884, № 11, с. 8; ХЕВРОЛИНА В.М. А.А. Киреев о проблеме славянского единства. — Славянский альманах-2000. М. 2001, с. 145; ОР РГБ, ф. 126, оп. 1, д. 6, л. 118об.; ф. 265, п. 190, д. 32, л. 117.
54. ОР РГБ, ф. 265, п. 190, д. 32, л. 63.
55. Там же, ф. 126, д. 12, л. 1об.—2.
56. Там же, ф. 126, оп. 1, д. 12, л. 1, 4об., 10об., 29об.; д. 13, л. 219; д. 14, л. 64об., 184об.
57. Там же, д. 13, л. 1об., 8, 22, 28, 54, 59—59об., 94об.—95, 97об., 158об., 160об., 164об.
58. Там же, д. 11, л. 443, 447об.; д. 12, л. 5—5об., 29об., 45, 62, 66об., 99—99об., 173, 230об., 239об.—240, 248об.; д. 13, л. 31об., 49, 100об.; д. 14, л. 18, 64об., 122; оп. 2, п. 3604, д. 33, л. 24об.; ф. 224, к. 1, д. 64, л. 127—128об.; ГАРФ, ф. 634, д. 8, л. 80в.
59. ОР РГБ, ф. 126, оп. 1, д. 12, л. 195, 236об., 240об., 250—250об.; д. 13, л. 83, 101, 128об., 168об.—169, 216об., 226, 242, 308об., 334об., 357, 361об., 367, 467—469; ГАРФ, ф. 634, д. 8, л. 80в; РГАЛИ, ф. 259, д. 1784, л. 18.
60. ОР РГБ, ф. 126, оп. 1, д. 13, л. 122, 128, 131, 136об., 190, 197об., 211, 213, 214—218об., 220, 232об., 235, 245, 252об., 266об.—267, 271, 302об.—303об., 349; Переписка А.А. Киреева и Ф.Д. Самарина. — Нестор. 2000, № 3, с. 30, 32—33.
61. ОР РГБ, ф. 126, оп. 1, д. 13, л. 215—215об., 262, 266—266об., 315, 336об.—337.
62. ОР РГБ, ф. 126, оп. 1, д. 13, л. 308—309, 312об.—316, 323об.; СОЛОВЬЁВ Ю.Б. Самодержавие и дворянство в 1902—1907 гг. Л. 1981, с. 108.
63. Переписка А.А. Киреева и Ф.Д. Самарина, с. 11—103.
64. ОР РГБ, ф. 126, оп. 1, д. 13, л. 353об.—360об., 370об., 374об.
65. Там же, ф. 126, оп. 1, д. 14, л. 17, 37об., 39, 40, 42; Русские ведомости. 1915, № 233 (11 октября), с. 2; Русское дело. 1905, № 26 (25 июня), с. 12; № 29 (19 июля), с. 10—11; ЛЕВ СЕМЁНОВ [ШАРАПОВ С.Ф.] Кабинет диктатора: политическая фантазия. Третье продолжение «Диктатора». М. 1908, с. 58—66; Новое время. 1905, № 10451 (9/22 апреля), с. 3; № 10468 (26 апреля/9 мая), с. 5.
66. Переписка А.А. Киреева и Ф.Д. Самарина, с. 19—27, 70—71, 76; ХОМЯКОВ Д.А. Самодержавие. Церковь о государстве. [Старица. 1993], с. 29; ОР РГБ, ф. 265, п. 206, д. 20, л. 98 — 99; 25 лет назад. Из дневников Льва Тихомирова. — Красный архив. 1930, № 1, с. 41; № 2, с. 64; ГАРФ, ф. 634, д. 10, л. 92об.—93 об., 164об.—165; д. 12, л. 165—165 об.; д. 14, л. 174а, 174в, 175; д. 15, л. 24в; РГАЛИ, ф. 345, д. 750, л. 144—145.
67. Русские ведомости. 1915, № 233 (11 октября), с. 2; ГРИНГМУТ В.А. Объединяйтесь, люди русские! М. 2008, с. 445—455; ОР РГБ, ф. 126, оп. 1, д. 13, л. 225об.—226.
68. Переписка А.А. Киреева и Ф.Д. Самарина, с. 73.
69. ОР РГБ, ф. 126, оп. 1, д. 14, л. 94об., 101, 118об., 158об., 183об.—184; д. 15, л. 50об.; ф. 265, п. 190, д. 32, л. 45, 88—92об.; ГАРФ, ф. 634, д. 13, л. 58; д. 16, л. 54а, 54б; д. 17, л. 6б.
70. КИРЕЕВ А.А. О созыве поместного Собора. Соч., т. 1, с. 422; ЕГО ЖЕ. Правда о России, с. 78; ОР РГБ, ф. 126, оп. 1, д. 14, л. 97об., 126об., 133об., 205об.
71. ЛУКЪЯНОВ М.Н. Российский консерватизм и реформа, 1907—1914. Пермь. 2001, с. 14, 31, 150—151.
72. ОР РГБ, ф. 126, оп. 1, д. 14, л. 79, 124об., 138—138об., 148—150, 161, 195, 216, 276—277.
73. Там же, д. 10, л. 45; д. 13, л. 205; д. 14, л. 25—29.
74. Там же, д. 12, л. 167; РЕПНИКОВ А.В., МИЛЕВСКИЙ О.А. Две жизни Льва Тихомирова. М. 2011, с. 275.
75. КИРЕЕВ А.А. По поводу книги..., с. 19, 22; ЕГО ЖЕ. Конгрессы в Гааге, с. 48; ЕГО ЖЕ. Несколько замечаний на статью В.С. Соловьёва «Великий спор». Соч.,

- т. 1, с. 232; ЕГО ЖЕ. Старокатолики и наше отношение к ним. — Странник. 1894, № 1, с. 174; ЕГО ЖЕ. Ответ «Заграничному славянину», с. 282; ЕГО ЖЕ. О созыве вселенского Собора, с. 382; ЕГО ЖЕ. Краткое изложение славянофильского учения, с. 13—15, 18—19; КИРЕЕВ А.А. К вопросу о веротерпимости. — Соч., т. 1, с. 253; ЕГО ЖЕ. Адогматизм и догматизм в православном учении. Соч., т. 1, с. 358; ЕГО ЖЕ. Критические заметки (1896), с. 255—256.
76. ФИРСОВ С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х — 1918 гг.). М. 2001, с. 217; НИКОН (РКЛИЦКИЙ), архиепископ. Митрополит Антоний (Храповицкий) и его время. 1863—1936. Кн. 2. Нижний Новгород. 2004, с. 155; КИРЕЕВ А.А. О созыве и составе Собора поместной российской церкви. Соч., т. 1, с. 404, 406; ЕГО ЖЕ. Седьмой международный конгресс..., с. 377, 382—384; ОР РГБ, ф. 126, оп. 1, д. 13, л. 310; ГАРФ, ф. 634, д. 11, л. 46а.
77. АФАНАСЬЕВ Н.И. Киреев А.А. Современники. Альбом биографий. Т. 2. СПб. 1910, с. 231; КИРЕЕВ А.А. Обращение старокатоликов к православным. — Соч., т. 1, с. 79; ЕГО ЖЕ. Res tua agitur. Возобновление отношений со старокатоликами. Соч., т. 1, с. 89; ЕГО ЖЕ. О созыве поместного собора, с. 420; ЕГО ЖЕ. Воссоединение Церквей и славянство, с. 200; ОР РГБ, ф. 126, оп. 1, д. 6, л. 4, 22об.—23; д. 10, л. 35об.—36об., 197; д. 13, л. 144об., 187об.—188, 206, 353; д. 14, л. 319об.; д. 15, л. 170б.; оп. 2, п. 3604, д. 7, л. 8; ф. 265, п. 190, д. 32, л. 63об.—65об., 140об.; ГАРФ, ф. 634, д. 16, л. 173а, 173в.
78. ЛОСЕВ А.Ф. Творческий путь Владимира Соловьёва. СОЛОВЬЁВ В.С. Соч. в 2 т. Т. 1. М. 1988, с. 17; СОЛОВЬЁВ В.С. Письмо в редакцию журнала «Изв. СБО». Соч. в 2 т. Т. 1. М. 1989, с. 408.
79. КИРЕЕВ А.А. О коренном преобразовании строя поместной русской Церкви. Соч., т. 1, с. 401; ЕГО ЖЕ. К вопросу о поместных соборах. Письмо в редакцию «Нового времени». Соч., т. 1, с. 400; ЕГО ЖЕ. О созыве и составе..., с. 405; ОР РГБ, ф. 126, оп. 1, д. 14, л. 128—133, 144—145, 147об., 189—189об., 197—198; ГАРФ, ф. 634, д. 16, л. 97, 143об., 156об., 163об., 177; СВИСТУНОВ А.А. Проблема реформирования Русской православной Церкви в начале XX века. — Эхо: сб. ст. по новой и новейшей истории Отечества. Вып. 3. М. 2000, с. 43—45; ЛЕВ СЕМЕНОВ [ШАРАПОВ С.Ф.] Иванов 16-й и Соколов 18-й: политическая фантазия (Продолжение «Диктатора»). М. 1907, с. 3—6.
80. КИРЕЕВ А.А. Итоги работы предсоборного Присутствия. По вопросу о созыве собора. Соч., т. 1, с. 412—416; ЕГО ЖЕ. О созыве поместного собора. Соч., т. 1, с. 418, 421, 422; ЕГО ЖЕ. О коренном преобразовании..., с. 401; ЕГО ЖЕ. О созыве и составе..., с. 406—407; ОР РГБ, ф. 126, оп. 1, д. 14, л. 129об.—133, 147об., 182об., 198, 319об.; д. 21/2, л. 16—16об.; д. 21/3, л. 75—75об.; ГАРФ, ф. 634, д. 16, л. 173а, 173в; д. 124, л. 3об.; BASIL J.D. Alexander Kireev: turn-of-the-century Slavophile and the Russian Orthodox Church, 1890—1910. — Cahiers du Monde russe et sovetique, XXXII (3), juillet — septembre 1991, p. 337—348.
81. ОР РГБ, ф. 126, оп. 1, д. 14, л. 242, 267, 288, 299—300, 302, 309—309об., 316—320, 333; д. 15, л. 43—43об., 46—47, 53—54, 72об.; ф. 265, п. 190, д. 32, л. 58об., 60—61об., 67, 72—72об.; ГАРФ, ф. 634, д. 17, л. 6а; д. 19, л. 60а—б, 63б, 96об.; см. также: Красный архив. 1935, № 6, с. 174.
82. ОР РГБ, ф. 265, п. 190, д. 32, л. 51—52; ф. 126, оп. 1, д. 14, л. 226об.—228, 231—233, 258об.—260, 309об., 316об.; текст записки Киреева Николаю II от 3 июня 1907 г. см.: ОР РГБ, ф. 126, оп. 2, п. 3604, д. 12; «Вы должны царствовать самодержавно...»: записка А.А. Киреева Николаю II. — Источник. 1993, № 2, с. 19—22.
83. ОР РГБ, ф. 126, оп. 1, д. 15, л. 14об., 15об.; ф. 265, п. 156, д. 10, л. 106об.; ф. 265, п. 190, д. 32, л. 71об.
84. КИРЕЕВ А.А. Введение к статьям о славянофильстве и славянском вопросе. Соч., т. 1, с. V—VI; ЕГО ЖЕ. Наши противники и наши союзники, с. 157; ЕГО ЖЕ. Избавимся ли мы от нигилизма, с. 315; ЕГО ЖЕ. Польский вопрос и старокатолицизм. Речь в Славянском благотворительном обществе. Соч., т. 2, с. 343; ЕГО ЖЕ. Воссоединение Церквей и славянство, с. 201; ЕГО ЖЕ. Верен ли курс Отчужденного союза, с. 275; ОР РГБ, ф. 126, оп. 1, д. 15, л. 37; ф. 265, п. 190, д. 32, л. 76об.

ВОСПОМИНАНИЯ

«Идеологический десант в Кабуле». Весна 1980 г.

А.Н. Сахаров

*В Афганистане я понял, что самая
теплая вещь на свете — пистолет за поясом.*

В конце февраля 1980 г. меня вызвал Первый заместитель председателя Государственного комитета по делам издательств, полиграфии и книжной торговли (Госкомиздат СССР) И.И. Чхиквишвили.

— Садись. Есть дело. — Он вынул вечную сигарету изо рта, при- тушил ее в пепельнице. Подумал. Внимательно посмотрел на меня. — Тебе надо будет выехать в Афганистан, помочь афганским товари- щам наладить издательское дело. Он помолчал, достал новую сигаре- ту. — Иди пока....

— Ираклий Иосифович..., — начал я.

— Ничего сказать больше не могу. Не знаю. Известно только, что выезжает туда группа идеологических работников. Это команди- ровка по линии ЦК КПСС.

Я весьма ограниченно представлял себе, что делалось тогда в Афганистане. Знал лишь общую канву событий и некоторые детали от побывавших там очевидцев. А именно то, что в 1979 г. в Афгани- стане разыгрались драматические события. Свергнувший в апреле 1978 г. президента Дауда глава Революционного совета и Народно- демократической партии Афганистана (НДПА) Нур Тараки недолго продержался у власти и в начале октября 1979 г. был задушен по при- казу министра обороны генерала Амина.

Пока Тараки наслаждался победой, властью и жизнью, окружив себя льстецами, заставляя членов ЦК при встрече целовать себе руку, развлекался с женщинами и мало вникал в дела, честолюбивый Амин повсюду расставлял своих людей, особенно в армейских час- тях, устраняя людей, верных Тараки. И час Тараки пробил.

Он оставил после себя тяжелое наследство — так называемую Апрельскую революцию, которую встретили в штыки сторонники ста- рого режима, многие племенные вожди, мусульманское духовенство. Против власти «рабочих и беднейших крестьян», как позиционирова-

Сахаров Андрей Николаевич — член-корреспондент РАН.

ли себя кабульские революционеры, во многом копировавшие ранние советские революционные порядки и безоговорочно почитавшие Ленина, выступила афганская провинция. Многие крупные города отказались повиноваться центру. В стране начался мятеж. В разных местах вспыхивали очаги вооруженного сопротивления, отряды боевиков-моджахедов или душманов, как называли их в Советском Союзе, захватывали административные здания и изгоняли из них представителей кабульской администрации. Нередко дело заканчивалось их поголовным истреблением. Душманы убивали партийных активистов, запугивали местное население расправами. В этих условиях началась и стратегическая война: мятежники стремились овладеть важными транспортными магистралями, ключевыми перевалами, перерезать пути, ведущие к Кабулу, в особенности те, по которым позднее двигались в Афганистан советские воинские части, блокировать или захватить аэродромы.

Мятежники пользовались открытой поддержкой со стороны соседних мусульманских стран. Оттуда они получали оружие, в том числе и тяжелую технику, включая тактические ракеты, а также боеприпасы и продовольствие. Естественно, что за спиной мятежников сразу же встали США, стремившиеся вытеснить СССР — своего геополитического противника в регионе — из Афганистана. Вскоре сформировались три мощные военные группировки, противостоявшие Кабулу: одна вблизи пакистанской границы во главе с молодым теологом, профессором Кабульского университета Бурханудином Раббани. Штаб-квартира профессора Раббани, как его называли сторонники, находилась в Пешаваре, пакистанском пограничном с Афганистаном городе. Его полевые командиры действовали в восточной части страны. В районе иранской границы и с опорой на иранскую территорию действовала другая группа мятежников во главе с наиболее непримиримым и жестоким лидером инженером Гульбеддином Хекматияром. На севере, в Панджерском ущелье формировал своих бойцов-таджиков Ахмадшах Масуд — панджерский лев, как стали называть его впоследствии. Он считал себя последователем и бойцом Раббани.

Между вождями не было единства. Раббани и Хекматияр боролись за лидерство, спорили о методах сопротивления, но в своей ненависти к кабульскому режиму, фанатичном неприятии советского влияния они были едины. Верные Кабулу воинские части и подразделения Цорандая — афганской милиции, — а впоследствии и советские воинские соединения были их заклятыми врагами.

После устранения Тараки ситуация в стране стала меняться. Амин постепенно уходил из-под советского влияния, несмотря на то, что к этому времени Афганистан уже был наводнен советскими военными и партийными советниками, работниками КГБ, специалистами в области экономики, финансов, инженерами. «Шурави» — так называли здесь советских людей — внедрялись всюду и всерьез. Амин по-прежнему внешне выказывал свою лояльность по отношению к советскому посольству и новому послу Ф.А. Табееву, бывшему Первому секретарю Татарского обкома КПСС, члену ЦК КПСС, по-прежнему встречался с советскими советниками, опирался на их помощь в борьбе с мятежниками. Но эта лояльность и эти встречи носили все более формальный характер. Амин инициировал контакты с американца-

ми. Американское посольство ожило, наполняясь людьми. Здание просоветского Афганистана, казалось, прочно возведенное советскими политиками, военными, спецслужбами при помощи НДПА и Та-раки, начало трещать по всем швам.

12 декабря 1979 г. Политбюро ЦК КПСС приняло решение не отдавать с таким трудом завоеванных геополитических позиций, ввести в Афганистан войска, устранить Амина насильственным путем и вернуть в стране просоветское политическое руководство.

Операция была проведена неожиданно и молниеносно. 25 декабря 1979 г. с согласия Амина советские военно-транспортные самолеты начали приземляться на кабульском аэродроме; тут же советско-афганскую границу перешли сухопутные части. А через два дня спецназ двинулся к дворцу Амина.

Мне рассказывал позднее в Кабуле участник этой операции, как в короткой схватке они без единого выстрела разметали охрану дворца. Затем во двор въехал танк Т-54 и прямой наводкой ударил по окнам комнаты, в которой, как было известно, находился в тот момент Амин. С ним вместе погиб и советский врач, присланный Табеевым по просьбе Амина. Отказать генералу было нельзя — это могло вызвать у него подозрение. Единственное, что сказал Табеев врачу: «Прошу Вас, не задерживайтесь». Однако врач не внял скрытому предупреждению. Существуют и другие версии устранения Амина; причем все они основываются на показаниях очевидцев. Это означает, что подлинная история событий 27 декабря до сих пор остается весьма туманной.

К власти в НДПА и в стране пришли безоговорочные сторонники СССР, а главное — методов переустройства общества, уже апробированных в Советском Союзе. Опыт КПСС был для них совершенно непререкаем. Во главе государства встал обучавшийся в СССР пуштун Бабрак Кармаль, укрывавшийся до этого в Советском Союзе.

Появление советских войск в Афганистане еще более обострило обстановку в стране. Теперь борьба шла не только против результатов и сторонников Апрельской революции, но и против присутствия чужеземных войск на территории Афганистана. Сотни тысяч новых бойцов вливались в ряды мятежников.

Примерно таким был багаж моих знаний относительно Афганистана. Тогда этого казалось достаточно. То, с чем мне пришлось столкнуться в реальной афганской жизни, буквально ошеломило. Но все это было еще впереди.

Спустя несколько дней, членов группы, выезжавшей в ДРА, пригласили в Международный отдел ЦК КПСС. Совещание проводил секретарь ЦК Б.Н. Пономарёв.

Небольшого роста, с острым взглядом, он внимательно вглядывался в наши лица, буквально сверлил нас глазами. Так и чувствовался его невысказанный вопрос: а можно ли доверять выполнение высокой государственной миссии этим людям? Не подведут ли они Советское государство?

Речь секретаря ЦК была очень пафосной. Он говорил о том, что Афганистан — это южное подбрюшье Советского Союза, что победа там исламистов приведет к дестабилизации политического положения в республиках Средней Азии, а американским ракетам с территории Афганистана легко будет достать до наших промышленных центров

Урала и Поволжья. «Наш долг — помочь афганским товарищам в организации экономики, военного дела и, конечно, в области идеологии. Здесь они еще очень слабы», — заверял нас партийный идеолог, ответственный редактор канонической «Истории Коммунистической партии Советского Союза», пришедшей на смену сталинскому «Краткому курсу истории ВКП(б)». Нас посылали в Афганистан, чтобы мы, используя советский опыт и профессиональные навыки, помогли в работе телевидения, радио, газет, издательств.

Состав нашей группы был для этого подобран вполне соответствующий. Возглавлял ее Б. Александров, заведующий сектором Отдела пропаганды ЦК КПСС. От Государственного Комитета по телевидению и радиовещанию командировался заместитель председателя Комитета В. Двинин. От Госкомиздата СССР в группу был включен я, занимавший тогда пост члена коллегии Комитета и руководителя главка Художественной литературы, которому подчинялась группа издательств, среди которых были не только литературно-художественные и искусствоведческие, но и общественно-политическое издательство «Планета». Международный журнал «Новое время» был представлен ответственным секретарем и главным редактором иностранного издания журнала С. Голяковым. Кроме того, в состав группы входили несколько ведущих представителей советских СМИ: от Гостелерадио — известный международный обозреватель Г. Боровик, от газеты «Красная звезда» — один из ведущих обозревателей В. Исгаршев; несколько среднеазиатских журналистов должны были присоединиться к нам в Ташкенте. Летели с нами и два художника-плакатиста из издательства «Плакат».

На прощанье Пономарёв в том же пафосном тоне сказал о нашей высокой и ответственной миссии и пожелал успеха.

Мы уходили из ЦК партии, так и не уяснив себе, чем же мы конкретно должны будем заниматься в Кабуле. Александров на наши вопросы коротко ответил: «Прилетим и разберемся».

Собираясь я в двухмесячную командировку (а именно таков был срок нашей поездки) как обычный советский командировочный: несколько банок мясных консервов, сыр, колбаса — на первые дни, пара бутылок коньяка — как положено, кипятильник и железная кружка. Каждый из нас получил на весь срок, учитывая плату за проживание в гостинице и суточные, по четыре тысячи афганей, что по тем временам являлось солидной суммой. Тамошняя валюта котировалась весьма высоко, и эта сумма равнялась примерно четырем тысячам американских долларов. Казалось, этого с лихвой должно было хватить на все, и все-таки мы запасались провизией, так как было совершенно неведомо, как будет организовано наше питание в условиях гражданской войны и будет ли оно вообще. Кроме того, как и все командировочные, мы, конечно, планировали сэкономить часть средств на возможную покупку «подарков» своим близким, женам, детям. Война войной, идеология идеологией, а неустроенный советский быт диктовал нашим людям за границей свои законы. Это был тогдашний стереотип, о котором в сегодняшней России стали уже забывать.

Мой багаж отличался еще и тем, что я вез с собой полный первоначальный текст своей докторской диссертации «Организация дипломатии древней Руси. IX — первая половина X вв.» с постраничной редактурой и вопросами моего научного куратора — члена-коррес-

пондента АН СССР В.Т. Пашуто. Думалось так: днем мы работаем, но вечера должны быть свободными. Вот за эти вечера я и собирался проработать все эти четыреста с лишним страниц и привезти домой готовый текст.

Вылетали из Москвы в хмурый заснеженный мартовский день, а уже через несколько часов Ташкент встречал нас ярким солнцем, ослепительным синим небом, огромными розовыми шапками цветущего миндаля.

У трапа самолета группу приветствовал заместитель заведующего Отделом пропаганды ЦК Компартии Узбекистана. Все согласно партийной субординации: если во главе гостей стоит зав. сектором отдела ЦК КПСС, то встречает его соответственно зам. зав. республиканского отдела ЦК.

Интеллигентный обходительный хозяин провел нас в vip-зал: красивые ковры, низкая мягкая мебель, изящные узбекские девушки с подносами, на которых стояли пиалы с пахучим чаем и восточными сладостями. А кругом тишина, тепло, покой, цветущая зелень. Мы перемигнулись с моим соседом по столу: вот так бы и всю командировку. Но это были последние часы на мирной советской земле. Вскоре объявили посадку, и мы направились к стоящему поодаль военному самолету.

До Кабула лететь было всего около часа. И вот мы уже сходим по узенькому военному трапу на афганскую землю. Все то же солнце, то же небо, но как поменялось все вокруг. Чувствовалась тревога, лица у людей напряжены, озабочены. Неподалеку стоят несколько танков Т-54, далее — несколько бэтээров, возле них — наши солдаты. Идем к зданию аэровокзала, где нас встречают работники советского посольства. Все по-деловому, никаких официальных слов, никакого чая и сладостей. Встречающие торопят нас: быстрее, быстрее. На ходу говорят: «Пролетели без происшествий и хорошо, а то ведь они палят по нашим самолетам ракетами. Вчера транспортник подбили». Рассаживаемся в черные «Волги». Меня сажают в автомашину, закрепленную за газетой «Красная звезда». Водитель — молодой парень в камуфляже без знаков отличия кладет руку на приклад автомата Калашникова, лежащего между нами, и говорит: «Не волнуйтесь, есть, чем отбиться. И вот еще, — и он с улыбкой показывает на ящик, стоящий у ног, и приподнимает крышку. Там лежат несколько ручных гранат. «А я и не волнуюсь», — отвечаю я, и вдруг понимаю, что действительно не волнуюсь, а просто начинаю жить этой новой жизнью — с танками, бэтээрами, автоматами, гранатами. Человек быстро привыкает к обстоятельствам, которые нельзя изменить.

Мы мчимся по плохому, выщербленному шоссе в сторону города.

Вокруг — выжженная беспощадным южным солнцем бурая земля. Кое-где вдоль дороги виднеются согбенные фигуры крестьян. Мотыгами они долбят эту землю, делая свою работу. Трудятся в полях одни мужчины.

А вот и Кабул. Въезд в город, как и аэродром, охраняется танками и БТР. Возле мостов через узкие мутные арыки и такую же мутную местную речушку стоят наши автоматчики в синих беретах войск ВДВ — «парашютисты», как их здесь все называют. Вид у них довольно хмурый. Чувствуется, что им весьма неловко стоять здесь среди идущих мимо людей, которые их как бы не замечают. И кругом —

светлые длинные одежды, тюрбаны или афганские круглые шерстяные шапки, темные фигуры женщин в чадрах. Люди останавливаются и молча смотрят на проносящуюся мимо них вереницу автомашин.

Гостиница «Кабул» расположена в центре города, рядом с президентским дворцом — современное четырехэтажное здание из белого камня. Она стоит за высокой ажурной металлической оградой в небольшом живописном парке. Вечнозеленые деревья обрамляют изумрудные лужайки, по краям которых стоят уютные скамейки. Цветет миндаль, распускаются бело-сиреневые лепестки магнолий, а за ними и за зданием белоснежной гостиницы на фоне ярко-голубого неба — темно-синие со снежными шапками хребты Гиндукуша.

Здесь, кажется, ничто не напоминает о войне. Но нет. У входа в гостиницу и на «черном» крыльце стоят советские «парашютисты» с автоматами. На всех лестничных площадках видны малиновые береты солдат Цорандая — афганской милиции.

Сопровождающий нас посольский чиновник доверительно говорит: «За две недели до вашего приезда здесь на втором этаже, прямо в номере застрелили посла США. До сих пор неизвестно, кто это сделал. С тех пор решили установить военное дежурство».

Размещаемся в довольно сносных по европейским меркам номерах. Здесь есть отдельная туалетная комната, радиоточка, небольшой письменный стол; телевизора нет, как нет и кондиционера. В общем, жить можно.

Через несколько минут собираемся вниз и идем в небольшую комнату в правом крыле первого этажа. Нас встречает человек в военной форме советского майора. Он открывает большой ларь, в котором лежат пистолеты разных систем, несколько автоматов, гранаты. «Вооружайтесь», — говорит он. Мы выбираем пистолеты Макарова с двумя обоймами — одна в рукоятке магазина, другая — про запас. «Хотите — берите и гранаты», — предлагает он, но мы благоразумно отказываемся. «Кто хочет, может взять кобуру, но я рекомендую носить пистолет за поясом. Выхватил сразу и пали». Он проверяет наше оружие, заряжает обойму и ставит пистолет на предохранитель.

Остаток дня мы устраиваемся, потом выходим погулять в парк, погреться на солнце. Но быстро наступает вечер, и становится холодно. Темнота спускается с гор как-то внезапно. Только что было светло, и вдруг солнце исчезает за горами, и сразу наступает тьма.

Вечером к воротам ограды со страшным шумом и скрежетом подъезжает бронетранспортер. Из люка высовывается голова с курносым веснушчатым носом. Солдат достает рацию и бубнит в нее: «Нептун, Нептун, ... я — Кузен, я — Кузен, прибыл на дежурство».

Так заканчивается наш первый день в Кабуле.

Время шло, а нами никто всерьез не интересовался: ну, прибыли и прибыли, живите. Правда, каждый из нас установил личные контакты по интересам с работавшими здесь советскими коллегами. Меня курировал представитель «Международной книги» — организации, которая занималась распространением советской литературы за рубежом.

Базировалась эта организация в Доме советской книги в отдельном небольшом здании неподалеку от гостиницы. Мне показали зал, где размещалась постоянная выставка предлагаемых афганцам советских изданий (на местных языках). То были сочинения К. Маркса,

Ф. Энгельса, В.И. Ленина, сборники речей Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева и секретаря ЦК по идеологии, так сказать теоретика партии, М.А. Суслова. Считалось, что это кладезь идей марксизма-ленинизма, обобщение опыта социалистического строительства, к которому теперь приступил революционный Афганистан.

Стояли там и сочинения советских писателей на языках пушту и дари. За эти переводы были заплачены баснословные деньги.

В зале было пустынно и скучно. Вдоль стендов бродила зашедшая сюда, видимо, случайно, пара афганцев. Они обзревала книги в ярких суперобложках, но в руки их не брали. В углу маленькая дочка уборщицы играла в тряпочные куклы, за легкой ширмой, где находилось местное хозяйство (чайники, тарелки, чашки), сама уборщица гремела пустым ведром.

— Как, есть спрос на книги? — Спросил я у хозяина дома.

— Да какой спрос! Большинство афганцев неграмотны — ни читать, ни писать не умеют. Им буквари надо в руки брать, а не марксистскую литературу. — Он ухмыльнулся. Видимо, это была уже официальная точка зрения здешних советских работников, раз он высказывал ее приезжему из Москвы, да еще представляющему издательское ведомство. — Но вот настаивают сами революционные афганцы, говорят, надо изучать, прежде всего, опыт революции и социалистической страны. И потом эти «халькисты»...

Тут он поведал, что во главе местного издательства «Байхаки» стоит «халькист» Баяни, что партия НДПА расколота на две фракции — «Парчам» (от слова «парча» — знамя), умеренную часть, вроде наших меньшевиков, которые в настоящее время стоят у власти во главе с Б. Кармалем, и «Хальк» (от слова «хальк» — народ), напоминающую большевиков первых лет революции. «Парчамовцы» клеймили «халькистов» за экстремизм, революционное нетерпение, склонность к авантюрным решениям, в частности к огосударствлению частного сектора, слепому копированию практики Ленина-Троцкого периода «военного коммунизма». «Халькисты» ругали на чем свет стоит «Парчам» за ревизионизм, нерешительность, пособничество буржуазным элементам, частному сектору. Постепенно «Парчам» вытеснял «халькистов» из ключевых секторов общественной жизни, государственных и партийных структур, из армии. Те сопротивлялись, защищая своих людей. По Кабулу постоянно ходили слухи, что «халькисты» готовят заговоры, переворот.

Наши люди в Кабуле активно включились в эту междоусобицу, пытались влиять на кадровые перестановки в Афганистане. И теперь представитель «Межкниги» всячески обличал неизвестного мне Баяни, просил моего содействия в его отстранении от издательского дела. Я молчал. Мне нечего было сказать, и потом казалось, что это вовсе не задача советника из Москвы вмешиваться во внутрипартийные афганские дела. Кроме того, я и в глаза еще не видал этого Баяни.

Три дня мы бесцельно пребывали в гостинице. Кое-как организовали свой быт, бродили по этажам, грелись на изумрудной лужайке под весенним афганским солнцем, и, как обычно водится у советских командировочных, — на третий день в комнатах запахло перегаром. Группировались, доставали спиртное, колбасу, плотно задерживали шторы и устраивали застолья.

В посольство нас пригласили лишь на четвертый день. Посол Фикрят Ахмедзанович Табеев — высокий худощавый человек с решительными жестами и резкой отрывочной командирской речью — коротко обрисовал наши задачи: «Раз мы влезли сюда, то обязаны преодолеть трудности», — вот и вся установка. А далее посол определил, кто, где и чем должен заниматься. Двинин направлялся на центральное телевидение и радиовещание. Голякову было поручено курировать правительственную газету «Кабул нью таймс». Меня попросили заняться издательством «Байхаки» и полиграфическими делами. Александров должен был курировать ведомства, осуществлявшие информационную деятельность, и координировать наши усилия.

В каком качестве мы направлялись по своим идеологическим «точкам»? Каковы будут наши полномочия и степень вмешательства в дела афганских руководителей подведомственными нам организациями? Наконец, каков будет уровень нашей ответственности и система отчетности за проведенную работу? Об этом не было сказано ни слова. Посол, как и московские руководители, видимо, смутно представлял себе цели нашей командировки и объем нашей компетенции. Было ясно, что действовать надо сообразно с обстоятельствами и, конечно, работать в тесном контакте с афганскими партийными структурами и специалистами.

Меня посол попросил сразу же заняться выпуском первого афганского революционного плаката, который никак не могли запустить в производство сами афганцы.

Наутро я попытался выяснить, кто же в Кабуле отвечает за это конкретное дело, но эта задача оказалась весьма трудной. На выпуск плаката претендовали две правящие структуры: Полиграфический отдел правительства во главе с товарищем Набизаде и Отдел пропаганды ЦК НДПА во главе с товарищем Дехнишином. Оба руководителя уперлись, как говорится, лбами, мешая решению данного вопроса. В конце концов, шеф полиграфии перетянул одеяло на себя. Но тут дело и встало. У Набизаде не было специального образования. Он вообще окончил только 9 классов школы и ничего не смыслил ни в полиграфии, ни в издательском деле, но зато слыл известным революционером, активным сторонником Б. Кармаля. К тому же выяснилось, что, хотя в Кабуле имеется первоклассная типография, оборудованная немецкими офсетными машинами, работать на них некому. Немецкие специалисты после ввода советских войск покинули страну. Местные кадры не были еще обучены в достаточной мере. С ними-то Набизаде и попытался осуществить выпуск плакатов, но из этого ничего не получалось. Оставшиеся работники типографии ходили вокруг сияющих металлом и свежей краской машин, не зная как к ним подступиться.

Я посетил Набизаде. Он сидел в просторном кабинете и — маленький тщедушный — буквально утопал в огромном кресле. Вид у него был, хотя и весьма напыщенный, но неуверенный. Что делать, он не знал. На мое предложение подключить к делу издательство «Байхаки» и его президента Баяни он замахал руками: «Он не наш человек». Я возразил, что немецкие инженеры тоже не были здешними революционерами, но все-таки наладили при помощи издательства выпуск некоторых, в том числе марксистско-ленинских книг. Общее же руководство останется за Набизаде, пообещал я. Тут он

согласился. А когда центральное телевидение, не без помощи советского куратора, передало в эфир интервью с ним о важности предстоящего выпуска плакатов в стране, он вовсе смягчился.

Баяни вместе со своими издательскими специалистами и прибывшими с нами художниками принялся за дело. Подготовили эскизы, разметили формат, выбрали краски, нашли людей, умеющих заправлять машину и запустить ее.

Когда цветной эскиз плаката — сжатый кулак на фоне революционных призывов — показали в посольстве, там ответили, что плакат хорош, но афганские товарищи считают, что в нем слишком много красного цвета, а Афганистан ведь мусульманская страна, где традиционный цвет все-таки зеленый. Плакат переделали. Окрасили часть поднятой вверх руки в зеленый цвет.

На следующий день после одобрения эскиза решили запустить плакат в печать. Все столпились около машины. Нажали соответствующие кнопки, и уже через несколько минут на лоток выпрыгнул первый афганский плакат. Он был еще неказист — краски оказались перепутаны. Пришлось исправлять дело.

Наконец, машина выдала плакаты, соответствующие формату и краскам эскиза. Афганские печатники были в восторге. Мы тоже радовались.

Плакаты просушили, завернули в белый рулон бумаги и помчались в посольство к Табееву. Фикрят Ахмедзанович посмотрел, одобрительно махнул рукой: «Можно запускать тираж».

К вечеру несколько сот плакатов было отпечатано и доставлено в посольство.

На следующее утро на улицах Кабула — на стенах домов, на белых каменных заборах, на афишных тумбах — проходим грозил поднятый революционный красно-зеленый кулак на фоне революционных лозунгов.

На следующее утро плакатный кулак исчез с улиц города. За ночь моджахеды и их сторонники из числа местного населения сорвали все плакаты до единого.

В посольстве к этому обстоятельству отнеслись философски. Табеев сказал: «Будем печатать и клеить плакаты и дальше. Война есть война. Нужно лишь усилить ночные рейды».

Так и пошло. Утром плакаты расклеивали, ночью их срывали. Кое-где слышалась стрельба.

Начали свою деятельность и другие члены «идеологического десанта».

Едва наступали сумерки, мы плотно задергивали шторы, собирались в своих комнатах: обменивались впечатлениями, играли в шахматы, преферанс. Ну и, конечно, выпивали, благо запасов спиртного было достаточно. Я периодически использовал вечернее время для работы над текстом диссертации, страницу за страницей шлифуя текст.

За оградой гостиницы грозно шумел комендантский час: проходили со скрежетом и гулом танки и бронетранспортеры. Чем темнее становилось в городе, тем больше усиливалась тревога. Звуки автоматных очередей слышались постоянно. Порой шум проходящей бронетехники и стрельба будили по ночам.

(Окончание следует)

Финансовая политика советских властей Баварии в 1919 г.

А.Ю. Ватлин

«...революции в Баварии финансировались Рейхсбанком». Юлиус Цех. Из предшествующего текста может сложиться впечатление, что история Советской республики в Баварии была историей противостояния революционного Мюнхена и контрреволюционного Бамберга (за спиной которого стоял реакционный Берлин). Документы германского МИДа той эпохи позволяют сделать вывод о том, что острая борьба велась и в самом Мюнхене, хотя противники БСР, конечно, всячески конспирировались. Сюжет, связанный со шпионской деятельностью праворадикального общества «Туле», лидеры которого были арестованы и расстреляны в последний день существования Советской Баварии, достаточно известен и не требует дальнейших комментариев¹. Мы сосредоточим наше внимание на финансовом аспекте деятельности «белого подполья».

Противники советской власти в Баварии уже в марте 1919 г. разрабатывали планы ее тихого удушения. Прусский посланник в Мюнхене граф Цех поддержал идею буржуазных партий перевести в Северную Баварию ландтаг и правительство, как только там будут созданы боеспособные части добровольцев, выступающих под знаменем контрреволюции (фрайкор). Он неустанно критиковал Гофмана и его однопартийцев за то, что социал-демократия большинства идет на поводу у левых радикалов и не решается применить по отношению к ним силу. В противном случае посланнику представлялось неизбежным образование в Мюнхене «радикального правительства спартаковского толка»².

Отъезд правительства и ландтага в Бамберг 5—6 апреля был не спонтанным, а хорошо подготовленным шагом. Министр иностранных дел первой БСР Франц Липп в радиোগрамме о переходе власти в

Окончание. Начало см.: Вопросы истории. 2014. № 6—7.

Ватлин Александр Юрьевич — доктор исторических наук, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

руки Советов не преминул упомянуть о том, что во вверенном ему министерстве сбежавшие чиновники захватили с собой даже ключи от туалетов³. Их коллеги из Министерства финансов позаботились о несравненно более важной вещи — в Бамберг были тайно доставлены клише для печатания баварских денег, имевших в годы войны хождение наряду с рейхсмарками.

7 апреля Цех сообщил в Берлин, что судьба только что провозглашенной БСР зависит от способности новых властей решить экономические и финансовые проблемы. Пользовавшийся дипломатическим иммунитетом прусский посланник принял на себя функцию координатора антисоветских сил в городе. Он предложил установить полную блокаду Южной Баварии, отрезав ее от поставок продовольствия, не пропускать в Мюнхен эшелоны с углем, уничтожить запасы бензина в Регенсбурге, где тоже была провозглашена советская республика. На совещании руководителей мюнхенских банков, состоявшемся в тот же день с участием Цеха, шла речь о выработке линии поведения финансовых кругов в период существования БСР.

В ходе совещания Цех узнал, что из-за паники, охватившей население в первые дни апреля, в банках остался лишь минимальный запас наличности. Денежные запасы Баварского государственного банка были заранее вывезены из Мюнхена, главным хранителем наличных денег оставалось местное отделение Государственного банка (Рейхсбанка). 9 апреля Цех затребовал из Берлина решение о запрете выдачи денег Рейхсбанком до тех пор, пока у власти в Мюнхене остаются советы. «Приостановка банковских выплат ввиду недостатка наличности во много раз увеличит имеющее место недоброжелательство господством советов»⁴.

Реакция Рейхсбанка на инициативу Цеха была крайне осторожной: в случае, если остановить выплаты, утверждали его руководители, подстрекаемая радикалами толпа попросту возьмет штурмом здание банка в Мюнхене. Но все же по настоятельной просьбе МИДа они согласились с предложениями Цеха, хотя и ограничили свое согласие кругом государственных учреждений⁵. Де-факто это означало принятие курса на финансово-экономическое удушение БСР при внешнем сохранении лояльности новым властям. Аналогичную позицию заняли и руководители частных банков — формально выполняя постановление Центросовета об ограничении выплат с банковских счетов, они помогали «постоянным клиентам» выводить за пределы Баварии огромные суммы.

Накануне путча 13 апреля представитель имперского правительства в Бамберге Курт Рицлер предложил берлинским властям «самым срочным образом» попросить Рейхсбанк дать указание своему баварскому отделению, чтобы то закрыло свои хранилища и отправило служащих с ключами подальше от Мюнхена — очевидно, он не был уверен в успехе путчистов⁶. Однако глава отделения Хейн, опасавшийся не только за сохранность вверенного ему учреждения, но и за собственную жизнь, продолжал кредитовать местные банки наличностью даже в дни существования второй БСР. Под давлением коммунистов Хейн даже запросил из Берлина 50 млн марок, отдавая себе отчет в том, что данная просьба не будет выполнена. Это вызвало настоящий приступ ярости у графа Цеха, который свыкся с ролью

главы антисоветского сопротивления. Уже после подавления БСР он представил Хейна слабохарактерным трусом, мечтавшим только о спокойной пенсии. Результатом его сотрудничества с советскими властями стало то, что «третья и четвертая революции в Баварии финансировались в конечном счете Рейхсбанком»⁷.

Очевидно, что без выдачи им наличных денег советская власть не продержалась бы и нескольких дней, тем более в условиях всеобщей стачки, когда доходная часть городского бюджета практически отсутствовала. Однако прямое сопротивление банкиров новой власти, на котором настаивали представители Берлина в Мюнхене и Бамберге, завершилось бы захватом банков отрядами красноармейцев и их последующей национализацией, как это произошло в большевистской России. Тактика уступок и компромиссов, которую проводило банковское сообщество Мюнхена, оказалась в конечном счете более действенной и привела к меньшим потерям.

Особое внимание Цеха к баварскому отделению Рейхсбанка определялось не только тем, что оно финансировало советские учреждения, — в его сейфах хранилась немалая часть золотого запаса Германии. Номинал одних только монет из драгоценных металлов достигал 136 млн марок. Опасаясь, что золото, как только о нем узнают коммунисты, будет реквизировано на создание Красной Армии, Цех потребовал от Хейна выдать ему ключи от хранилища драгоценных металлов — «пусть лучше нелегальные и легальные бандиты попытаются его взорвать»⁸.

Получалась парадоксальная ситуация: ключи от банковских сейфов требовали и по одну, и по другую сторону классовой баррикады. Правда, если русского большевика Аксельрода волновали «буржуазские» драгоценности, то графа Цеха — золото, принадлежавшее германскому государству. И в том, и в другом случае столь жесткие требования были отвергнуты представителями банковского сообщества, причем как раз из числа «своих». Мэннер и Хейн скорее чутьем, нежели разумом понимали, что претворение в жизнь угроз радикальных политиков слева и справа приведет к «пятой революции» — воцарению в Мюнхене хаоса и безвластия, которые обернутся бесчинствами толпы под руководством криминальных элементов, причем грабить будут отнюдь не только «награбленное» ранее.

Лишь в конце апреля после отставки коммунистов Мэннер направил Хейну запрос о точном количестве наличных денег и ценностей в хранилищах Рейхсбанка. Логика событий подталкивала противника большевистских методов экспроприации к не менее жестким и радикальным решениям, когда на карту была поставлена судьба советской власти. Вопрос о том, решил ли бы народный уполномоченный по финансам воспользоваться золотом Рейхсбанка, остается открытым. Однако очевидно, что это не могло в корне переломить ситуацию вокруг Советской Баварии — точно так же, как не спасло Колчака попадание в его руки золотого запаса России в конце 1918 года.

Прусский посланник явно лицемерил, когда называл «счастливой случайностью» то, что хранившиеся в баварском отделении Рейхсбанка ценности не попали в руки руководителей второй БСР. Те, якобы, до конца апреля даже не подозревали об их существовании, а

затем их намерения были перечеркнуты молниеносным вторжением в Мюнхен правительственных войск. Лидеры КПП и народные уполномоченные БСР были не настолько наивными, чтобы не знать, для чего существует Государственный банк, и какие ценности там хранятся. Представляется, что их осторожность диктовалась иными соображениями. В условиях туманного разграничения суверенитета между рейхом и Баварией и перспективы самостоятельного существования последней советские власти сознательно избегали экспроприации наличности и ценностей, хранившихся в Рейхсбанке. Расчет делался на то, чтобы оттянуть открытое столкновение с имперским правительством и не давать ему повода объявить в своей пропаганде мюнхенских коммунаров грабителями и разбойниками.

Мэннера вполне устраивало балансирование на грани легальности в отношениях как с частными, так и с государственными банковскими учреждениями. Это позволяло ему хотя бы частично использовать находившиеся в их распоряжении ресурсы и готовить системные меры фискального характера, которые позволили бы в перспективе сосредоточить в руках советских властей значительные финансовые средства. Расчет не удался — в то время политика командовала экономикой по обе стороны классовых баррикад. И все же отказ от экспроприации золотого запаса избавил лидеров Советской Баварии от клейма правительства жуликов и воров, которое стало бы лучшей индульгенцией для тех, кто устроил мюнхенским рабочим показательную порку с сотнями человеческих жертв. Сводный отчет полицейского управления Мюнхена, посвященный апрельским событиям 1919 г., констатировал, что, если не считать убийства заложников, в дни существования первой и второй БСР не было ни заметного роста уголовных преступлений, ни «всеобщего обобществления частной собственности»⁹.

Аресты, следствие, суд. Артиллерийскую канонаду и уличные бои в Мюнхене первых майских дней сменила власть военных, устроивших масштабную зачистку города от «красных» любых оттенков и величин. О неразберихе и хаосе, царивших в городе, свидетельствует история арестов Сильвио Гезеля и его соратников. В течение трех дней различные отряды военных их трижды арестовывали и дважды отпускали на свободу. Если с бойцами Красной Армии можно было не церемониться, некоторых из них ставили к стенке без суда и следствия, то, как вести себя с приглашенными в Баварию известными экономистами, толком никто не знал.

Швейцарский ученый Христен делился своими наблюдениями в письме жене 2 мая: «Удивительно, насколько спокойно и равнодушно местное население прогуливается по улицам, как будто совершенно ничего не произошло»¹⁰. Самого Христена вместе с Гезелем через день вновь поведут под конвоем по улицам города, и ему придется столкнуться уже с иными эмоциями: толпа бежала за нами, плевала и осыпала нас оскорблениями и требовала немедленно линчевать нас как спартаковцев. Сопровождавший нас лейтенант не предпринимал никаких действий в нашу защиту — «мы выглядели как цирковые звери, которых вывели на показ праздной публике»¹¹.

В ходе допросов Гезель и Христен строили свою защиту на том, что являются противниками «государственного капитализма», то есть

бюрократического регулирования хозяйственной жизни. Во время пребывания в Мюнхене они стояли вне политики и предлагали свои экспертные услуги как бамбергскому правительству, так и коммунистам. Оба обвиняемых сохраняли святую уверенность в том, что только введение отрицательного процента на капитал способно оживить послевоенную экономику, и протоколы их допросов весьма напоминали политэкономические лекции.

Следовательно, очевидно, не слишком уверенно чувствовал себя в этой сфере, поэтому пытался перевести ход расследования в проторенную колею. Во все инстанции были разосланы запросы о том, не получали ли обвиняемые денег для себя лично, не использовали ли служебное положение для лоббирования чьих-то интересов¹². Министерство финансов прислало развернутый отчет о деятельности Гезеля на посту народного уполномоченного по финансам, суть которого сводилась к тому, что тот занимался подготовкой введения «свободных денег», не вмешивался в рутинную бюрократическую работу и не запускал руку в государственную кассу.

Отсутствие компромата в сочетании с валом писем от коллег со всей Германии, утверждавших, что в лице Гезеля военные власти столкнулись с ученым, обладающим мировым именем, сделали свое дело. На заседании военно-полевого суда 9 июля 1919 г. оба обвиняемых были оправданы. Однако участие в первой БСР для них не прошло бесследно: Гезелю было запрещено вернуться в свое поместье в Швейцарии, и остаток дней он провел под Берлином. Христен, напротив, был отправлен на родину, где вновь арестован швейцарской полицией, хотя и отпущен на волю после недолгого разбирательства¹³.

В том же обвинительном ключе шло следствие по делу второго известного экономиста, принимавшего участие в работе советского правительства, — Отто Нейрата. Руководители мюнхенских отделений крупнейших банков Германии как под копирку отвечали на вопросы следователей об ущербе, причиненном им в дни существования БСР. Речь шла и об отмене банковской тайны, и о панике среди вкладчиков, и о подрыве доверия к баварским предпринимателям во внешнем мире¹⁴. Нейрат напрямую не отвечал за банки, поэтому мог без труда отвергнуть все обвинения, касавшиеся финансовых решений. В свою защиту он приводил шаткий аргумент о том, что подготовленная им программа социализации не носила политического характера и могла быть осуществлена при любом правительстве¹⁵.

Адвокаты использовали все возможности для того, чтобы обеспечить предстоящему суду над Нейратом международный резонанс. В качестве свидетелей назывались крупный предприниматель Вальтер Ратенау, известный социолог Макс Вебер и министр иностранных дел Австрии социалист Отто Бауэр. Последний прислал на судебное заседание письмо, в котором утверждал, что подсудимый «не понял того, что любая социальная реформа определяется соотношением политических сил, на фоне которого она проходит. Но как бы ни весома была эта ошибка, она не является преступным деянием уголовного характера»¹⁶.

Заседание военно-полевого суда, состоявшееся 25 июля 1919 г., признало Нейрата виновным в попытке радикального переустройства

социально-экономического порядка в Баварии, однако заступничество влиятельных лиц сделало свое дело. Приговор к полутора годам заключения в крепости не был исполнен в полной мере. По просьбе австрийских властей Нейрата депортировали на родину, и до 1926 г. ему был запрещен въезд в Германию. В последующие годы Нейрат сосредоточился на социальной работе в Вене, получил международное признание за труды в области музейной педагогики и визуального оформления статистических данных (в начале 1930-х гг. он работал в Институте изобразительной статистики в Москве). Из-за угрозы репрессий после установления австрофашистского режима Отто Нейрат был вынужден эмигрировать в Великобританию, где и умер в декабре 1945 года.

В один день с процессом Нейрата состоялся суд над Аксельродом, который был схвачен уже после перехода границы в Тироле и выдан баварским властям. У большевика из России также нашлись заступники — Наркомат иностранных дел устами Чичерина объявил, что он имел дипломатический паспорт и должен пользоваться принятой во всем мире неприкосновенностью. Естественно, такая «рекомендация» не сулила обвиняемому ничего хорошего. Задолго до процесса граф Цех (сам в полной мере воспользовавшийся дипломатическим иммунитетом, который соблюдали по отношению к нему советские власти в Мюнхене) выразил общее мнение торжествовавшей военщины, высказав сожаление, что Аксельрода не расстреляли заодно с Евгением Левине ¹⁷.

Политический комиссар при народном уполномоченном по финансам отказывался сотрудничать со следствием, настаивая на своей неподсудности. Поскольку военные власти так и не смогли разыскать Мэннера, Аксельрод оказывался фигурой, на которой можно было отыграть за «великий страх» мюнхенских буржуа. Эмиссар из Советской России, еврей, автор постановлений об экспроприации ценностей, хранившихся в банках, — что можно было бы еще прибавить к страшному образу русского большевика, сеявшего смерть и разрушение в безмятежной Баварии!

В своем приговоре военно-полевой суд возложил на Аксельрода ответственность за все постановления советских властей в финансовой сфере, в том числе и за те, которые принимались без его ведома. Он обвинялся в попытке «отчуждения всей частной собственности, находившейся в банках и национализации последних», что по существу являлось «организованным грабежом». В отличие от других финансовых экспертов БСР суд признал наличие у Аксельрода «бесчестного образа мыслей» (*ehrlose Gesinnung*), что было отягчающим обстоятельством и обеспечило ему максимально возможный срок: 15 лет каторжной тюрьмы ¹⁸. Большевицкое правительство не осталось безучастным к судьбе своего посланца, в течение полугода шла подготовка его обмена на немцев, арестованных в России. 6 июня 1920 г. Аксельрод вместе с женой выехал из германского порта Штеттин в Петроград.

Последним из судебных процессов, имевших финансовую подоплеку, был суд над членами Революционного банковского совета, состоявшийся 26 августа 1919 года. Пока военные и полиция занимались поисками Мэннера, в Баварии сняли осадное положение, и во-

енно-полевые суды были заменены гражданскими. Свои заступники нашлись и у трех обвиняемых по этому делу — банковское начальство сменило гнев на милость и утверждало в своих обращениях в суд, что именно Ревбанксовет на протяжении двух недель противостоял «посягательствам русских большевиков на имущество, доверенное вкладчиками банкам».

Сконструированная в последние дни существования второй БСР легенда о противостоянии «местных» и «пришлых» нашла свое отражение в приговоре по делу Ревбанксовета. Суд не согласился с доводами подсудимых о том, что они действовали в интересах общего блага — на деле они стремились к полному перевороту отношений собственности, называя себя революционерами. В то же время Ревбанксовет противостоял террористическим методам большевизма и тем самым предотвратил полный крах хозяйственной и банковской системы Мюнхена ¹⁹.

Тяжесть и обоснование приговоров экономическим и финансовым экспертам БСР показывает, что их осуждали не за конкретные деяния, попадавшие под статьи уголовного кодекса, а за само участие в «преступном заговоре», которым руководили вначале анархисты, а затем — коммунисты. Чем более высокое место занимал тот или иной подсудимый в иерархии германского общества, тем на большее снисхождение он мог рассчитывать. Если Гезель был оправдан, а его соратник профессор Поленске вообще был выведен за рамки процесса, то «пришелец» Аксельрод едва избежал смертного приговора. Впрочем, можно только гадать, чем закончился бы революционный трибунал над графом Цехом, если бы баварские чекисты успели разоблачить его подпольную деятельность.

Параллельно с наказанием творцов и исполнителей экспериментов в экономической и финансовой сфере победители занялись скрупулезным подсчетом материального ущерба, нанесенного Баварии за три недели существования двух советских республик. И здесь политическая целесообразность доминировала над здравым смыслом, правительственные пропагандисты втолковывали обывателю, что «шесть месяцев революции стоили баварскому народу гораздо больше, чем четыре с половиной года войны» ²⁰. Прямые потери государственной казны составили 30—40 млн марок, общий ущерб, включая неполученную прибыль, падение авторитета баварских предприятий на германском рынке и т.д. — более 250 млн марок. По расчетам предпринимателей каждый день забастовки стоил им 7 млн марок ²¹.

Однако их надежды на то, что правительство компенсирует явно раздутые потери, понесенные в дни «господства спартаковцев», оказались несбыточными. Напротив, финансовые институты в добровольно-принудительном порядке должны были оплачивать услуги своих освободителей. 9 мая штаб генерала Меля сообщил, что «банковские круги предоставили в распоряжение командования 690 тыс. марок для распределения среди войск», участвовавших в штурме Мюнхена ²².

В сводном отчете полиции об апрельских событиях справедливо отмечалось, что финансовая политика лидеров БСР «сводилась исключительно к поиску средств на оплату создаваемой Красной Армии». Наличные деньги, и без того находившиеся в большом дефи-

ците, выводились из хозяйственного оборота, бесконтрольно тратились советскими учреждениями, число которых росло с каждым днем. Общий итог полицейского расследования выглядел достаточно стандартно, сводя революционный процесс к воздействию извне: «те немногие баварцы, которые участвовали в подготовке Советской республики или влились в ее руководящие органы, пошли на это под влиянием чуждых нам демагогов». Последние получили расово-психологическое клеймо: это были «восточные евреи» или выходцы из России, «снедаемые потребностью рассчитаться с существующим мировым порядком»²³.

Некоторые уроки финансовой политики БСР. Многие сюжеты краткой биографии Советской Баварии стали основой для политических мифов, доминировавших в сознании немцев на протяжении последующих десятилетий. Не являлась исключением и финансовая политика БСР. В годы Веймара она служила важным аргументом для антисоциалистической пропаганды, в то время как левые силы подчеркивали ее позитивный потенциал, нереализованный из-за насильственного подавления советского эксперимента. Нацистская идеология воспользовалась идеями Гезеля об «отрицательном проценте» для того, чтобы обосновать собственное обещание уничтожить «долговое рабство», хотя и в годы Третьего рейха опыт Советской Баварии подавался как образец большевистского террора и экономического волюнтаризма.

Во второй половине века к идеям и практике революционных финансистов 1919 г. обращались лишь sporadически. Вольное отношение к образам деятелей Советской Баварии, которое позволяют себе драматурги²⁴, зачастую переносится и в научную литературу. Гезелю приписывают утверждение, что «конец капитализма наступит с выпуском бесплатных денег»²⁵, а командующему баварской Красной Армией Рудольфу Эгльхоферу — захват мюнхенского отделения Рейхсбанка и раздачу своим сторонникам тысячемарковых купюр из его хранилищ²⁶.

На самом деле исторический опыт финансовой политики Советской Баварии содержит в себе нечто большее, чем набор тривиальных анекдотов. Речь идет прежде всего о соотношении научного знания и политической власти. Намерение социалистов, волею судеб оказавшихся во главе революционного процесса в этой части Германии, поставить у руля экономических реформ известных ученых, отражало общую для начала XX в. уверенность в том, что наука несет в себе позитивное «конечное» знание, которому не дают пробиться к массам классовые интересы правящих верхов. На этой уверенности держалась и претензия классического марксизма на переход от познания мира к его преобразованию.

Компромиссный характер первой БСР отчасти определил и то, что в ее финансовой политике сосуществовали две несовместимые между собой линии: линия Сильвио Гезеля на коренное преобразование всей денежной системы путем введения «свободных денег» и линия Отто Нейрата на ограничение наличного обращения через бюрократический контроль в духе государственного регулирования военных лет. Ни одна из них не успела трансформироваться в законченную программу, не говоря уже о реализации последней на

практике. И здесь мы имеем дело со вторым уроком Советской Баварии: ориентированное на радикальное преобразование общества знание бесплодно при отсутствии властных инструментов, способных преодолеть сопротивление социальных слоев, затронутых процессом реформ.

Лидеры первой БСР, доверившись известным экономистам, не смогли обеспечить их политической, в том числе и силовой поддержкой. Выходцы из лагеря социал-демократии, они слишком верили в «железные законы истории» — и были сметены их динамикой, которая не позволяла топтаться на месте, требовала либо перехода власти к более радикальным и действенным силам, либо отката к реставрации «старого порядка». Неудавшийся путч сторонников правительства Гофмана и победа рабочих отрядов, во главе которых стояли коммунисты, сделали возможной реализацию первого варианта развития событий, пусть даже на очень короткий срок.

Удивительно, но и в дни правления КПП (вопреки всем заявлениям ее лидеров о единстве и железной воле пролетариата) в финансовой политике БСР сохранилась конкуренция двух линий. Первую, которую можно назвать радикально-социалистической, олицетворял народный уполномоченный по финансам Эмиль Мэннер и стоявший за ним Революционный банковский совет. Мэннер и его соратники, продолжавшие сотрудничать с Отто Нейратом, исходили из необходимости разрушения капиталистических отношений власти и собственности и готовили для этого системные реформы. Пополнение государственной кассы для решения оперативных задач Комитета действия представлялось им побочной задачей, которая рано или поздно будет решена принятием комплексной антикапиталистической программы.

Напротив, представитель Советской России Товий Аксельрод, опиравшийся на поддержку руководителей КПП, настаивал на проведении большевистской линии ситуативного реагирования на вызовы извне. Не задумываясь о выработке финансовой стратегии (и уж тем более не привлекая для ее разработки «буржуазных специалистов»), баварские большевики слепо доверяли опыту своих русских товарищей — опыту, о котором они имели весьма отдаленное представление. В результате вторая линия на практике свелась к бессистемным экспроприациям, которые в гораздо большей степени настраивали горожан против советской власти, чем удовлетворяли финансовые потребности растущей Красной Армии.

Эти линии не могли существовать параллельно, и открытый конфликт их лидеров являлся только вопросом времени. Представляется закономерным, что спор о методах и формах пополнения бюджета БСР стал тем камнем преткновения, который вернул бразды правления сторонникам радикально-социалистических мер в финансовой сфере (хотя по сравнению с баварскими большевиками их следовало бы назвать умеренными). Поражение и уход из властных структур лидеров КПП определялся не только и не столько исходом голосования в «пролетарском парламенте», сколько фактическим признанием того, что Южная Бавария оказалась неудачным местом для повторения опыта русских большевиков. Подавляющая часть ее населения, в том числе и кадровый рабочий класс, не желала расставаться ни с

демократическими механизмами решения социальных проблем, ни с преимуществами рыночной экономики, стержнем которой являлась стабильная денежная система. Политическая элита, радикально обновленная в ходе революции, продолжала руководствоваться принципом «не навреди», избегая волюнтаристских экспериментов. В этом смысле лидеры КПГ, предпочитавшие следовать правилу «чем хуже, тем лучше», и в самом деле оказались чужеродным телом в партийно-политическом механизме Баварии.

Нельзя сбрасывать со счетов и активные действия противников советской власти, которые в полной мере отдавали себе отчет в том, насколько важным для нее окажется финансовое обеспечение принимаемых решений. Здесь мы также можем констатировать две линии поведения: умеренную и радикальную. Руководители частных банков, заручившись поддержкой из Берлина, отказались от прямой конфронтации с новой властью и сделали ставку на тихий саботаж ее предписаний. Хотя банкам было запрещено участвовать во всеобщей стачке, их сотрудники ежедневно проводили «итальянскую забастовку». Используя противоречившие друг другу постановления советских властей, они парализовали повседневную работу финансовых учреждений. У их дверей каждое утро собирались толпы недовольных горожан, пытавшихся спасти хотя бы часть своих сбережений, однако удача улыбалась лишь немногим избранным, имевшим особо доверительные отношения с руководством того или иного банка.

Формально признав власть советов и выполняя ее директивы, мюнхенские финансисты не без основания рассчитывали на то, что руководство БСР возьмет под свою защиту банки и не допустит их разграбления. Такая перспектива не казалась столь уж невероятной во второй половине апреля, когда Мюнхен и его окрестности охватила волна «диких реквизиций». Посредником и даже амортизатором во взаимоотношениях банковских кругов и Комитета действия стал Революционный банковский совет, всячески тормозивший реализацию непродуманных директив, которые исходили от коммунистов.

Второй линией противодействия финансовой политике БСР был своего рода «большевизм наоборот», который демонстрировали прусский посланник в Баварии граф Цех и представители имперского правительства в Бамберге. Они настаивали на полном игнорировании мюнхенскими банками требований советских властей. Это неизбежно привело бы к силовой акции со стороны последних, что, очевидно, и принималось в расчет: для пропагандистского обоснования военной акции нужны были яркие примеры хаоса и разворовывания государственных ресурсов «спартаковцами». Тактика провоцирования внутренних конфликтов, которую реализовывали граф Цех и его помощники в революционном Мюнхене, по существу определялась тем же принципом «чем хуже, тем лучше», хотя и с противоположным знаком.

К моменту отставки коммунистического правительства дни и даже часы существования советской республики в этой части Германии были уже сочтены. Радикальные меры по ограничению наличного оборота, озвученные Мэннером 26 апреля, равно как и ужесточение

контроля над банковской сферой в так и не опубликованном постановлении от 30 апреля, указывали на перспективу, которая могла бы стабилизировать положение в Мюнхене. Но вопрос о власти — «проклятый вопрос» любой революции предстояло разрешить только силой оружия. Полоса роковых кадровых и политических ошибок лидеров двух БСР, помноженных на слабость и некомпетентность созданного ими административного аппарата, привели к тому, что советская республика была фактически отдана на растерзание имперским войскам и частям фрайкора. Ее трагический финал на долгие годы скрыл от внимания ученых тот очевидный ныне факт, что любая революция лишь тогда чего-то стоит, когда умеет не только защищаться, но и добывать деньги для своего продвижения вперед.

Примечания

1. «Зверское убийство заложников в гимназии Луитпольда» породило уже в годы Веймарской республики такой поток публикаций, что их простое перечисление заняло бы несколько страниц. Первое издание документов по этой теме: *Der Geiselmord in München. Ausführliche Darstellung der Schreckenstage im Luitpold-Gymnasium nach amtlichen Quellen.* München. 1919.
2. Донесение Цеха в Берлин от 9 марта 1919 года. PAAA. R 2732.
3. *Funkspruch an Tschitscherin, Lenin, Moskau.* GERSTL M. Op. cit., S. 35.
4. Донесения Цеха в Берлин от 7 и 9 апреля 1919 года. PAAA. R 2732.
5. Донесение статс-секретаря МИД Германии Лангверта министру иностранных дел Брокдорф-Ранцау в Веймар от 9 апреля 1919 г., письмо Брокдорф-Ранцау посланнику Цеху в Мюнхен от 10 апреля 1919 года. Ibid. R 22461, R 2733.
6. Донесение Ришлера в Берлин от 12 апреля 1919 года. Ibid. R 2733. Цех шел еще дальше, предлагая Хейну уничтожить банкноты крупного номинала, хранившиеся в мюнхенском отделении Рейхсбанка.
7. Донесение Цеха в Берлин от 5 мая 1919 года. Ibidem.
8. Кроме того, Цех предложил Хейну нанять вооруженную охрану из 20 человек, порекомендовав верных ему людей. Глава мюнхенского отделения Рейхсбанка отказался и от первого и от второго предложения, но пообещал Цеху перенести все золото в особое хранилище и замаскировать вход в него книжными полками. Прусскому посланнику это представлялось явно недостаточным: «Решительному диктатору было бы нетрудно путем угроз завладеть ценностями Рейхсбанка, а о том, какой вес имели бы 136 млн золотых монет в руках какого-нибудь готового на все спартаковца, излишне говорить». Донесение Цеха в Берлин от 5 мая 1919 года. Ibidem.
9. *Die Münchner Räterepublik im April 1919 und ihre Gewalttaten.* StaB. Staatsanwaltschaft. 3124. Bl. 155.
10. Ibid., 2017. Bl. 20.
11. CHRISTEN TH. *Aus den Münchner Revolutionstagen.* Zürich. 1919, S. 20.
12. StaB. Staatsanwaltschaft. 2017. Bl. 67, 88.
13. CHRISTEN TH. Op. cit., S. 39—40.
14. См. доклад мюнхенского отделения «Дойче банк» и письмо Баварского торгового банка в «Бюро допросов военно-полевого суда» от 5 июня 1919 года. StaB. Staatsanwaltschaft. 2139.
15. Заявление Нейрата от 30 мая 1919 года. Ibidem.
16. Письмо Отто Бауэра от 30 июня 1919 года. Ibidem.
17. Донесение Цеха в Берлин от 9 июня 1919 года. PAAA. R 2737.
18. Обоснование приговора военно-полевого суда по делу Товия Аксельрода. StaB. Staatsanwaltschaft. 1939.

19. Обоснование приговора народного суда по делу членов Ревбанковского. Ibid. 2885. Трое обвиняемых получили по одному году и 5 мес. заключения в крепости.
20. Die Schreckensherrschaft..., S. 228.
21. Ibid., S. 227. См. также протокол специального заседания торговой палаты Мюнхена, состоявшегося 9 мая и посвященного подсчету понесенных убытков. Zerstörung des Wirtschaftslebens Münchens durch die Kommunistenwirtschaft vom 8. bis 30. April 1919. München. 1919.
22. Цит по: HILLMAYR H. Roter und Weisser Terror in Bayern nach 1918. Ursachen, Erscheinungsformen und Folgen der Gewalttätigkeiten im Verlauf der revolutionären Ereignisse nach dem Ende des Ersten Weltkrieges. München 1974, S. 158.
23. Die Münchner Räterepublik im April 1919 und ihre Gewalttaten. Bl. 132, 141, 149.
24. Так, среди эпизодов, не вошедших в окончательную редакцию пьесы Танкреда Дорста «Толлер», есть сцена, в ходе которой Эмиль Мэннер увлеченно объясняет директору банка необходимость введения свободных денег по методу Сильвио Гезеля: в результате деньги прекратят быть источником прибыли, получаемой без приложения труда, «и тем самым мы уничтожим экономические источники войны! А значит и Вы, господин директор, больше не будете нужны» DORST T. Toller. Frankfurt am Main. 2008, S. 119. Пьеса Дорста с успехом шла на сценах западногерманских театров в конце 1960-х годов.
25. ЭВАНС Р. Третий рейх. Зарождение империи. 1920—1933. М. 2010, с. 209.
26. КОЧН Н.В. Der deutsche Bürgerkrieg. Eine Geschichte der deutschen und österreichischen Freikorps 1918—1923. Berlin u.a. 1978, S. 112.

Новое и старое в помещном быту России в первой половине XVIII в.

А.В. Шипилов

Первая половина XVIII в. в отечественной истории стала временем масштабных культурных преобразований, явившихся результатом политики Петра I и его преемников. В первую очередь это затронуло дворянство как государствообразующее сословие, причем самыми в буквальном смысле очевидными были изменения в том, что составляет материальную основу повседневности, окружая человека самым непосредственным образом, — в быту, причем не в официально-служебной, а в приватно-семейной жизни. Если в казарме или канцелярии дворянин в качестве офицера или чиновника выступал агентом государства и волей-неволей становился носителем новой вестернизированной культуры, то у себя дома он, по крайней мере, потенциально мог делать то, что хочет, а не то, что должен, особенно, если этот дом находился вдали от полка или коллегии — в поместье. Соответственно, посредством изучения именно помещного быта можно выявить интенсивность и динамику преобразований российской культуры в первые десятилетия Нового времени.

Специфика ситуации заключается в том, что российский дворянин первой половины XVIII в. был «помещиком» скорее номинально, чем реально. К началу столетия дворянство представляло собой среднюю часть иерархического конгломерата служилых чинов, границы которого простирались от думных бояр и окольничих до стрельцов и пушкарей, объединенных обязательной государственной службой, для обеспечения исправности несения которой им предоставлялась в условную собственность земля, причем необязательно вместе с сидевшими на ней крестьянами. В петровскую эпоху шляхетское сословие было создано путем рассечения корпуса старых служилых чинов на две части по, опять-таки, служебному признаку: имевшие к тому времени обер-офицерские чины стали дворянами, не имевшие

Шипилов Андрей Васильевич — доктор культурологи, профессор Воронежского государственного педагогического университета.

их попали в государственные крестьяне. В этих условиях дворянин-помещик рассматривался государством не столько как собственник, сколько как собственность. Как сформулировал И.Т. Посошков, «земля, коя и под ним самим, не ево, но великого государя, а и сам он не свой, но его ж величества»¹.

Хотя еще с 1676 г. поместье наследовалось по закону подобно вотчине, указом о единонаследии 1714 г. вотчины в отношении службы были приравнены к поместьям и за неявку на смотр, а тем более за укрывательство от службы отписывались на государя. Указ Анны Иоанновны 1731 г. дал право дворянам свободно завещать как поместья, так и вотчины, тем самым поместье превратилось из условной в безусловную частную собственность, не связанную с обязанностью нести государственную службу. Однако служба оставалась не только обязательной (как «недорослей», так и взрослых «нетчиков» штрафовали, переводили в нижние чины, ссылали и, разумеется, конфисковывали у них имения), но и бессрочной, с постоянными переводами с места на место; получить отпуск, а, тем более, отставку было большой проблемой и редкой удачей.

В результате в свое поместье дворянин попадал редко и на короткое время. С.А. Корф, характеризуя положение дворянства в первой половине XVIII в., писал: «Дворян в провинции было очень мало; почти все сословие поголовно находилось либо в столицах, либо в войсках на границах государства. В уезде дворяне жили лишь исключением, большей частью отставные старики да самые беднейшие представители этого сословия»². Только в 1736 г. правительство пошло навстречу многочисленным просьбам шляхетства, издав манифест, ограничивавший службу 25-летним сроком и разрешавший одному из мужчин дворянской фамилии не служить, а оставаться дома³. Впрочем, даже этот счастливец мог быть востребован на гражданскую службу, что же касается выслуживших свой срок военных, правительство тем более не спешило следовать букве собственных же указов — в 1740 г. с уходящего в отставку по выслуге лет дворянина стали брать, в виде отступного, рекрута, в 1742 г. тех офицеров, кто по старости или болезни уже не мог служить в полевых полках, было велено направлять, вместо отставки, на гарнизонную службу, и т.д. И лишь Манифест о вольности дворянской, изданный Петром III в 1762 г., установил, что все находящиеся на государственной службе чиновники-дворяне имеют право по собственному желанию продолжать служить или же выйти в отставку, сохраняя за собой чин, чем многие и воспользовались, наконец-то получив возможность стать помещиками не только юридически, но и фактически.

Необходимость этой преамбулы обусловлена предположением, что на протяжении всего рассматриваемого периода владельцы поместий, не имея возможности подолгу и тем более постоянно жить в них, не имели и стимула тратить время и деньги на переустройство усадебных жилых комплексов в соответствии с новыми — европейскими — веяниями. Последние, несомненно, имели место — пригородные усадьбы знати уже с начала века перестраивались и возводились вновь на петербургский манер — с парками, прудами, парадным двором и т.п.; соответственно менялся интерьер и декор, в котором прихотливо сочетались старые и новые черты. Такой, например, была основанная в

1710 г. усадьба А.Д. Меншикова в Ново-Алексеевском: к дому вела березовая аллея, через каменные ворота с фронтоном открывался вход во двор-курдонер с цветником, включавшим фигурный партер, к которому с двух сторон подходили два сада; к главному корпусу деревянного оштукатуренного дома примыкали симметричные флигеля. В палатах первого этажа стены и потолок были оштукатурены, в столовой потолок украшен алебастровой лепниной, полы выложены белой лещадью с черными вкраплениями, в парадных комнатах стояли белокаменные резные камины. Правда, и здесь в интерьере встречались элементы, свойственные скорее старой традиции — во флигелях были изразцовые печи, крашенные столы, скамьи, покрытые сукном, двери, тоже обитые сукном или раскрашенные, в комнатах мезонина потолки были подбиты холстом и побелены; тем не менее, в целом усадьба резко отличалась от обычных помещичьих дворов с их рубленными хоромами.

Подобные нового образца усадьбы служили примером для подражания помещикам не столь родовитым и/или состоятельным, у которых хоромные строения старого типа, состоящие из нескольких горниц и повалуши, соединенных сенями, тоже постепенно выходят из моды. Вновь построенные усадебные дома объединяют жилые и часть хозяйственных построек под одной крышей, при этом сам дом из агломерата нескольких изб на подклетах, связанных сенями и переходами, превращается в единый, чаще всего поземный корпус, внешне пытающийся подражать столичным домам дворцового типа, а в плане следующий традициям посадской архитектуры с выделением парадной и жилой половины и функциональным делением помещений. Однако чем дальше от столиц располагалось имение и чем менее чиновен и состоятелен был его хозяин, тем меньше черт нового и больше черт старого являло собой его жилище. Конечно, это сочетание нового и старого трудно выразить в цифрах, статистически, но попробовать можно.

Воспользовавшись сборником описей помещичьих имений первой четверти XVIII в., автор проанализировал материал, датируемый 1701—1725 гг., по 102 усадьбам, в составе которых было 110 домов (хором, в том числе несколько приказчиных), принадлежавших 51 помещику⁴. Описания эти сделаны с разной степенью подробности, поэтому об абсолютной достоверности наших подсчетов говорить не приходится; тем не менее, полученные соотношения все же обладают некоторой показательностью. Упоминания о подклетах, жилых или глухих, встречены в 37-ми случаях, о чердаках, как над домом в целом, так и над сенями — в 28-ми случаях, о повалушах — в 17-ти случаях; хоромы типа «две горницы через сени» упоминаются 20 раз, хоромы, состоящие из белой и черной горниц с сенями между ними — в 16-ти случаях, черные горницы (избы и т.п.) встречаются в составе разного рода хором в 7-ми случаях, еще в 4-х случаях помещики жили в черных избах за неимением других помещений и, наконец, в 6-ти случаях помещичий дом представлял собой связь «изба — сени — клеть».

Все это говорит о том, что в петровское время помещичьи усадьбы, особенно у небогатых помещиков, еще очень мало отличались от аналогичных построек предшествующего столетия: хоромы из несколь-

ких срубов, соединенных сенями, поставленные на подклеты, с жилыми чердаками, а иногда и с гульбищами, повалуши во дворах, фигурирующие еще в 1725 году. Возможно, эти повалуши стояли еще и в правление Елизаветы Петровны — вряд ли средней руки помещик стал бы ломать еще пригодную для жилья постройку только из-за ее старомодности. В подтверждение можно привести такой пример — мемуарист майор М.В. Данилов пишет о своем двоюродном деде, имевшем чин стольника и ходившем в Чигиринский поход, который умер «около 1735 или 1736 года, пожив лет восемьдесят или более», что «он без выезда жил в той деревне, где я родился». «Усадьба, где он жил, в селе Харин, преизрядная была: два сада, пруд и кругом всей усадьбы роши, церковь в селе деревянная. Хоромы у него были высокие, на омшинниках, и снизу в верхние сени была со двора предлинная лестница... Все его высокие и обширные с виду хоромы состояли из двух жилых горниц, через сени стоящих: в одной горнице он жил зимою, а в другой летом»⁵. Таким образом, еще в середине 30-х гг. XVIII в. провинциальные помещики доживали свой век в хоромах предшествующего столетия, которые могли простоять еще десяток-другой лет. То же касается и традиционных ворот с шатрами. А.Т. Болотов, рассказывая о приезде в 1762 г. в свое имение Дворяниново, пишет: «В единый миг очутились мы перед старинными и большими воротами моего двора, покрытыми огромною кровлею и снабженными претолстыми и узорчатыми веревями»⁶. Все это наследие XVII в. встречается в описях гораздо чаще, чем объединение нескольких помещений под одной крышей, парапеты на кровле и прочие новации.

Несколько больше оказался затронут новыми веяниями интерьер и отдельные детали: стеклянные окончины встречаются не реже слюдяных, кроме обычных муравленных и изразцовых печей, имеются и «круглые», выложенные белым кафелем голландки. Наряду с лавками и поставцами довольно много новой мебели — кожаных стульев, кресел, кроватей (как с балдахинами, так и простых), в отдельных помещениях некоторых усадеб стены и потолок обиты холстом или оклеены бумагой, попадают ковры, зеркала, а картины соседствуют с образами. Однако все это большей частью встречается в богатых имениях, причем в других поместьях тех же владельцев продолжают стоять самые простые, чуть ли не крестьянского облика «хоромы».

Например, имение князя Г.И. Волконского (сенатора, начальника Тульского оружейного завода) в селе Якишино Московского уезда выглядело так (1715 г.): «Двор вотчинников, подле ево по одну сторону сад, а по другую сажена роша, а в ней дворового и хоромного строения полата кладовая; того двора и сад и роша городьба и ворота решетчатые, выкрашены белами и краснами красками. Во дворе строение: палата кладовая... Горница белая, 3 окошка красных, в них оконницы слюденых, в дву волоковых окошках оконницы слюденые ж, стол сосновой, пол четверта аршина, стул коженой, опушкою, печь кирпичная, белена известью. Перед горницею изба люцкая, в ней окошка красная, оконница стеклянная да стол дубовой... Меж избою и горницею сени, в сенех чулан, погреб с напребницею; на погребе сусек... Другой погреб с напребницею же... Анбар... Другой анбар... Третьей анбар... Сарай... Изба приворотная с сеньми, в ней стол дубовой, 2 оконницы слюденые, ворота заднеи о трех затворах; другая

изба приворотная... Сарай... сарай... Поварня с сеньми; изба люцкая с сенми, в ней стол осиновой, 2 скамьи... горница белая, в ней четыре окошка красных, в них оконницы, да 2 маленькие слюденые, стол круглой, обит кожей, перина с озоловья пуховик с пудушкою, 9 стулов коженных, в сенех стол большой сосновой; чулан. А те все белые горницы, и люцкие избы, и онбары, и погребы, и сораи, и заднеи ворота, и поварня кругом построены под одну кровлю в линию».

Вот еще одно его имение в селе Селезнево Тульского уезда, где в числе строений фигурирует каменный дом (единственный из всех нами учтенных): «полаты каменные, крыты тесом по польски; в них в крестовой полате поставлены для моления святые иконы... в крестовой же поставлены по стенам государева персона в черной раме, картины большие фряжские, описание Амстердама, описание Лондона, глобус, описание ветров, описание остродамское ж, описание аглицких провинций, описание голанских правынций, описание флота морского, 2 персоны женские, итого 9 картин; да средних картин в черных рамах 5 картин, в том числе картина — описание Нарвы, в зеленой раме, другая — Кроншлот; 10 картин малых...». Этот жилой корпус (два этажа, восемь палат) не единственный — в усадьбе также имеются «деревянные хоромы, крыты по польски тесом, тройня, при них 2 комнаты, да меж тех комнат комната ж, в нее хот был ис переходов; в тех хоромых подбито холстом и росписано розными красками...».

И конструкция, и интерьер этих принадлежащих сенатору Волконскому усадебных жилых комплексов свидетельствуют не только о богатстве, но и о европеизированных вкусах своего владельца. Но в то же время имение князя в селе Долгие Лески Ефремовского уезда выглядит так: «2 горницы, промеж ими сени дубовые, 1 белая сосновая, в ней печь муравленая, и другая дубовая, а в той белой горнице 2 иконы.., стол липовый складной, росписан красками да постав липовой крашеной».

Еще один небедный человек — князь М.П. Гагарин (сибирский губернатор). Его имение в селе Сенницы Зарайского уезда (1721 г.): «на том дворе хоромное строение 6 светлиц, промеж ими двои сени». Здесь в крестовой палате, кроме образов, имеется «шаф липовой столярной вычернен, кресла, обиты кожей залоченою; во оной светлицы убиты стены листовыми кожами, залочеными листами, потолок подклеен бумагою и расписан краскою». «Да на тех же харомах кругом нижней кровли балясы, да над выходом из сеней чердачек... перед теми харомами лесница, по старанам балясы точеные... да перед теми харомами сажены березовые деревья». А вот его имение в селе Песочня Рязанского уезда: «тройня, 2 крыты тесом, 3-я саломою».

Наконец, имения, которыми в 1723 г. поплатились П.П. Шафиров и Г.Г. Скорняков-Писарев. Имение Шафирова в селе Петровское Московского уезда — это «6 светлиц с красными окошки, а в тех окошках по щету 48 акончин стекляных больших, в тех светлицах 3 постава крашенных сталярных, в том числе 1 большой, 2 кровати липовых столярных, 2 стола здвижных, в том числе 1 дубовой, 2 стала круглых, 7 стульев кожных, 2 стула триповых, в тех же светлицах 3 печи, в том числе 1 ценинная. Да при тех же хоромах к реке поставлено особая светлица да баня с сеньми, а в ней в красных окошках 2 окончины стекляных, над теми светлицами чердак, те хоромы крыты

гонтами». Его же имение в селе Везищи Каширского уезда: «3 горницы, при них комната, чулан, между ими сени, баня с прибанником, ледник, чердак с чуланом, в горнице 3 постова кругляя, постав простой». Имение Скорнякова-Писарева в сельце Мишнево Московского уезда: «4 светлицы поземные да двой сени, а на том строении чердаки, крыты тесом; в тех светлицах 8 образов., 6 столов, в том числе 1 росписан красками, 2 печи кирпичные, 3-я израсчатая, 3 поставца елевых; ...53 картины в рамах и без рам, в том числе на бумаге 8; да в тех же светлицах 22 окончины стекляных; позади тех светлиц приделана изба люцкая с сеньми да баня с предбанником и с сеньми». И его же имение в деревне Казановка Епифанского уезда: «горница пластинная липовая 3-х саж., против ея черная горница 3-х саж., меж ими сени, крыты соломою»⁷.

Разница очевидна: те имения, в которых владельцы, по всей видимости, успевали появляться или имели возможность жить в них более или менее долго, приобретают новый вид: решетчатая ограда вместо прежнего тына, расписанные под кирпич ворота, парк, большой однокорпусный дом, парадная лестница с точеными балясинами, стеклянные окна, обитые холстом, кожей, бумагой, расписанные или даже позолоченные стены и потолки, обитые сукном лавки, кожаные и триповые стулья, крашенные под черное и красное дерево шкафы, поставцы с хрусталем, кровати, ковры, обилие картин на стенах, вплоть до портрета государя, видов европейских столиц и даже «описания ветров». В имениях же, отдаленных от места службы, все куда проще — какая-нибудь тройня или вовсе связь типа «изба — сени — клеть», без всяких обоев, кожаных стульев и фряжских картин. Приказчики в главных имениях — и те жили в более благоустроенных домах; видимо, в свои отдаленные вотчины столь состоятельные помещики либо вовсе не показывались, либо могли заезжать проездом, либо могли очутиться там помимо своей воли — в ссылке. Конечно, трудно предположить, что владельцы роскошных каменных домов в столицах, такие как Гагарин, Шафиров, Кикин, или прекрасных имений, как тот же Волконский, не испытывали известного дискомфорта, если им приходилось удовлетворяться какой-нибудь горницей с простой печью и под соломенной крышей; однако все эти люди петровского времени получали свои первые жизненные впечатления не в барочных дворцах, а в традиционных деревянных хоромах (а некоторые — и в обычных избах), поэтому могли достаточно легко адаптироваться (вспомним Меншикова в Березове). Новая усадебная культура, идущая от загородных домов и императорских резиденций Петербурга, в эти десятилетия только начинала формироваться, и ее приверженцы были еще очень немногочисленны в отличие от носителей старой поместной культуры — средне- и особенно мелкопоместных дворян, чьи усадьбы мало чем отличались от домов посадских и даже крестьян. Вот несколько примеров подобного рода:

И.М. Квашнин-Самарин, сельцо Муратово, Калужский уезд, 1706 г.: «2 горницы поземные, против их сени, да посередь двора повалыша»;

Д.П. Обольянинов, село Бельмово, Белевский уезд, 1707 г.: «изба белая, другая черная, промеж ими сени»;

С.Е. Гринев, деревня Юдино, Мценский уезд, 1707 г.: «светлица белая да изба черная, между ими сени, посторонь их повалыша»;

М.А. Кологривов, село Павловское, Одоевский уезд, 1707 г.: «изба черная, что живет помещик, посторонь ее повалыша, да изба другая черная ж, а в ней живет деловой человек»;

Г.В. Бегичев, сельцо Смирново, Соловской уезд, 1707 г.: «горницы с комнотою, сени, по другую сторону повалыша»;

Т.А. Зеленый, сельцо Матенец, Торопецкий уезд, 1719 г.: «2 горницы, меж их сени; ...печь кирпичная, поставец, подголовок порозжей, 3 стола, 3 скамьи»;

Ф.С. Хрушев, двор в Дедиловском уезде, 1723 г.: «изба полутретья сажени дубовая, перед нею клеть 2-х саж., меж ими сени, забраны досками дубовыми... другая изба 3-х саж., перед нею сени плетеные, по сторон тех хором клеть 2-х саж.»;

Е.Е. Радиллов, починок Фомин, Костромской уезд, 1723 г.: «2 горницы на подклетах, одна с комнатой, меж ими сени, повалуша»;

Я.Н. Астафьев, село Васильевское, Курмышский уезд, 1723 г.: «3 горницы, в передней горнице образ спасителей, 2 стола дубовых; в одной горнице печь муравленая, в передней и задней печей нет; между ими двои сени, повалуша, чердак; под оными горницами омшеник, 2 подклета, огорожен двор заметом»;

Ф.В. Безобразов, сельцо Лихвинки, Владимирский уезд, 1724 г.: «светлица на глухом подклете, против ее горница на жилом подклете, промеж ими сени, на сенях чердак»;

Т.Д. Телегнин, сельцо Шолохово, Луховский уезд, 1724 г.: «горница с комнатой, другая одинокая, меж ими сени, в сенях 2 чюлана; в передней горнице божия милосердия 9 образов на красках; платья... перина да 2 зголовья пуховые, одеяло овчинное»;

И.А. Астафьев, село Крыжино, Брянский уезд, 1725 г.: «изба черная поземная с сеньми, против избы клеть»;

Ф.М. Безобразов, сельцо Щипони, Брянский уезд, 1725 г.: «2 светлицы с комнотою..., печь цынинная, стол дубовой, на оном столе ковер; во оной связе горница черная»;

В.И. Дуров, деревня Суботова, Брянский уезд, 1725 г.: «светлица белая с комнатою... против оной светлицы изба черная, сени... в вышепоказанной светлице печь кафленая обрасцовая, стол дубовой, на оном столе килим, постав липовой»;

П.М. Кузнев, деревня Каплина, Брянский уезд, 1725 г.: «светлица белая... у оной светлицы печь кафленая зеленая; против оной светлицы изба черная, сени, возле сеней позади светлицы повалуша»;

Е.Л. Мясоедов, сельцо Родное, Брянский уезд, 1725 г.: «свясь, светлица белая двойная... во оных светлицах печи кафленья зеленые, стол дубовой; против оных светлиц изба черная; во оной же связи сени»⁸.

Подобная ситуация была характерна, видимо, и для последующих десятилетий; к сожалению, для второй четверти века мы не имеем похожего свода описей дворянских имений, поэтому в подтверждение этого предположения можно привести немного. Так, известным деятелем петровской эпохи, графом, генерал-фельдмаршалом, президентом Мануфактур-коллегии Я.В. Брюсом после его выхода в 1726 г. в отставку был построен каменный дом в с. Глинки — двухэтажный особняк в итальянском стиле, размещенный в глубине геометрически правильно разбитого двора. Это здание дворцового типа с боковыми ризалитами и двухэтажной лоджией в центре; рустованные

столбы с арками, парные колонны лоджий, пилястры, профилированный карниз, оконные проемы, украшенные на первом этаже рустом и маскаронами, и фигурными наличниками — на втором, белый цвет деталей и голубой цвет стен, вестибюль с парадным залом над ним — все это резко отличало усадьбу Брюса от обычных поместий с их деревянными «хоромными строениями». О том, как мог выглядеть интерьер не столь богатой усадьбы этого периода, говорит одна опись 1737 г., относящаяся к имению Д.М. Голицына (раньше принадлежало кн. Я.Н. Одоевскому): в столовой «дверь обита по полсти красным сукном, сукно ветхо; петли железные черные, скобы и крюк закладной с пробоем луженые. В той светлице два образа... Стол круглый, крашеной ореховою краскою; печь обращатая, трубы нет; в той светлице 6 окончин стекляных в свинце; с полуокончины затворки створчатые, затворы деревянные на петлях железных черных. В той же светлице 7 картин бумажных в рамах черных, в том числе одна картина Полтавской баталии, а на протчих литеры латынские. Подволока подбита тесом. В той же светлице 9 стулов коженных ветхи, пол досчатой».

К середине века подмосковные имения крупных вельмож елизаветинского царствования превращаются в настоящие барочные дворцы с регулярными садами и парками: можно привести в пример Кусково, принадлежавшее сыну петровского фельдмаршала графу П.Б. Шереметеву, Останкино князя А.М. Черкасского, Нескучное князя Н.Ю. Трубецкого. Однако это загородные резиденции богатейших вельмож, настоящие дворцово-парковые комплексы, которые ничего не говорят нам о том, в каких усадьбах жили средние и мелкопоместные помещики дальних уездов времен правления Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны.

По всей видимости, старые хоромы постройки последней четверти XVII — первой четверти XVIII в. из соединенных сенями срубов с подклетами и чердаками к этому времени начинают приходить в негодность, новые же строятся до некоторой степени по-новому. Примером этого является относящийся к 1764 г. проектный рисунок А.Т. Болотова, изобразившего усадебный дом, который он собирался построить в своем имении Дворяниново в виде большого поземного деревянного срубного корпуса без признаков штукатурки, с 7-ю большими окнами по фасаду, под высокой крышей, по форме напоминающей некоторые столичные дома петровской эпохи. В плане центр дома занимали сени с нужником и парадный зал, по одну сторону были столовая, спальня, детская и еще одна комната, по другую — две больших комнаты (по одному варианту — и задние сени), всего 8 помещений, из них 6 жилых. Единый корпус здания и форма кровли здесь от новой эпохи, а бревенчатые стены и отсутствие всякого намека на ордер — от старой; вероятно, что и в интерьере можно было усмотреть что-то похожее.

У Болотова есть описание и старого господского дома, соответствующее началу 60-х гг. XVIII в.: «Хоромы наши были маленькие; они были превеликие, но обыкновение тогдашних времен приносило то с собою, что состояли они по большей части в пустых и нежилых покоях. Например, было в них двое превеликих сеней, из которых передние были так велики, что я через несколько лет после того сделал из них две прекрасных комнаты; а задние сени уместили б в себе

также покойца два; а вместо того, были передние совсем пусты, а в задних был только один ход наверх, занимающий место целой комнаты. Из сеней сих был ход в переднюю, или, по-нынешнему, залу. Пространная комната сия была от начала построения хором холодная, и все украшение ее состояло в образах простых и в кивотах, коими весь передний угол и целая стена была наполнена, ибо обыкновения, чтобы комнаты подштукатуривать и обоими обивать, не было тогда и в завете... Что принадлежит до мебели, то нынешних соф, канапе, кресел, комодов, ломберных и других разноманерных столиков и прочего тому подобного не было тогда еще в обыкновении: гладенькие и чистенькие лавочки вокруг стен и много-много полдюжинки старинных стульцев должны были отвечать, вместо всех кресел и канапе, а длинный дубовый стол и какой-нибудь маленький складной вместо всех столиков»⁹.

Все это произвело гнетущее впечатление на приехавшего в 1762 г. в родительский дом хозяина, и он приступил к своего рода «евроремонту». В своих записках мемуарист рассказывает: в 1763 г. «мне как-то удалось очень скоро всю сию работу кончить и нажить себе три, хотя небольшие, но прекрасные и веселые комнатки, с большими окнами, — и не только с подбитыми холстиною и выбеленными потолками, но и обитые самим мною по холстине и довольно хорошо разрисованными обоями», на следующий год он «во всех [комнатах] потолки подбелил, а стены обил бумажными обоями»¹⁰ и т.д. Таким образом, получалось жилище некоего смешанного стиля: если дом и не строился заново, то путем непрерывных перестроек и переделок старинные хоромы постепенно все более европеизировались.

Подобно неспешной эволюции жилища менялся и костюм дворянина-помещика. Петр I действовал в духе культурной революции — достаточно вспомнить обрезание боярских бород и пол длинной верхней одежды в Преображенском в августе 1698 г., указы 1700 и 1701 гг., согласно которым все подданные царя-реформатора, кроме духовенства и пахотных крестьян, должны были переодеться в венгерское, польское и немецкое платье, указ 1705 г. «О бритии бород и усов всякого чина людям», в соответствии с которым лица разных сословий и состояний, не желавшие лишиться бороды, должны были платить фантастическую пошлину в 30, 60 или 100 руб., постоянное использование старой русской одежды в качестве маскарадной, указ 1722 г., предписывавший носить старинный костюм раскольникам, и т.д. и т.п. Однако дело шло вовсе не так быстро, как это хотелось бы Петру. Во второй четверти XVIII в. правительству приходилось неоднократно издавать распоряжения, дублировавшие его указы. На следующий же год после смерти реформатора таких указов было издано два: в акте от 5 июля 1726 г. речь о шла том, что «штаб, обер и унтер офицеры и рядовые, которые от службы вовсе и на время отпущены и к делам определены, ходят с бородами и в старинном русском платье», посему всем военным, включая отставников, предписывалось брить или хотя бы стричь бороду и ходить в немецком платье и при шпаге. Увольняясь в отпуск или выходя в отставку, рядовой или офицер должен был дать расписку Военной коллегии о выполнении данного указа, в противном случае рядовых и урядников наказывали батогами, а офицеров — штрафом (на первый раз — в размере месяч-

ного жалования, во второй — вдвое, в третий — втрое больше, а если виновный оказывался уличенным в четвертый раз, его следовало лишить офицерского патента и наказать как раскольника). В свою очередь, в указе от 4 августа 1726 г. повторялось требование обязательного ношения немецкого платья всеми столичными жителями, кроме крестьян, находящихся в городе временно. И даже Елизавета Петровна вынуждена была прибегать почти к тем же самым мерам, что и ее отец: в 1743 г. был издан указ, предписывавший «всякого звания российского народа людям, кроме духовных чинов и пашенных крестьян, носить платье против чужестранных, немецкое, бороду и усы брить.., а русского платья и черкесских кафтанов и прочих неуказных уборов отнюдь никому не носить и в рядах не торговать под жестоким наказаньем».

Таким образом, даже среди служилого шляхетства новый костюм приживался с трудом: до тех пор, пока старое поколение дворян, социализировавшееся и инкультурировавшееся до начала петровских реформ, оставалось достаточно многочисленным и влиятельным, ношение европейской одежды рассматривалось ими как составная часть единой служебной повинности, от которой стремились любым способом уклониться. И.И. Неплюев, вернувшийся в 1720 г. вместе с другими отправленными на обучение в Европу молодыми дворянами, рассказывает, какое неприятие встречал их европеизированный внешний вид и манеры в их же собственных фамилиях: «по нашему отлучению от отечества не токмо от равных нам возненавидены, но и от свойственников наших при первом случае насмешкою и ругательством по европейскому обычаю, в нас примеченному, осмеяны»¹¹.

Об этом же говорят и данные описей дворянских имений первой четверти века:

Ф.В. Кабанов, село Стогинское, Ростовский уезд, 1707 г.: «да у него ж пожитков: ...шуба баранья, покрыта крашениною..., 2 епанчи овечьих»;

Г.И. Волконский, сельцо Никольское, Данковский уезд, 1715 г.: на чердаке «3 епончи»;

Я.И. Лопухин, сельцо Высокое, Луцкий уезд, 1719 г.: «возле той светелки анбар, в нем 2 шляпы пуховые»;

Т.Д. Телегнин, сельцо Шолохово, Луховский уезд, 1724 г.: «платья: камзол крашенинной поношенной, штаны зеленого сукна поношенные ж, епанечка китайчатая теплая»;

Ф.М. Безобразов, двор в сельце Щипони, Брянский уезд, 1725 г.: «платья: кофтан васильковой, полукафтанье камчатая красная, камзол суконной кармазинной красной, 3 юпки — одна цвету кирпичного луданная, другая красная луданная ж, 3-я штофовая, кунтош луданной вишневой под лисы; кофтан луданной стегоной, женский полушляфрок обдеренной, облажен горностаи, холодной, шапка соболья женская»;

В.И. Дуров, двор в деревне Суботовой, Брянский уезд, 1725 г.: «пожитков: шляфор комчатой гвоздичной, изподница суконная васильковая, подтелогрейка боборекавая крапивная»¹².

Конечно, этих данных слишком мало, чтобы на их основе делать какие то обобщения, но, тем не менее, нельзя не заметить, что камзолы, шляфроки и юбки в помещичьем гардеробе соседствуют с

телогрейками, епанчами и бараньими шубами, а относительно «кофтанов» трудно сказать, новый или старый покрой имеется в виду. Интересно, что даже несколько десятилетий спустя небогатые дворяне вполне отчетливо представляли себе, как выглядел допетровский дворянский костюм, что говорит о том, что в детстве они могли видеть его в употреблении. Так, уже упоминавшийся артиллерийский майор М.В. Данилов (родился в 1722 г.), в своих записках, сделанных в 1771 г., рассказывает: «дед мой Гурий Осипович женат был на бабке нашей, Селивановой, с посредственным приданным, потому что не было за нею недвижимого имения в приданстве деревень; а было движимое, то есть белье и платье, кунтуши и подкапки бобром опущенные: по тогдашнему обыкновению лучший наряд был, соблюдается оный и дондесь, носят еще по городам попадьи и купецкие жены. Из белья было приданого, между прочим, золотом вышиты по полотну сплошь круги в такую меру, как велики у человека колени или чашки у ног: оное платье носили мужчины вместо штанов, и называлось порты»¹³.

Заемствования и инновации не обошли стороной и культуру питания дворянства, однако и здесь процесс подвигался не быстро, подтверждением чему служат свидетельства иностранцев. Так, Юст Юль в 1709 г. побывал на обеде у нарвского обер-коменданта К.Н. Зотова. «Обед проходил по русскому обычаю следующим образом, — пишет датский посланник. — Прежде чем мы сели за стол русские много раз перекрестились и поклонились на образа, висевшие на стене. Стол, накрытый человек на 12, был уставлен кругом блюдами: но блюда стояли возле самых тарелок, так что середина стола оставалась свободною: на этом свободном месте находились уксус, соль, перец и большой стакан с крепким пивом. На блюдах находились лишь холодные соленые яства: ветчина, копченые языки, солонина, колбаса, селедка, соленья; все это было очень солоно и сильно приправлено перцем и чесноком. За сею первою переменою последовала другая — из различных жарких. Третья перемена состояла исключительно из супов». По словам Юля, «все яства были присыпаны перцем и крошеным луком»; на десерт подали соленые огурцы, сырую морковь и горох в стручках, а из сладостей имелись имбирное варенье и финики. Фридрих-Христиан Вебер — брауншвейг-люнебургский посланник, живший в Санкт-Петербурге в 1714—1719 гг., описывал порядок дворянского обеда так: «Русские прежде всего подают холодные кушанья: ветчину, колбасы, студень и всякого рода мяса, изготовленные с деревянным маслом, луком и чесноком; все эти кушанья остаются на столе с час времени и долее, затем идут супы, жаркое и другия горячия блюда, а уже в третьих подают конфекты». Камер-юнкер Берхгольц (автор дневника о пребывании в России в 1721—1725 гг.), будучи приглашен на ассамблею у президента Адмиралтейств-коллегии Ф.М. Апраксина, отметил, что стол «по здешнему обычаю чересчур заставлен кушаньями, в особенности разного рода жареным», а на приемном обеде в Сенате он обратил внимание на то, что «холодные кушанья и жаркия по старому русскому обычаю подавались на стол прежде супов»¹⁴.

Таким образом, в первой четверти XVIII в. даже в Санкт-Петербурге, не говоря уже о провинции, в дворянских домах преобладали

старые традиции: это касается и ассортимента блюд, и порядка подачи, и гастрономической специфики. Холодные закуски, как и в предшествующем столетии, подаются перед жарким, жаркое — перед супом, все, что только можно, приготовлено с луком, чесноком и перцем, сладкие «заедки» (десерт) включают в себя огурцы, горох и т.п., из нового — только конфеты.

Преобладание традиции над новацией еще больше характеризует помещичий стол, отдельные сведения о котором мы можем получить из описей конфискованных имений, куда частично попадали и данные о содержимом усадебных кладовых и погребов:

А.И. Викторов, село Лески, Карачевский уезд, 1707 г.: «под хоромами амшеник, а в том амшенике ...бочка вишен налита вином»;

Ф.П. Цыганов, село Подолец, Суздальский уезд, 1715 г.: «погреб с выходом деревянным, в нем 3 чана капусты, 2 с огурцами, боченок с брусницею»;

Г.И. Волконский, село Якшино, Московский уезд, 1715 г.: «палата кладовая..., а в полате положено: жестянка ш чаям,... бочка ведер в 7, другая в полтора ведра, запечатаны, по скаске старосты в обеих вина неполне; кадка меда мерою вышина в оршин, в ширину сверху в ней три чети, другая с медом в вышину 3 чети, в ширину в ней 3 чети без вершка; кадка масла коровья в вышину 3 чети, в ширину в ней пол аршина, половина кринки масла коровья ж, 2 головы сахара... в погребе 3 бочки с пивом, не вполне большия, да 2 маленькие с медом, 2 бочки медовыя порожня, 2 бочки квасные, 2 катки с копустою, 3 кадки с огурцами, четвертная скляница с уксусам... другой погреб с напогребницею ж, а на погребе в сусеке:... 12 полот ветчины, 10 гусей соленых»;

Г.И. Волконский, село Селезнево, Тульский уезд, 1715 г.: «3 бутлы больших, 1 с воткой красною, 4 четвертных с воткою ж, ...нижняя полата..., в ней 10 бочек вина, а в тех бочках... 304 ведра... при той же в нижней полате, в другой, ис которой выходят во двор, в ней 9 бочек вина, а в тех бочках... 257 с полу... под палатами погреб..., в том погребу... меду 3 бутлы, поставлены в земле, а по скаске прикащика, те бутлы с красным питьем»;

Б.А. Чаплыгин, село Алеканово, Рязанский уезд, 1716 г.: «амбар сосновой крыт дранью, а в том анбаре ...ветчины 7 полот, 2 коравая сала, а в них весом в одном 10 ф., в другом 16 ф.»;

А.В. Кикин, Коростынский погост, Новгородский уезд, 1718 г.: «в погребу... кадочка с творогом ведра в 4»;

И.В. Отяев, село Давыдовское, Юрьево-Польский уезд, 1723 г.: в житнице «пол осьмины орехов, 90 полтей ветчинных, 21 гусь соленой вяленой, 27 уток, 7 короваев сала»¹⁵.

Солонина, ветчина, утиные и гусиные полотки, коровье масло, творог, соленая капуста, огурцы, хлебное вино, водки, наливки, меды, пиво, квас, брусничная вода, чай, сахар, орехи — вот что хранилось в амбарах и сусеках помещиков самого разного чина и состояния. Все продукты и напитки вполне традиционны (исключением смотрятся лишь чай и сахар у Волконского); жили тут помещики и члены их семей постоянно или лишь заезжали время от времени, питались они так же, как их отцы и деды. При этом данное положение, насколько можно судить по мемуаристике, характеризовало не только первую,

но и вторую четверть века. У М.В. Данилова в воспоминаниях о местном быте 30-х гг. XVIII в. фигурируют щи с бараниной и хлебное вино. Несколько более поздний период описывает А.Т. Болотов, вспоминая, как в юности он навещал своего дядю в соседнем имении: «Полудничанья сии... состояли обыкновенно, из трех или четырех блюд. Первое из оных было с куском ржавой ветчины, или с окрошкою; второе с наипростейшими и, что всего страннее, без соли вареными, зелеными или капустными щами. Бережливость дяди простиралась даже до того, что он не вверял соли стряпавшим, но саливал щи сам на столе и, третье, составлял горшок либо с гречневой, либо со пшенной густою кашею, приправляемую на столе коровьим топленным маслом, ибо сливочного и соленого и в завете нигде не важивалось»¹⁶. Ветчина, окрошка, щи, каша, топленое масло — все это ничуть не изменилось с домостроевских времен и в царствование Елизаветы Петровны.

Ассортименту блюд соответствовал набор столовой посуды, известной по материалам описей. Мы имеем данные по 28 имениям, находившимся в 20-ти уездах, принадлежавших 20-ти владельцам разного статуса и положения, относящиеся к периоду 1705—1725 годов¹⁷. Серебряной и фарфоровой посуды не оказалось ни в одном имении, оловянная посуда имелась в 15-ти хозяйствах, стеклянная — в 14-ти, деревянная — в 13-ти, медная — в 10-ти, хрустальная — в 10-ти, майоликовая — в 7-ми. Исходя из этого, можно сделать вывод, что самыми распространенными видами столовой посуды были оловянная, стеклянная и деревянная. Посуда эта разных типов, включая и отсутствовавшие раньше, и исчезнувшие позже, причем посуды последнего рода явно больше, чем первого: если противень оказался в наличии в 3-х имениях (самая ранняя дата — 1715 г.), чайные чашки (так же, как и чайники) — тоже в 3-х имениях (первый раз в 1715 г.), то ендова — в 6-ти (самая поздняя дата — 1725 г.), кумган — в 4-х (последний раз в 1721 г.), братина — в 2-х (последний раз в 1719 г.), рассольник — в 1-м (1715 г.). Даже из этого перечисления очевидно, что вплоть до конца петровского правления столовая посуда старых типов преобладала. Столовое серебро полностью отсутствовало даже в подмосковных усадьбах таких состоятельных людей, как князь Волконский, у которого приказчик мог владеть хрустальной посудой (в с. Никольское). Зато присутствовала деревянная посуда, причем не только в имениях мелкопоместных дворян, но и у того же Волконского (в его каменных палатах в Селезнево).

У нас, к сожалению, нет столь же информативных источников, чтобы выяснить, насколько изменилась ситуация в последующие десятилетия, но определенные предположения сделать все же можно: видимо, отдельные предметы столового серебра в помещичьих имениях стали появляться, но большая часть посуды по-прежнему оставалась оловянной, а то и деревянной. В подтверждение этого можно привести выдержку из записок Ф.Ф. Вигеля, где речь идет о середине 50-х гг. XVIII в.: «Чтобы судить о неприхотливости тогдашнего образа жизни Пензенских дворян, надобно знать, что ни у одного из них не было фаянсовой посуды, у всех подавали глиняную, муравленую (зато человек хотя несколько достаточный не садился за стол без двадцати четырех блюд, похлебок, студеней, взваров, пирожных). У одно-

го только Михаила Ильича Мартынова, владельца тысячи душ, более других гостеприимного и роскошного, было с полдюжины серебряных ложек, их клали пред почетными гостями, а другие должны были довольствоваться оловянными»¹⁸.

Подводя итог, следует сказать, что изменения в повседневном быту помещетного дворянства в период первой половины XVIII в. накапливались постепенно; пища, одежда, жилище — все это поступательно менялось под воздействием европеизаторских инициатив Петра Великого и его преемников, но независимо от желаний и распоряжений последних, это была не культурная революция, а культурная эволюция.

Примечания

Статья подготовлена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности в рамках базовой части государственного задания № 2014/310 (код проекта 856).

1. ПОСОШКОВ И.Т. Книга о скудости и богатстве. М. 1937, с. 254.
2. КОРФ С.А. Дворянство и его сословное управление за столетие 1762—1855 годов. СПб. 1906, с. 1.
3. ЯБЛОЧКОВ М. История дворянского сословия в России. СПб. 1876, с. 438.
4. Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII в. М. 1951, с. 20—365.
5. Безвременье и временщики: Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720-е — 1760-е годы). Л. 1991, с. 286—288.
6. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков. Т. II. 1760—1771. М.-Л. 1931, с. 196.
7. Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства..., с. 86—331.
8. Там же, с. 22—325.
9. РЯБЦЕВ Ю.С. Хрестоматия по истории русской культуры: Художественная жизнь и быт XVIII—XIX вв. М. 1998, с. 223—225.
10. Жизнь и приключения Андрея Болотова..., т. II, с. 243, 283.
11. СЕМЁНОВА Л.Н. Очерки истории быта и культурной жизни России. Первая половина XVIII века. Л. 1982, с. 129.
12. Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства..., с. 41—277.
13. Безвременье и временщики..., с. 288.
14. СЕМЁНОВА Л.Н. Ук. соч., с. 256, 258.
15. Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства..., с. 103—357.
16. СЕМЁНОВА Л.Н. Ук. соч., с. 257.
17. Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства..., с. 29—355.
18. Русский быт по воспоминаниям современников. XVIII век. Время Екатерины II. М. 1922, с. 51.

Туркменские войны на фронтах первой мировой войны

Д.С. Аннаоразов

В XX в. туркменский народ был вовлечен в две мировые войны. Обладавшие великолепной традицией военного искусства, туркмены в течение многих веков состояли на военной службе в войсках соседних государств — Хивы, Бухары и Ирана. В силу этого, после завоевания туркменских земель царской Россией, представители коренного народа стали привлекаться на военную службу в иррегулярные воинские части. Туркмены были одним из тех народов России, кому «Ак Падишах» (Белый Царь) доверял оружие. Когда началась первая мировая война, на базе действовавшего Туркменского конного дивизиона был сформирован добровольческий конный полк. Туркменские конники бок о бок с русскими воинами, а также воинами других народов царской России героически сражались против германских и австро-венгерских войск.

В советское время вопрос об участии туркмен в первой мировой войне вообще не рассматривался в туркменской исторической науке, так как, с одной стороны, первая мировая война считалась империалистической, а с другой, — летом 1917 г., будучи личной охраной Верховного главнокомандующего русских войск генерала Л.Г. Корнилова, Текинский конный полк поддержал «мятеж» своего «Великого Баяра» (Улы Баяр), как почтительно именовали его джигиты полка, против Временного правительства, а потом и власти большевиков.

В «Истории Туркменской ССР», опубликованной в 1957 г., имеется лишь упоминание о том, что «... с этой целью был сформирован текинский дивизион, который впоследствии в период первой империалистической войны совместно с русскими войсками участвовал в боях»¹, «... За счет средств населения уже в первый год войны был сформирован туркменский (“текинский”) полк»².

В середине 70-х гг. прошлого века в Туркменистане была предпринята попытка осветить некоторые вопросы, связанные с участием туркмен в первой мировой войне. Однако, к сожалению, эти попыт-

Аннаоразов Джумадуры Сейтекович — кандидат исторических наук, старший преподаватель Туркменского государственного университета им. Махтумкули. Ашхабад.

ки не увенчались успехом. И только в начале 1992 г. на основе доступных материалов в соавторстве с известным туркменским историком О. Гундогдыевым (1966—2013) нами были опубликованы две небольшие научно-популярные брошюры на русском и туркменском языках³ (туркменский вариант с некоторыми изменениями и дополнениями) и несколько газетных статей⁴. Несмотря на то, что публикации грешили многими неточностями и ошибками, тем не менее, они имели большой успех. В ходе работы по сбору материалов, мы встречались с родными и близкими бывших джигитов — участников первой мировой войны Ш. Хакбердыева, М. Халмурадова, А. Атамедова, К. Непесова и др.

В конце 1992 и в 1999 г. во время работы в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) нами были обнаружены ценные архивные документы, отражающие участие туркмен в первой мировой войне. Это дало возможность выявить ранее неизвестные сведения по данному вопросу.

По свидетельству архивных материалов, перед началом первой мировой войны в селе Кеши, что под Ашхабадом, дислоцировался Туркменский конный дивизион, история которого началась еще со времени завоевания Ахалтекинского оазиса Россией.

Во время военных походов русские войска столкнулись с упорным сопротивлением местного населения. Так, в ходе боев с туркменами в 1873 г. в Хивинском ханстве и, особенно, во времена первой и второй Ахалтекинских экспедиций (1879—1881) русским войскам было оказано решительное сопротивление, а первая Ахалтекинская экспедиция вообще завершилась полной неудачей для русской армии. Поэтому сразу же после окончания военных действий и начала мирного обустройства края перед царским правительством встал вопрос о привлечении туркмен к военной службе.

В феврале 1881 г., то есть через месяц после окончания Геоктепинской битвы (декабрь 1880 г. — январь 1881 г.) начальник штаба войск Закаспия генерал Н.И. Гродеков написал о необходимости найма джигитов из числа местного населения для устройства почтового сообщения между Геоктепе и Ашхабадом. 26 апреля того же года начальник Закаспийского военного отдела генерал Рерберг ходатайствовал перед командующим Ахалтекинской экспедиции об организации из туркмен стражи для охраны порядка. Видимо, просьба начальника Закаспийского отдела была удовлетворена, так как 5 мая 1881 г. была сформирована временная ахалтекинская милиция из туркмен. Командиром был назначен абхазский князь урядник М. Маргания.

После присоединения в 1884 г. Мервского оазиса к России командующий войсками Кавказского военного округа генерал-адъютант князь Дондуков-Корсаков издал приказ о наборе двух эскадронов из мервских текинцев, которых вооружили ружьями системы Берданка. Всадники этих эскадронов, как и джигиты Ахалской милиции, носили белые бараньи шапки и белые погоны поверх своего национального малинового халата.

В марте 1885 г. мервские эскадроны участвовали в знаменитой Ташкепринской битве, которая произошла между русскими и афганскими войсками в районе Кушки (совр. г. Серхетабад). В этом бою один из эскадронов Мервской милиции, возглавляемый Баба ханом, сыном Коушут хана Мервского, захватил четыре орудия, а всадник Аман-Клыч — знамя афганского полка. В своем рапорте командую-

шему войсками Кавказского военного округа от 30 марта 1885 г. генерал А.В. Комаров особо отметил героизм туркмен: «Джигиты употребляли все усилия стать достойными государевыми слугами и своей кровью заслужили право на братское товарищество с регулярными войсками»⁵.

24 февраля 1885 г. — дата официального рождения нового воинского подразделения — Туркменской конной милиции⁶ (в составе трехсот всадников), куда вошли лучшие джигиты из милиционеров ахалцев и мервцев. Был назначен и ее начальник — капитан П.П. Калитин. 19 декабря того же года подразделению был вручен штандарт: на желтом полотнище перекрещиваются две красные полосы и в середине надпись черными буквами «ТРК».

В конце XIX — начале XX в. дивизион выполнял охранные и разведывательные функции на границе с Ираном и Афганистаном. В частности, известны секретные данные, в которых указывается на привлечение джигитов в 1890 г. в рейдах к афганской границе под руководством штабс-капитана милиции М. Маргания. В 1901—1904 гг. Туркменский конный дивизион находился в Кумбет-Кабусе (Иран). 7 ноября 1892 г. данное подразделение было преобразовано в Туркменский конно-иррегулярный дивизион⁷, которым продолжал командовать уже подполковник Калитин. 10 июня 1899 г. он покинул дивизион, а вместо него снова был назначен Маргания.

Местом дислокации дивизиона являлось селение Кеши на западе Ашхабада. В 1899 г. в местечке Акдепе, что недалеко от Ашхабада, подразделению было вручено знамя⁸ образца 1883 г, с желтой каймой, серебряным шитьем и государственным гербом вместо образа. После гражданской войны знамя было вывезено за рубеж офицерами полка и хранилось в Белградском храме Сербии, а в 1945 г. его отправили в Москву и передали в Центральный музей Вооруженных Сил.

Создавая туркменские воинские формирования, царская администрация испытывала острый дефицит в офицерских кадрах из числа самих туркмен. Поэтому в разные годы в российских военных учебных заведениях учились дети известных туркменских старшин. В Пажеском корпусе Петербурга получал образование сын руководителя Геокдепинской обороны Дыкма Сердара — Ораз Берды (командовал эскадрой Текинского конного полка), в Елизаветградском военной училище — Сеитмурад Овезбаев (офицер Текинского полка), в Московском пехотном войсковом училище — Х. Ходжамурадов (в годы первой мировой войны воевал на Кавказском фронте), в Оренбургском кадетском корпусе были представители Мервского уезда Аннамурад Курбанов, Бапбы и Какаджан Бердыевы, Силап Сердаров (офицер Текинского полка, внук знаменитого Тач Геок Сердара, героя Мервской битвы 1861 г. с каджарами и племянник первого Председателя СНК ТССР К.С. Атабаева) и другие. В дивизионе служили сыновья известных ахалских ханов: Кул Батыр, Овезкули Сердар, Машрык Ходжа, Аннаберды Мурад Шихов, Тач Мамед хан, Карры хан, Мурадали хан Адыханов, Курбанкули хан Кулниязов, Кищик хан Казиев, Аллаберды хан Мурадов, Ниязмурад хан Овезбаев (старший брат Сейитмурад Овезбаева), а также Баба хан Менглиханов — сын вождя салырского племени Менгли хана⁹.

В обширном труде «Закаспийская область», опубликованном в 1901 г., говорится, что население области освобождалось от всеобщей воинской повинности, тем не менее, туркмены состояли на службе в

Туркменском конно-иррегулярном дивизионе: «Условия комплектования в общем таковы же, как и других милиционных частей, существующих на Кавказе, то есть в него поступают туземцы по добровольному желанию... И надо отдать полную справедливость джигитам Туркменского конно-иррегулярного дивизиона, что все они в своих национальных барашковых шапках, в халатах с погонями с изображением на них букв “Т”, опоясанные ремнями с блестками, к которым прицеплены кривые туркменские шашки, и с винтовками-берданками за плечами представляют из себя типы отчаянных, лихих наездников и рубак»¹⁰.

30 января 1911 г. Туркменский конно-иррегулярный дивизион был переименован в Туркменский конный дивизион (приказом по военному ведомости № 92 за 1911 г)¹¹. Эта была великолепная воинская часть, где джигиты сидели на натренированных чистокровных ахалтекинцах. Всадники служили, по всей вероятности, по 15—20 лет. Летом они были одеты в штаны синего цвета, желтую гимнастерку со стоячим воротником опоясывал кушак малинового цвета из шелка, а на головах красовались огромные бараньи шапки.

Такова, вкратце, довоенная история Туркменского конного полка. Дивизион жил обычной армейской жизнью, проводились учебно-тренировочные занятия, офицеры с джигитами совместно с пограничниками участвовали в экспедициях и всевозможных инспекциях. При дивизионе действовала русско-туземная школа, в которой джигиты получали начальное образование и поэтому могли почти сносно говорить на русском языке. Перед началом первой мировой войны дивизионом командовал подполковник К. Хогондоков.

С первых дней войны царская администрация Закаспийской области на добровольных началах стала формировать в Кеши на базе Туркменского конного дивизиона полноценный боевой полк. Официальное рождение Туркменского конного полка — 29 июля 1914 г., то есть через 10 дней после начала первой мировой войны¹². Туркменский конный полк состоял из четырех эскадронов. Командиром полка стал полковник Н. Дроздовский.

Формировался полк исключительно на добровольной основе из туркмен и на их же средства. Это было специально отмечено императором Николаем II. В приказе туркестанского генерал-губернатора говорилось следующее: «...На всеподданнейшем докладе военным министром моей телеграммы от 25 ноября 1914 г. за №1287 с донесением, что при формировании конного Туркменского полка туркмены Мервского, Тедженского и Асхабадского уездов поставили отличных текинских лошадей, снарядили всадников на сумму 60 тысяч рублей, что дало возможность выступить вновь сформированной части в отличном виде, как в отношении обмундирования, так и конного состава. Его Императорскому Величеству Государю Императору благоугодно было собственноручно начертать “сердечно благодарю туркмен”. Счастлив поздравить туркмен упомянутых выше уездов с таким монаршим вниманием. Начальнику Закаспийской области предлагаю сделать распоряжение о вечном хранении в архиве канцелярии начальника области всеподданнейшей записки военного министра от 26 ноября 1914 года с собственноручным высочайшим начертанием благодарности туркменам»¹³.

В конце августа 1914 г. Туркменский конный полк прибыл на фронт. Согласно выявленной в Российском государственном воен-

но-историческом архиве телеграмме, посланной начальнику штаба 1-го Туркестанского армейского корпуса полковником Дроздовским, 21 октября 1914 г. в Туркменском конном полку насчитывалось 627 всадников, 2 штаб-офицера, 15 обер-офицеров ¹⁴.

Вопреки желанию (например, генерала М.И. Алексеева и др.) ввести туркмен в состав охраны тылов, Верховный главнокомандующий российской армии великий князь Н.Н. Романов настоял на их участии непосредственно во фронтовых операциях. Таким образом, Туркменский конный полк вошел в состав 1-го Туркестанского армейского корпуса 1-й армии, командующим которой был генерал П.К. Ранненкампф. Полк принимал участие в боях против германских войск в Восточной Пруссии в сентябре 1914 г. — январе 1915 года ¹⁵. Полковник Дроздовский координировал действия Туркменского конного и 5-го Сибирского казачьего полков, действовавших в составе 1-го Туркестанского армейского корпуса.

Для того, чтобы местное население области получало достоверную информацию о войне и текущих событиях, царское правительство специально учредило газету на туркменском и персидском языках под названием «Рузнамей-и Маверай-и Бахры-Хазар» (Закаспийская туземная газета) на основе арабского алфавита. Это была первая в истории газета на туркменском языке. На ее страницах, а также в местной русскоязычной газете «Асхабад» регулярно печатались материалы о войне, о ратных подвигах туркменских джигитов на фронте, о всемерной помощи местного населения фронту, письма, а также перепечатывались материалы из центральных российских газет.

С первых месяцев войны туркмены участвовали в боевых действиях. В декабре 1914 г. от одного из туркмен, находившихся в действующей армии, в Ашхабаде была получена открытка следующего содержания: «Слава Богу, туркмены поддержали свое имя и показали... что существует народ — туркмены. Наш эскадрон показал себя на деле» ¹⁶. Действительно, туркменские конники достойно сражались с противником. Об этом свидетельствуют материалы, опубликованные на страницах таких центральных изданий, как «Петроградский курьер», «Русское слово» и «Вечернее время».

В конце сентября — начала октября 1914 г. Туркменский конный полк и 5-й Сибирский казачий полк под командованием полковника Дроздовского составили отряд корпусной конницы, на которую была возложена задача — двигаться впереди корпуса и производить разведку. В это время русские войска вели ожесточенные бои в Галиции, отбросив австро-венгерские части за р. Сан и уничтожив почти половину находившегося там их боевого состава, а затем сосредоточили свои силы в направлении Варшава-Берлин.

Туркменский конный полк в начале октября действовал в окрестностях Варшавы. В оперативных донесениях указываются названия десятков населенных пунктов, где вели боевые операции эскадроны и разезды полка. Это показывает большую подвижность и стремительность подразделений полка за первые две недели октября — всадники вели активную разведку на пути следования своего корпуса, осуществляли почтовую связь между полками и дивизиями, охрану путей движения, штаба корпуса и штабов некоторых дивизий и полков. И, тем не менее, командир полка беспокоился о том, как будут вести себя джигиты в совместных боевых операциях с русскими частями. В письме начальнику 2-й бригады 15-ой кавалерийской дивизи-

зии от 12 октября 1914 г. полковник Дроздовский отмечал: «В указании Вашего Превосходительства тем более нуждаюсь, что Туркменский конный полк будет первый раз действовать совместно с частями Русской конницы, и это первая боевая его задача»¹⁷.

А еще через 4 дня командир полка через начальника штаба корпуса просил предать командиру 1-го Туркестанского армейского корпуса следующие слова: «Туркмены не пощадят сил и жизни, чтобы оправдать доверие начальства и заслужить право занять почетное место в рядах славной Российской Армии, с которой они впервые будут сражаться в составе 1-го Туркестанского армейского корпуса под начальством Его превосходительства»¹⁸. Беспокойство было излишним. Туркмены быстро адаптировались в весьма далеких для них по климату условиях.

Первый серьезный бой, в котором приняли участие джигиты, — это сражение на переправе у австрийской деревни Грушки 29 октября 1914 года. Туркменский конный полк должен был поддерживать отряд полковника Вейля. С большим трудом стрелковые части преодолели болотистую местность переправы, заняв на противоположном берегу деревни Гротхен и Зверинец. Однако немцы подвезли из Сольдау два эшелона с пехотными частями, полевую и дальнобойную артиллерию, в результате чего Вейль отдал приказ об отходе. Не имея возможности ввести в бой конные подразделения, полковник Дроздовский на всем пути отступления разослал конные разъезды для охраны путей и наблюдения за фланговыми позициями. В полдень от одного из разъездов было получено донесение, согласно которому у деревни Длутово был замечен противник. Желая предупредить удар неприятеля в тыл частям 1-го Туркестанского корпуса, командир полка отправил туда два эскадрона всадников. Ко времени прибытия джигитов к деревне Длутово противник в количестве одного эскадрона и стрелковой роты оставил село и отошел к деревне Ницке. Подполковник Чернов приказал 4-му эскадрону преследовать противника. У деревни Низнь командир эскадрона штабс-ротмистр Трушковский повел джигитов в атаку. Однако немцы, используя укрытия, открыли ураганный огонь. Сопровождавший туркмен казачий разъезд уклонился от атаки, и они сами атаковали противника так стремительно, что немцы не успели нанести им какой-либо урон, никто в этом бою не пострадал¹⁹.

Вот как описывал этот бой ротмистр Трушковский в своем донесении на имя командира полка: «Вчера 29 октября около ночи дня, когда вверенный мне эскадрон и 2-й эскадрон находились в д. Нехлоним, было получено Ваше приказание двумя эскадронами выступить в д. Длутово, откуда вытеснить противника или задержать его движение. 2-й и 4-й эскадроны под общим командованием подполковника Чернова продвинулись до д. Длутово и заняли ее без боя. По словам местных жителей, противник очистил Длутово за полчаса до прихода наших эскадронов. Едва лишь мы заняли Длутова, подполковник Чернов приказал вверенному эскадрону идти за казаками 6-й сотни 5-го Сибирского казачьего полка преследовать противника. Выступив из Длутова, эскадроны пошли полевым галопом по дороге на д. Низнь. Увидев, что противник у этой деревни, я рассыпал свой эскадрон и пошли в атаку. В это время противник открыл частый огонь. Казаки повернули и ушли вправо и влево, а эскадроны под большим огнем противника двинулись еще

дальше в атаку, но наткнулись на каменные заборы в непосредственной близости противника.

Люди вели себя самоотверженно и шли в атаку безупречно, о чем долгом своим почитаю донести. Во время атаки четыре всадника вверенного мне эскадрона, наткнувшись на препятствие, упали вместе с лошадьми. Лошади, вырвавшись, ушли, а затем переловлены, всадники же, оставшиеся без лошадей под огнем противника, были подняты и увезены к эскадрону следующими нижними чинами:

1) Вахмистром Алладурды Абдуллаевым — всадник Шамурад Еграев и под огнем же поймана лошадь унтер-офицера Нурмухаммед Бегенджева.

2) Старшим унтер-офицером Бабахан Менглихановым — всадник Сейитмурад Курдов.

3) Ефрейтером Бяшим Курдовым — унтер-офицер Нурмухаммед Бегенджев.

4) Всадником Байгельды Коссековым — его взводный унтер-офицер Ходжа Байрамсахатов.

Ходатайствую о награждении поименованных четырех нижних чинов по Вашему усмотрению.

Еще перед д. Длутово присоединился к 4-му эскадрону поручик Овезбаев, со взводом 1-го эскадрона принимая участие в атаке, оказал поддержку 4-му эскадрону, оставшемуся без младших офицеров, и являл собою пример доблести унтер-офицер 1-го эскадрона Мави Мурадов помогал старшему унтер-офицеру Баба хану Менглиханову поднять на седло и вывести из огня упавшего всадника»²⁰.

Ратные подвиги туркменских джигитов были достойно отмечены командованием. За два с половиной месяца участия туркмен в боевых действиях на германском фронте 67 всадников были награждены Георгиевскими крестами, свыше 70 чел. — орденами Св. Станислава и Св. Анны разных степеней, а также медалями²¹. По архивным данным, уже к концу 1914 г. более четверти всадников полка были награждены Георгиевскими крестами и медалями (Баба хан Менглиханов, Дангатар Артыков, Ходжамберды Ходжамамедов и другие впоследствии стали полными кавалерами ордена Св. Георгия). Известно, что в Асхабад за конским снаряжением в августе 1915 г. прибыли два джигита, имеющие георгиевские кресты всех четырех степеней²².

11 августа 1915 г., чтобы увековечить ратные подвиги своих земляков, начальник Закаспийской области генерал Калмаков издал специальный приказ. В нем говорится: «Объявляю при сем именной список всадников Туркменского полка, награжденных в истекшем году за боевые отличия, радуюсь вместе с родственниками всадников, получивших награды.

Более четвертой части всадников полка удостоились на полях сражений получить боевые награды, я убежден, что и остальные всадники полка и запасного эскадрона заслужат такие же награды, сокрушая воюющих с нами немцев, а туркмены далекой Закаспийской области гордятся своим полком, отличившимся в войне с врагом»²³. К приказу был приложен список с именами 127 всадников, удостоенных высоких государственных наград.

Отвага туркменских всадников не могла остаться незамеченной. Известный со времен русско-японской войны корреспондент Ф. Купчинский в ноябре 1914 г. в «Петроградском курьере» опубликовал

статью «Храбрые туркмены». 23 ноября того же года эта статья была перепечатана в местной русскоязычной газете «Асхабад», а 14 декабря перевод статьи на туркменском языке под названием «Батыр туркменлер» — в «Закаспийской туземной газете». Купчинский писал: «В бою под Сольдау, на германской земле, впервые видел новые конные части нашей армии из туркмен. В громадных папахах и халатах, на которых так странны погоны и кривые дореформенные сабли, они так похожи на каких-то древних монголов-воителей, полудикие на вид, стройные, темно-смуглые, на стройных, нервных и сухих лошадях, на седлах с круглыми чепраками красного цвета, вышитыми яркими шелками... Их появление всюду производит фурор и обращает всеобщее внимание. Они не держатся ровного строя, действуют как друзья, как соратники, равноправные, равносильные, признающие только свои заповедные конные и сабельные приемы, свою рубку, свой натиск, свою разведку.

Не признают рыси — только галоп и карьер или мелкий шаг, ровный, в котором сидят, как вкопанные в конские спины, ровно, стройно, красиво, заставляя всякого собою любоваться. Про них кругом и солдаты говорят: “Дикие, а как ездят!” Они охотно покупают у местного населения продукты и аккуратно до педантизма со всеми расплачиваются. Привезли с собой запасных коней, палатки из ковров, приехали на войну, как на праздник, веселыми, радостными, бодрыми и уже не в первом бою принимают непосредственное участие, очень много наезжают коней, пользуясь для этого разведками, которые делают не хуже регулярной конницы, порою бросают коней и идут пешком, часто заходят дальше всех и приносят великолепные донесения»²⁴.

А ведь прошло всего пару месяцев, как туркмены прибыли на фронт. Уже 17 ноября 1914 г. на имя полковника Дроздовского поступило донесение, в котором, в частности, говорилось: «Унтер-офицер пошел вдоль опушки, обошел кругом и прошел по мосту, где рубили ваши туркмены, и говорит, что он усыпан трупами и раненых, по его словам, очень много. Я должен сказать, что, благодаря атаке туркмен, мы смогли только унести себя»²⁵.

Речь шла о знаменитом бое, о котором писал 23 ноября 1914 г. в «Русском слове» военный корреспондент В.И. Немирович-Данченко: «Перед боем у Ловича из Осмолина и Жихлина неприятель сосредоточился в Кернове и 16 ноября в тумане двинулся на нас. Немцам удалось, таким образом, незаметно добраться до Дуплиц. В мгlistой дали этот маневр, был замечен одной из среднеазиатских кавалерийских частей, на высокие боевые качества которой указывал еще М.Д. Скобелев. В настоящую войну эта конница своей порывистой и неодолимой отвагой не раз сбивала с толку германцев, не считавших такие удары возможными. Один из офицеров германского генерального штаба говорил: «Кто же мог думать, что у русских есть “дьяволы”, совершающие то, что должно быть вне пределов человеческих сил. Разве можно предвидеть подвиги, граничащие с безумием. Они не поддаются здравому расчету.

Так и тут эти удивительные всадники, силу которых впервые почувствовали в Ахалтекинском и Мервском оазисах, угадав противника, пошли на его пехоту конным строем с таким изумительным бешенством, на которое только способны эти истинные поэты-воины. Нам передают, что налет их на большие силы оторопевших нем-

цев невозможно описать. Каждый момент этого боя был необычайным. Рубили, с гиканьем бросались в самую гущу оцетинившихся штыками колонн, перескакивали через людей в их середину, охватывали их отовсюду. Мало того, что эти степные богатыри заставили отойти германскую пехоту, но и весь путь их отступления они заостили трупами врагов. Это сплошное поле смерти, где трудно ступить, не наткнувшись на сраженных шашками немцев. Удары наших азиатских героев были и ужасны, и молниеносны. Встречаются мертвецы, раздвоенные от плеча до пояса. Налет этих губительных всадников был такой, что от сдвигавшихся для своей защиты маленьких каре врагов не осталось никого. Еще раз война показала нам, каким великолепным боевым материалом мы обладаем за песками и пустынями Каспийского моря. А ведь оттуда мы можем опять выбросить на театр этой мировой войны еще, по крайней мере, 250 000 всадников “первой в свете кавалерии”, как называл их М.Д. Скобелев, с их боевым увлечением ничто сравниться не может»²⁶.

О бое у Дуплице видимо рассказывается в открытке одного из джигитов полка, полученной в Асхабаде в декабре 1914 г.: «Слава Богу, туркмены поддержали свое имя и показали себя на деле. Мы в ночь с 15 на 16 ноября атаковали неприятельскую пехоту, и этой атакой их задержали на 5 часов, вследствие чего свободно ушли все обозы. Эскадрон взял в эту ночь 5 пулеметов, 1 зарядный ящик и 5 лошадей. У них страшный урон по рассказам местных жителей»²⁷.

Таким образом, осенью 1914 г. Туркменский конный полк в составе 1-го Туркестанского армейского корпуса принимал участие в кровопролитных сражениях, в результате чего русские войска разгромили в Польше 1-ю австрийскую и почти окружили 9-ю немецкую армии.

В 1915 г. полк вошел в состав 32-го армейского корпуса 9-й армии²⁸ и участвовал в Карпатской операции. В конце марта в составе корпуса был сформирован Санкауцкий отряд, командующим которого был назначен полковник Дроздовский. Действиями Санкауцкого отряда руководил штаб Новоселицкого отряда. В состав Санкауцкого отряда входили: Туркменский конный полк (4 эскадрона), 169-я дружина (4 роты), 174-я дружина (4 роты), 649-я дружина (2 роты), 1-я отдельная пулеметная команда (4 пулемета), 36-я ополченческая батарея (4 орудия). Исполняющим обязанности командира Туркменского конного полка был назначен командир 1-го эскадрона офицера-туркмен ротмистр Ораз Берды²⁹. Туркменский конный полк взаимодействовал с ближайшими частями 3-го кавалерийского корпуса.

Но на войне не обходилось без потерь. Во фронтовых донесениях имеется немало сведений о раненных всадниках. В феврале 1915 г. были отправлены в Черновцы Гельдымурад Гельдыев, Дангатар Култыев, Чарыкули Артыков, Баба Аман Геленов, Кочаман Сейитниязов³⁰. В феврале 1915 г. в Асхабад прибыли 4 раненых всадника. Получив тяжелые ранения под Дуплице-Дуже, они долгое время лечились в петроградском лазарете, откуда были отправлены в отпуск сроком на 6 месяцев³¹.

Будучи наслышанной о героических действиях туркмен, императрица Александра Федоровна велела направить им необходимые медицинские средства, о чем сообщал командир полка Дроздовский в своем письме на имя графа Ростовцева: «... Вверенный мне полк получил медикаменты и перевязочные средства из второго поезда склада Имени Ея Императорского Величества Государыни Императрицы

Александры Федоровны. Предметы эти получены во время битвы у гор. Ловича в боевых линиях. За столь высоко милостивое внимание к нуждам туркменского полка я от имени туркмен прошу принести Ея Императорскому Величеству Государыне Императрице безграничную благодарность.

Полк был безмерно счастлив, если бы к стопам Его Императорского Величества Государя Императора были бы повергнуты верноподданнические чувства всех чинов Туркменского конного полка, готового положить жизни на поле брани за Царя и Святую родину»³².

Несмотря на то, что практически все офицеры полка были русскими, они очень хорошо относились к рядовым джигитам, ценили своих солдат и заботились о них. Например, 13 декабря 1914 г. полковник Дроздовский писал штабс-ротмистру Эргардту: «Получил из Петербурга трогательное письмо от всадника 1-го взвода Вашего эскадрона Момми Аллаберды, получившего в бою 15-го числа 6 тяжелых ран. Он находится в госпитале в Царском Селе»³³.

Момми после лечения был отправлен в Асхабад, где в феврале 1915 г. на его имя пришло письмо следующего содержания: «Момми Аллаберди. Я, полковник Дроздовский, благодарю тебя за молодецкую службу. Пусть Бог помогает поскорее тебе поправиться от ран, чтобы вернуться в полк, где все ждут тебя и рады, что Бог тебя сохранил... Когда приедешь в полк, получишь Георгиевский крест. Я напишу в Асхабад, что всадник Момми Аллаберди — молодец, все будут почитать Момми Аллаберди. В полку все благополучно. Поправляйся, Бог тебе поможет, и пиши: что нужно, все пришлю. Твой командир Дроздовский»³⁴.

Из содержания фронтовых писем, поступающих в Асхабад почти ежедневно, можно узнать, что раненные джигиты находились на излечении в лучших петроградских лазаретах. С большой похвалой туркмены отзывались об уходе, какой они там имели. Весь персонал лазарета предупредительно относился ко всем раненым, охотно и ласково исполнял все их просьбы³⁵.

На родине всадников об их семьях заботились уездные комитеты. Особо нуждающимся выдавали пособия из благотворительных сумм. Всем без исключения разрешалось также бесплатно пользоваться дровами из казенных дач. Кроме того, из действующей армии, из получаемого жалованья джигиты посылали родным по 50, 60 и более рублей. По тем временам суммы были довольно значительными. Кроме этого, после истечения 10 месяцев службы родственники джигитов, скорее всего, освобождались от уплаты налогов. Командир 1-го эскадрона ротмистр Ораз Берды ходатайствовал перед начальством о том, что «всадник Коус Каранов ... прослужил 10 месяцев» и просил «о выдачи ему свидетельства, об освобождении от податей»³⁶.

Родственники джигитов отправляли на фронт посылки при каждом удобном случае. Посылали, главным образом, зеленый чай и набат (сахарный леденец местного производства). Вся Закаспийская область заботилась о своих земляках. На приобретение лошадей для Туркменского полка асхабадскими горожанами было пожертвовано 400 руб., жителями аула Геоктепе — 50, Кипчака — 75, Геокча — 75, Безмеина — 63 руб. 79 коп. и т.д.³⁷. Жители Пендинского приставства пожертвовали для нужд Туркменского конного полка 344 рубля. Житель одного из сел Мервского уезда Мухамедкурбан Дурдыкулиев отдал на нужды фронта коня, закупленного им за 400 руб., за что

приказом генерал-губернатора Туркестанского края был награжден нагрудной медалью³⁸. Помощник Серахского пристава Менгли хан Мурадберды (отец старшего унтер-офицера полка Баба хан Менглиханова) для нужд фронта пожертвовал коня стоимостью 300 руб. и конские сбруи, национальные халаты, а также другое обмундирование на 9 персон³⁹. Такие же крупные пожертвование сделал Махтумкули хан — сын знаменитого Нурберды хан Ахалского, закупив койки для раненых бойцов⁴⁰.

Заметно отличился асхабадский Дамский комитет, возглавляемый супругой начальника Закаспийской области З.В. Калмаковой, постоянно отправлявший на фронт посылки и подарки. На адрес комитета было получено множество писем от офицеров полка. Вот одно из них за февраль 1916 г.: «Туркменский конный полк приносит комитету глубокую благодарность за щедрые подарки, доставленные полку через корнета Поддужева в количестве двух ящиков. Подарки состояли из двух пудов двадцати фунтов зеленого чая и двух пудов сахарных леденцов местного изготовления»⁴¹.

Для того, чтобы джигиты не тосковали по родине, на фронт регулярно выезжали делегации из самых уважаемых старшин Закаспия. Так, в начале мая 1915 г. в распоряжение Туркменского конного полка выехали с подарками и письмами старшины трех аулов, а также переводчик местного уездного управления. Сопровождал их полковник Карпинский. В городах России появление туркмен в ярких халатах малинового цвета и ослепительно белых папахах собирало на улицах массы любопытных (особенно в Самаре). В Киеве даже решили, что туркменские старшины — это турецкие паши⁴².

Всадники полка каждый год отмечали Курбан Байрам. В 1914 г. начало праздника по лунному календарю приходилось на 16 октября. Командующий 1-го Туркестанского армейского корпуса генерал Ранненкампф сердечно поздравил всадников со священным мусульманским праздником⁴³.

В 1915 г. от джигита Хыдыркули Юсуп-оглы из Восточной Пруссии пришло письмо, в котором он с гордостью рассказывал своим родным о битвах с германцами. К письму Хыдыркули приложил стихи. Эти стихи были обнаружены автором на страницах «Закаспийской туземной газеты», а О. Гундогдыев перевел их на русский язык⁴⁴.

Аул Кеши продолжал оставаться местом, где формировались подразделения для отправки на фронт. Видимо здесь на постоянной основе дислоцировался запасной эскадрон для пополнения выбывших из строя всадников полка. Был такой эпизод, когда молодой туркмен, изъявивший желание пойти на фронт, был признан военной комиссией негодным к строевой службе из-за слабого здоровья. Чуть не разрыдавшись, он стал упрашивать врачей и начальство, уверяя, что чувствует себя вполне годным. «Причем тут здоровье, если есть желание?» — упорствовал юноша. Но врачи были неумолимы и посоветовали ему прийти через год⁴⁵.

В конце апреля 1915 г. из Асхабада на фронт выехал вновь сформированный конный дивизион. 27 апреля эшелон всадников прибыл в Мерв. Мервские туркмены торжественно встретили отъезжавших на фронт: играл оркестр, в казанах варился плов, раздавались подарки и сладости. В августе 1915 г. для пополнения полка из Асхабада отправился еще один взвод новобранцев⁴⁶.

Нам не удалось найти обобщающие сведения о количестве погибших воинов, а также попавших в плен. В одном из донесений командира полка Дроздовского за 1915 г. упоминается об «общей незначительной убыли — около 40 человек убитыми и ранеными»⁴⁷.

Среди архивных материалов также имеются сведения о погибших всадниках. Например, 3 января 1915 г. в бою был убит всадник 2-го эскадрона М. Кулов, уроженец аула Геоктепе Асхабадского уезда. К сожалению, были и нелепые смерти: 2 февраля того же года угорели и умерли всадники А. Мергенов, М. Мамедгельдыев и Д. Атаханов⁴⁸.

Что касается плененных, то установлено имя одного всадника Алланура Овезниязова, уроженца села Кара-яб (или Сычмаз) Мервского уезда, который, будучи раненым, попал в плен к австро-венграм. 5 марта 1915 г. «у деревни Веренчонка был ранен всадник Ала-Нур-Овез-Ниязов и убита его лошадь. Вследствие сильного огня противника, раненого подобрать не оказалось возможным»⁴⁹. Видимо тогда всадник и попал в плен. Сохранился кусочек письма от А. Овезниязова родным из Австрии с известием о том, что он находится в плену. На конверте имеется штамп «10.11.1917». Вот что в нем говорилось: «... письмо от сына вашего Алланура здоровств... мая дорогія мамаша посылаю сырдычной привить еще всем братіям сырдычной привить увидимлаю вас я нахожусь въ плене Австровенгрія пришли ти деньги сколько нибуд посилька табака и прочій затим досвиданія остаюсь живь и здоровь того вам же пишите...». Овезниязов не вернулся с фронта, он считается пропавшим без вести.

В годы первой мировой войны также пропали без вести: Гуртав Овезов, Байрамдурды Халлыкербанов, Аннамамед Пашшиев, Ата Сарыев, Суханберды Худайбердыев, Дурды Аннакльчев, Нурмурат Ильмурадов, Бердымурад Овезов и другие, дальнейшая судьба которых до сих пор неизвестна⁵⁰.

Как показывает содержание письма Овезниязова, многие джигиты полка плохо говорили и писали по-русски. Вот донесение одного из младших командиров на имя своего начальника: «18 февраля 1918 г. 15 час. 13 минут. Ваши Вис. Болгороте [Ваше Высокое Благородие]. Садагурский мистечк нет неприятел я стаял на кирани за деревни. [В местечке Садагора нет неприятеля. Я стоял на окраине деревни]. Начальник разезди [разъезда] старший унтер-офицер Черкез Аннабердыев»⁵¹. Но были и такие, которые хорошо владели русским языком. Подтверждение тому — донесение такого содержания: «6 мая 1916 г. 9 час. 25 минут. Неприятельская артиллерия стреляет наш пост. Снаряды попадают, не дойдя до 200 шагов. Пост стоит благополучно. Нас не видно. Только около нас копают окопы. Они видны стоят. Начальник поста старший унтер-офицер Баба хан Менглиханов»⁵².

2 апреля 1915 г. Дроздовский сдал начальство над частями отряда⁵³. В мае-июне 1915 г. полк принимал участие в отражении германо-австрийского наступления на реках Буг и Висла. В мае 1915 г. в одном из боев всадники полка взяли в плен 150 австро-венгерских солдат и офицеров и захватили одно орудие⁵⁴.

9 июля 1915 г. командиром Туркменского конного полка был назначен полковник С.П. Зыков. О боевых буднях полка практически ничего не известно с июля до конца декабря 1915 года. Видимо, это было связано с общими неудачами на фронте. К концу 1915 г. граница фронта проходило по линии Рига — Двинск — Барановичи — Пинск — Дубно. Царская армия оставила Галицию, Польшу, часть

Прибалтики и Белоруссии. Несмотря на это, полк продолжал выполнять боевые задачи.

Туркменские воины воевали и на Кавказском фронте против Османской империи. Однако известны имена всего нескольких человек, принимавших участие в боях на этом фронте: подполковник Хан Йомудский (в будущем полковник), его сыновья — Батыр, Сердар и Хыдыр Йомудские, Чары Гельдыев (в будущем подполковник), Ходжагельды Ходжамурадов (в будущем полковник), прапорщик Какаджан Бердыев. На Кавказском фронте погиб туркменский офицер, уроженец Серахса, выпускник Оренбургского кадетского корпуса и Киевского военного училища Чары Амангельдыев. В «Закаспийской туземной газете» от 14 декабря 1914 г. его подвигу была посвящена специальная статья⁵⁵. Однако о рядовых участниках практически ничего не известно.

Закаспийские туркмены постоянно оказывали Кавказскому фронту материальную поддержку. Удивляет количество отправленных на фронт бараньих папах (силкме телпек). По данным, содержащимся в опубликованном приказе генерал-губернатора Туркестанского края Мартсона за № 292 от 10 декабря 1914 г., было отправлено на Кавказский фронт 45 833 бараньих папах, в том числе по Асхабадскому уезду — 12 600, Тедженскому — 13 233 и Мервскому — 20 000⁵⁶. Следует отметить, что за первые два года войны на германский и австро-венгерский фронты было отправлено более 32 тыс. туркменских папах⁵⁷.

В январе 1916 г. на фронт с эшелоном пополнения для Туркменского конного полка прибыли старшины аулов Изгант, Геоктепе, Дурун, Кеши, а также управители асхабадской и багирской волостей. Это подняло моральный дух туркмен. Командующий 9-й армии принял туркменских старшин, после чего старшина аула Геоктепе Аман Ханмамедов и управитель багирской волости Нуры Каррыев были награждены золотой медалью «За усердие», а старшины Дуруна — Аннаберды Аннагелдыев, Изганта — Гелен Тачмурадов, старшина Кеши Мухаммедберды Гулгельдыев, управитель Асхабадской волости Аннанияз Патдыев — серебряной медалью «За усердие»⁵⁸. В первой половине февраля делегация возвратилась в Закаспий.

29 марта 1916 г. туркменские конники участвовали в строевом смотре 9-й армии, проводимом Николаем II под Хотинном (на территории современной Молдавии) и есть сведения, что там некоторые всадники получили высокие государственные награды из рук самого царя. Во время смотра туркменские всадники демонстрировали свои национальные конные игры. Х. Хаджиев описал одну из таких конных игр, которую туркмены демонстрировали перед иностранными корреспондентами в ноябре 1917 г. в Быхове: «Трубач подвел коня полк. Эргарту, и он, заняв свое место, начал отдавать команду. Первый эскадрон, сидевший на гнедых жеребцах, второй — на карих и часть третьего на серых, начали плавно и красиво двигаться согласно сигналов трубача. Очень стройно и легко в движениях проходили эскадроны перед зрителями.

Когда кончилось ученье, эскадроны показали сцену атаки. Эшелонированные эскадроны, держа пики наперевес, со сверкающими ятаганами, крича: «Алла!», летели на своих гибких аргамаках прямо на зрителей, вызвав среди них панику.

После окончания этого номера Атчапара — скачки — началась джигитовка. Вмиг джигиты первого эскадрона и части второго расстались со своими халатами, оставшись в одних гимнастерках цвета

хаки. Вот выделился Текинец — он летит на своем скакуне, держа голову на седле, а ноги в воздухе. За ним другой так слился с лошадью, что его нельзя было заметить, и зрители спрашивали недоуменно, почему лошадь без всадника, а когда лошадь проходила мимо зрителей, то текинец, снявшись из-под брюха лошади, внезапно оказался в седле, что страшно озадачило всех. Вот летит третий, сверкая своим ятаганом; ятаган, подброшенный в воздух, светит, как полумесяц. Он его ловит сперва правой рукой и режет воздух рубкой, потом снова подбрасывает, ловит левой рукой и снова рубит влево. Четвертый летит и затем, держась за луку седла, на ходу соскакивает с коня, касается носками ног земли и снова, взлетая, садится в седло, для того, чтобы в следующий миг показать тот же прием с левой стороны. А вот летит джигит — он “ранен” и падает с лошади, распластавшись на земле; лошадь останавливается, как вкопанная, и сторожит своего всадника. За ним летит другой и, не слезая со своего жеребца, на скаку подхватывает “раненого”, кладет его поперек своего седла и летит дальше. За ним, не отставая, несется лошадь “раненого”...

...Корреспонденты были в восторге, глядя на людей и лошадей Российской конницы. Особенно их интересовали знаки отличия джигитов. Один из них имел два георгиевских креста, а другой медаль и крест, полученные лично из рук Государя за дело под Черным Потоким в 1915 году. Все поле кричало “ура”, и местные жители Быхова, никогда не видевшие джигитовки, сопровождали всадников до села, места стоянки полка. Храп усталых лошадей, громкие разговоры вспотевших джигитов и восторженные крики посторонних зрителей наполняли поле»⁵⁹.

31 марта 1916 г. там же в Хотине приказом №415 начальника штаба Верховного главнокомандующего Туркменский конный полк был переименован в Текинский конный полк⁶⁰, так как подавляющее большинство всадников полка составляли представители туркменского племени теке, населяющего Асхабадский, Мервский и Тедженский уезды Закаспийской области. Следует отметить, что состояли на службе в Текинском полку и представители других туркменских племен. Например, в полку служил представитель хивинских туркмен Аллаяр хан. В годы гражданской войны он воевал на стороне белых войск и погиб в одном из боев.

Туркменские конники приняли непосредственное участие в знаменитом «Брусиловском прорыве». Согласно плану А.А. Брусилова, 22 мая 1916 г. русские войска перешли в наступление, заняв 25 мая г. Луцк. 28 мая 1916 г. произошло крупное сражение у Доброноуца, когда 9-я армия Юго-Западного фронта разбила австро-венгерскую армию генерала Пфланцера. 30 мая в Асхабаде было передано сообщение Верховного главнокомандующего Николая II, в котором говорилось о доблести джигитов Туркменского конного полка. Со всех ближайших аулов в город приехали родственники всадников, ожидая телеграмм. Доброноуцкий бой ярко описал в июне 1916 г. один из корреспондентов центральной газеты «Вечернее время»: «Дело произошло 28 мая и считается небывалым в военной истории делом, хотя в эту войну наши войска внесли совершенно новые страницы в военную историю.

Было утро. Вдоль всего фронта неслись грохот орудий, рвущихся снарядов и треск пулеметов. Пехота была уже в огне. Шел горячий бой. Все воины, от командира бригады до последнего солдата, понимали, что начинается необыкновенное.

Текинцы давно уже на конях. Насторожились люди и кони. Всадники втихомолку вытащили свои кривые клычи и пощупали остро отточенные столетние клинки. Убедившись, что все в порядке, замерли, страстно ожидая боя.

И вдруг команда: “В атаку!”. Одно неуловимое короткое мгновение, и уже свистит ветер в ушах, и где-то, словно очень далеко, такают пулеметы, ухают снаряды, и переливается ружейная перестрелка. Кони распластались и идут, как вихрь, злые, сильные. Пригнулись всадники, и их черные, блестящие глаза зорко смотрят вперед, туда, где желанный рукопашный бой.

А там виднеются лишь окопы, окаймленные ленточкой огня.

Через несколько секунд степные скакуны донесли до врага всадников. Над окопами взвились черные кони и всадники с кривыми саблями. Три линии окопов... Тысячи пехоты... Пулеметный огонь...

На всю эту силу обрушился полк степных всадников в огромных бараньих папах. Обрушился, клином врезался в неприятельские позиции, прошел, сея смерть, три линии окопов, разделился надвое, прошел по флангам, и ничто не могло удержать этого бешеного вихря, этой лавины, стремительно несущей смерть и смятение. Войска, видевшие лихой налет текинских джигитов, умело и доблестно руководимых русскими офицерами — “боярами”, в восторге кричали “ура!” и не могли оторваться от этой блестящей, захватывающей боевой картины.

В это время среди окопов текинцы бились с австрийцами, глубже и глубже врубаясь в их массу. Уже кони начали бить и грызть противника, уже исчезли из виду текинцы, и только по ярко вспыхивающим зигзагам кинжалов можно было следить за их кровавой работой. В дело пошла пехота. Вновь заговорили орудия. И вдруг враг дрогнул. Сначала десятки, потом сотни и тысячи людей ринулись в беспорядочное, позорное бегство. Стоны, вой, крики, топот многих тысяч ног — все смешалось в вихре смятения и шума. Как стадо испуганных бурей овец, гнали текинцы неприятеля и разносили его. Один всадник налетал на десятки врагов, убивал и разгонял их.

Видно было, как отлетали головы австрийцев и катились по земле, в то время как джигит уже откидывался в седле для нового смертоносного удара. Попадались отрубленные руки с предплечьями и ключицами и перерубленные пополам тела.

На многие десятки верст разогнали текинцы большие силы австрийцев, уложили 2000 и взяли в плен более 3000. По всем направлениям на дорогах валялись брошенные орудия, пулеметы, зарядные ящики, ружья и убитые лошади, миллионы патронов.

Армия Пфланцера была совершенно разгромлена — в этом не было сомнения.

Текинцев, много содействовавших этому важному делу, носили на руках. А джигиты скромно молчат, как всегда, и в глазах живет лишь страстное, ненасытное желание нового, такого же славного боя. Вечером только они тихими голосами передают друг другу отдельные эпизоды боя и показывают, как рубили они и как несли их верные друзья-кони. Радуются джигиты, что там, на родине, они расскажут о великой войне и к истории их древних, как их клычи, родов прибавят новые, славные страницы»⁶¹.

На наш взгляд о Доброноуцком бое речь идет и в рукописи любителя истории А. Гуйджиева «Дикая дивизия». Его статья, написанная по воспоминаниям джигитов полка, была обсуждена и утвержде-

на на заседании комиссии содействия при Туркменском филиале ИМЛ при ЦК КПСС 2 декабря 1975 г., однако она не была опубликована. После серии наших газетных публикаций о всадниках Текинского полка в 1992 г., жители г. Абадан (бывший Безмеин) К. Оразгельдыев и А. Хаджиев предоставили в наше распоряжение его рукописи, так как сам А. Гуйджиев не дожид до этих дней. Вот что он писал в своей статье: «Настал день, когда нужно было наступать на австрийские войска. Пред атакой каждый командир взвода провел беседу со своими всадниками. Особо было отмечено, чтобы кроме оружия, ничего лишнего не брали. Джигитам сказали: “Кто трусить — пусть останется в лагере”. Но на второй день в лагере никто не остался. Нужно сказать, что скакун — крылья всадника; ахалтекинские скакуны отлично понимают, какая ответственность, они прекрасно угадывают мысли всадника. Отдан сигнал к бою. Кавалерия ринулась, как стрела, пущенная из лука. Всадники в больших тельпеках наклоняются то право, то влево, взмахивая в воздухе своими кривыми блестящими саблями. Халаты их вьются, как паруса кораблей. Путь к врагу сокращается. Ахалтекинцам не требуется кнута. В этих летящих всадников невозможно было прицелиться. Австрийскими войсками был поднят белый флаг, артиллеристы опустили жерла своих орудий. Австрийская армия почти целиком попала в плен. Многих пленных отправили Туркестан. Они строили железную дорогу и ремонтировали старый вокзал в Красноводске»⁶².

Этот знаменитый бой описан и в книге офицера Текинского конного полка Хана Хаджиева «Великий бояр»: «28 мая под Черными Потоками, на австрийском фронте, шел горячий бой. Нас позвали на помощь... Командир корпуса засмеялся, увидев нас, и спросил своего начальника штаба, зачем к нему прислали таких оболтусов? Зыков бояр (С.П. Зыков, командир полка. — *Дж.А.*), услышав это, взбесился и, обращаясь к нам, сказал: “Туркмены! Я не хочу, чтобы над моими славными туркменами смеялись! Я беру на себя почин, поведу вас в бой. Пусть эти господа узнают, что вы собой представляете”.

С этими словами он выскочил вперед и бросился в атаку под убийственным огнем немецких орудий и пулеметов. Первой же пулей он был ранен и упал. Не желая выйти из строя, Зыков бояр остался с полком.

Сердар Ага (Ораз Берды, командир эскадрона. — *Дж.А.*), врезавшись в гущу неприятеля один, во время рубки сломал свой ятаган. Я, увидев сломанный ятаган, остановил Сердара. Тогда он, будучи в азарте, с одной нагайкой обезоружил кучи австрийцев во главе с их офицером»⁶³.

Таким образом, к середине июня 1916 г. русская армия прорвала фронт противника. Австрийцы понесли огромные потери. Знаменитый «Брусилловский прорыв» поставил Австро-Венгрию на грань катастрофы. Однако успех Юго-Западного фронта не был скоординирован и поддержан другими фронтами. Германия успела перебросить с запада большие силы, и война приобрела затяжной позиционный характер, что привело к развалу русской армии и падению, в конечном итоге, Российской империи. К 1917 г. Россия потеряла миллионы убитыми, ранеными и пленными, широкий размах приобрело дезертирство, катастрофически не хватало вооружения и боеприпасов.

Текинский конный полк был одним из немногих воинских частей русской армии, не подвергавшийся моральному разложению. И

не последнюю роль в этом играли офицеры-туркмены, а особенно ротмистр Ораз Берды, официально числившийся сердаром, то есть военным вождем полка и являвшийся на общественных началах заместителем командира полка.

Ораз Берды пользовался непререкаемым авторитетом. Хаджиев писал: «Дивизион — основное ядро развернувшегося полка — был хорошо дисциплинирован. Эта дисциплина, чисто военная, поддерживалась вековой дисциплиной народа, предписывавшей джигитам подчиняться своему Вождю — Сердару, уважать личность старшего и не делать того, что не позволяет совесть. Сюда шли люди не по принуждению, а по собственному желанию... туркмены пошли за своим Сердаром, сыном знаменитого героя-патриота и защитника Геоктепе Дыкма Сердара, штаб-ротмистром Ураз Сердаром. Джигиты сгруппировались, как в старое время, вокруг Сердара по вековой традиции, видя в нем двух сердаров: первого — сына их героя, такого же текинца как они сами, простого и доступного, и второго — русского офицера — помощника командира полка, русского сердара. Неся в строю беспрекословно всю тяжесть военной службы, они смотрели на Сердара, как на существо высшее, которому они, безусловно, верили и подчинялись, но в то же время Сердар был русский. После же занятий они отправлялись к Сердару уже запросто пить геок-чай (то есть, зеленый чай. — *Дж.А.*), есть плов или просто побеседовать. И в то же время Сердар оставался для них тем же высшим существом, которого они даже не подумали бы послушаться — он был и друг, и отец джигитов, и свой туркмен»⁶⁴. Следует отметить, что кроме должности сердара, в полку были утверждены также должности муллы и сейиса (тренера лошадей). Известно, что сейисом полка был Мухат ага — отец известных туркменских композиторов — народного артиста СССР Вели Мухатова и народного артиста ТССР Нуры Мухатова.

В центральном государственном архиве политических документов Туркменистана хранятся личные дела некоторых бывших джигитов Текинского конного полка, которые впоследствии служили в рядах Красной Армии и в отрядах милиции — Дженг Дурды, Ата Чарыева, Гуламали Пеленова, Гарип Назарова, Ходжанепес Джумиева, Сахат Бабаева и других. Дженг Дурды, родившийся в 1872 г., прожил долгую жизнь, далеко перешагнув столетний возраст. В молодости он был борцом; так его и прозвали — Дженг Пельван (то есть, борец, богатырь). В 1903 г. он поступил в Туркменский конно-иррегулярный дивизион. В 1914—1917 гг. воевал на фронте и за боевые заслуги был награжден двумя георгиевскими крестами и двумя медалями⁶⁵. У бывшего всадника полка С. Бабаева сохранилось даже воспоминание о побеге Корнилова на Дон, участником которого был и сам Бабаев.

Начиная с конца 1916 г., архивных данных о туркменских всадниках, об их ратных подвигах и героизме становится все меньше и меньше. Поэтому дальнейшую историю Текинского конного полка мы прослеживаем, опираясь в основном на воспоминания Хаджиева.

15 октября 1916 г. в полк, находившийся в Рашкове на австрийском фронте, прибыл молодой офицер, выходец из Хивинского ханства Хан Хаджиев, окончивший Тверское кавалерийское училище и приглашенный полковником Зыковым на службу в Текинский конный полк. Впоследствии Хаджиев стал начальником охраны генерала Корнилова. После гражданской войны он эмигрировал и в 1966 г. скончался в Мексике.

Хаджиев является автором книг «Великий Бояр» и «Атчапар» («Скачка»), посвященных генералу Корнилову и его текинцам.

Февральскую революцию полк встретил на австрийском фронте. В феврале 1917 г. на офицерском собрании были зачитаны акт об отречении от престола Николая II, а затем указы Временного правительства. Офицеры и джигиты были страшно сконфужены. Даже рядовые всадники говорили о том, что в опасные для России дни совершилось предательство. Туркмены решили не уходить с огневых позиций. В конце марта командиром полка была получена телеграмма, сообщающая о приезде комиссаров, в присутствии которых джигиты должны были присягнуть Временному правительству. Туркмены были возмущены, ведь они уже однажды присягали царю.

В конце концов, джигиты решили после прочтения муллой сур из Корана, произнести на туркменском слова о даровании России победы и о благополучном возвращении на родину, что, конечно же, не являлось присягой. Комиссаров подобный компромисс устроил, однако они потребовали, чтобы джигиты прицепили на грудь красные банты и убрали с полкового штандарта императорский вензель, на что командир полка ответил, что туркмены являются мусульманами и не могут носить красных бантов, а императорский вензель заработан ими ценой собственной крови, под этим штандартом они шли в бой против врагов империи ⁶⁶.

Наступили тревожные времена. В середине весны полковник Зыков получил назначение на должность командира бригады 7-й кавалерийской дивизии, а на должность командира Текинского конного полка 18 апреля 1917 г. был назначен Н.П. фон Кюгельген, который «любил текинцев и туркмены его уважали и начали постепенно привыкать к нему, как к хорошему человеку, да к тому же он просто держал себя с джигитами и офицерами-туркменами, приглашая их запросто на геок-чай, во время которого, он по обыкновению, надевал туркменскую тюбетейку» ⁶⁷. Последний раз для пополнения полка в феврале 1917 г. на фронт был отправлен запасной дивизион.

После Февральской революции какая-то часть джигитов, возможно, была отпущена домой. Бывший фронтовик, красногвардеец и участник гражданской войны в Закаспийской области И.И. Лавриков вспоминал: «В Самаре в Струкаловском сквере был митинг рабочих и солдат, и были земляки-туркмены, которые бросили воевать. Большая часть их из Теджена и Мерва. Помню, был один офицер туркмен Ата Мурадов из Дикой дивизии, мы с ним лежали в госпитале. [Среди них] были солдаты Анна Кули Сарыев, Ходжалы Янык, Чары Мурадов» ⁶⁸.

С марта по июнь 1917 г. полк стоял на территории Западной Украины в деревне Печенежин, входя в состав 8-й армии Юго-Западного фронта ⁶⁹. Где-то в начале июня туркмен посетил командующий армией генерал Л.Г. Корнилов, оставив о себе самое хорошее впечатление. В это же время в полк поступила телеграмма от командира корпуса с запросом: желает ли полк идти на позиции. Туркмены изъявили свою готовность идти в бой.

17 июня 1917 г. Текинский конный полк выступил из деревни Печенежин. Заночевав в австрийском местечке Надворный, полк двинулся дальше, имея приказ взаимодействовать с полками Кавказской туземной дивизии — знаменитой «Дикой дивизии».

Хаджиев вспоминал: «Через пять минут после выступления с последнего привала, мы встретили головную часть дивизии. Здесь было

семь наших полков, состоявших из разных национальностей: осетин, дагестанцев, кабардинцев, чеченцев, ингушей, татар и черкесов. Их своеобразные костюмы, гортанные речи и заунывные звуки зурны, все это было сразу заслонено появлением Текинского конного полка. Статные, красивые туркменские аргамаки, высокие и стройные туркмены со своим молодцеватым гордым видом, с красивыми ятаганами в дорогой оправе сразу приковали к себе внимание всей дивизии. Люди из дивизии, влюбленные в наших лошадей и оружие, начали ходить к нам во время стоянки, предлагая большие деньги за жеребцов и ятаганы»⁷⁰.

После непродолжительного отдыха дивизия, с которой временно взаимодействовал Текинский конный полк, стала разворачиваться для атаки на австрийские войска. Хаджиев писал: «...Неприятель, заметив движение вперед целой дивизии конницы, еще больше усилил артиллерийский огонь. Во время исполнения мною приказа моего начальника глазам моим представилась удивительно красивая картина, не исчезнувшая из моей памяти до сего дня. Целых восемь дивизий конных полков в развернутом порядке приближались к полосе пыли. Тысячи сабель в руках всадников, как брильянты сверкали на солнце. Длинная сплошная лента конницы двигалась могучей волной вперед. До этого момента никогда не видавши такого количества конницы в одном месте, я восхищался этой могучей силой. Мне казалось в это время, что оно своей массой может все смести со своего пути и никакой выдержанной пехоте не устоять перед ней»⁷¹.

Эта была последняя боевая операция Текинского конного полка на германо-австрийском фронте. После битвы туркмены охраняли население г. Калуша и г. Станиславово от мародерства дезертиров.

В июле в полк пришла телеграмма от нового командующего армиями Юго-Восточного фронта генерала Корнилова с требованием Текинскому конному полку немедленно прибыть в Каменец-Подольск для несения охранной службы штаба фронта. Генерал Корнилов, с назначением его Верховным главнокомандующим, не ошибся в выборе части для охраны Ставки; по своей службе в Туркестане он знал о высоких моральных и боевых качествах текинцев; говорил на их языке, что производило на них большое впечатление; знал и службу полка еще по 8-й армии. Таким образом, Текинский конный полк стал его личной охраной.

Так завершилось участие туркменских конников в первой мировой войне. Но служба в русской армии на этом не закончилась. Являясь личной охраной генерала Корнилова, туркмены волей-неволей стали участниками так называемого «Корниловского мятежа». После его подавления и ареста Корнилова Текинский конный полк ни на минуту не покинул своего «Великого Бояра». В ноябре 1917 г. полк в количестве 400 всадников вместе с генералом Корниловым из Быхова, где он находился в заточении, ушел на Дон. Многие джигиты либо погибли в лесах Белоруссии и России, либо попали в плен к большевикам. В 1918 г. Текинский конный полк был расформирован в Киеве.

После поражения белых войск, часть джигитов перешла на сторону красных, а оставшиеся в живых офицеры ушли за границу.

В 1920 г. советское правительство Закаспийской области амнистировало всех туркмен — участников белого движения, кроме Ораза Берды Сердара. Вернувшись на родину, кто-то из бывших джигитов пошел служить в Красную Армию, кто-то в милицию, а кто-то зани-

мал ответственные посты в советских органах. Существуют архивное свидетельство о том, что после окончания гражданской войны часть бывших джигитов Текинского конного полка служила в личной охране у Главковерха РСФСР М.В. Фрунзе в Харькове ⁷².

В 20-х — начале 30-х гг. XX в. бывшие туркменские конники, находясь в рядах Красной Армии в качестве командиров взвода, эскадрона и даже полка, а также командуя отрядами районных и окружных отделов милиции, участвовали в подавлении антисоветских восстаний на территории Средней Азии, в том числе и в Туркменистане.

К сожалению, немало бывших джигитов погибло, став жертвами политических репрессий в СССР. Такова краткая история героизма и воинской доблести туркменских кавалеристов, участвовавших в первой мировой войне.

Примечания

1. История Туркменской ССР. Т. 1. Ашгабат. 1957, кн. 2, с. 152.
2. Там же, с. 403.
3. ГУНДОГДЫЕВ О., АННАОРАЗОВ Дж. Текинский конный полк: слава и трагедия. Ашхабад. 1992.
4. ГУНДОГДЫЕВ О. Текинский конный полк. — Вечерний Ашгабат. 18.XII.1991.
5. Кавказ. 30.IV.1885.
6. Кавалерия. Справочная книжка ИГК. СПб. 1914, с. 243.
7. История Туркменистана на рубеже XIX—XX веков и проблемы ее преподавания. Ашхабад. 1997, с. 55—57.
8. Центральный государственный архив Туркменистана (ЦГАТ), ф. и-1, оп. 2, д. 1494, л. 22.
9. СОЛТАНОВ А. Героизм закаспийских туркмен в русской армии. Ашхабад. 2012, с. 28—29.
10. Закаспийская область. Асхабад. 1901, с. 50.
11. Кавалерия, с. 243.
12. ЗВЯГИНЦЕВ В.В. Хронология Русской армии. 1700—1917 гг. Хронологический указатель. Париж. 1962, с. 163.
13. Асхабад. 20.XII.1914, № 316.
14. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 3639, оп. 1, д. 10, л. 11—11об.; д. 17, л. 17—19.
15. Путеводитель по ЦГВИА СССР. М. 1979, с. 627.
16. Асхабад. 14.XII.1914, № 310.
17. РГВИА, ф. 3639, оп. 1, д. 6, л. 5.
18. Там же, д. 8, л. 17.
19. Там же, д. 3, л. 1—4, д. 17, л. 17—19.
20. Там же, д. 17, л. 17—19.
21. Асхабад. 4.II.1915.
22. Там же. 3.VIII.1915, № 206.
23. ЦГАТ, ф. и-1, оп. 2, д. 4027, л. 425—429.
24. Асхабад. 23.XI.1914; Закаспийская туземная газета. 14.XII.1914.
25. РГВИА, ф. 3639, оп. 1, д. 2, л. 142—142об.
26. Асхабад. 30.XI.1914.
27. Там же. 14.XII.1914.
28. Путеводитель по ЦГВИА СССР, с. 627.
29. РГВИА, ф. 3639, оп. 1, д. 23, л. 17—19; д. 18, л. 17—25; д. 22, л. 202.
30. Там же, д. 22, л. 57.
31. ГУНДОГДЫЕВ О., АННАОРАЗОВ Дж. Ук. соч., с. 21.
32. РГВИА, ф. 3639, оп. 1, д. 13, л. 7—7об.
33. Там же, ф. 3639, оп. 1, д. 13, л. 38.

34. Асхабад. 21.II.1915.
35. ГУНДОГДЫЕВ О., АННАОРАЗОВ Дж. Ук. соч., с. 18.
36. РГВИА, ф. 3639, оп. 1, д. 29, с. 40.
37. Асхабад. 17.II.1915.
38. Закаспийская туземная газета. 27.II.1915.
39. Там же. 14.II.1914.
40. Там же. 3.II.1915.
41. Асхабад. 12.II.1916.
42. Там же. 2.V.1915, № 115.
43. РГВИА, ф. 3639, оп. 1, д. 7, л. 12.
44. Закаспийская туземная газета. 23.I.1915.
45. Асхабад. 4.II.1915.
46. Там же. 8.VIII.1915.
47. Там же. 3.VI.1915.
48. РГВИА, ф. 3639, оп. 1, д. 22, л. 57.
49. Там же, д. 22, л. 57; д. 18, л. 25.
50. Закаспийская туземная газета. 23.I.1915.
51. РГВИА, ф. 3639, оп. 1, д. 25, л. 140.
52. Там же, д. 24, л. 41.
53. Там же, д. 23, л. 8.
54. Там же, д. 24, л. 100.
55. Закаспийская туземная газета. 14.XII.1914.
56. ЦГАТ, ф. и-1, оп. 2, д. 4041, л. 156—157; Закаспийская туземная газета. 3.I.1915, № 1.
57. История Туркменской ССР, с. 403.
58. ГУНДОГДЫЕВ О., АННАОРАЗОВ Дж. Ук. соч., с. 28.
59. Доброволец, № 2 (1/2004 г.), с. 22—24.
60. ЦГАТ, ф. и-1, оп. 2, д. 4041, л. 366.
61. ГУНДОГДЫЕВ О., АННАОРАЗОВ Дж. Ук. соч., с. 27—28.
62. ГУЙДЖИЕВ А. Дикая дивизия. Рукопись. 1975, л. 3—4.
63. ХАДЖИЕВ Х. Великий Бояр. Белград. 1929, с. 20—21.
64. Там же, с. 11—12.
65. ЦГАПДТ, ф. 51, оп. 16, д. 80, л. 76.
66. ХАДЖИЕВ Х. Ук. соч., с. 42—44.
67. Там же, с. 46.
68. ЦГАПДТ, ф. 51, оп. 16, д. 480, л. 7.
69. РГВИА, ф. 3639, оп. 1, д. 1, л. 2—3.
70. ХАДЖИЕВ Х. Ук. соч., с. 53—54.
71. Там же, с. 55.
72. ЦГАПДТ, ф. 51, оп. 16, д. 94, л. 1—5.

Уход со сцены Людовика XIV

М.А. Сидоренко

Седьмого февраля 1670 г. в парке королевской резиденции Сен-Жермен-ан-Ле театральный архитектор и декоратор Карло Вигарани соорудил временную декорацию для нового представления в жанре комедии-балета. Пьеса «Блистательные любовники» была написана Мольером и Люлли специально для очередного придворного праздника, к которым за первое десятилетие самостоятельного правления Людовик XIV (1643—1715) приучил свое окружение. Бытность французских придворных в 60—70-е гг. XVII в. невозможно представить без нескончаемой череды празднеств и дивертисментов на открытом воздухе — некоторые из них были взяты за образец для организации увеселений при других европейских дворах и стали слагаемой политической истории не только Франции, но и Европы. Посредством празднеств Людовик XIV общался со своими подданными и иностранными державами (язык символов и образов, к которому прибегал король Франции, впрочем, как и другие европейские монархи, в рамках постановок в жанре придворного балета был хорошо понятен современникам) и создавал новый, до мелочей продуманный общественный образ королевской власти Франции.

Так, Карусель 1662 г. («грандиозный и прекрасный спектакль, который удивил публику ¹ количеством упражнений, новыми костюмами и разнообразными девизами» ²) знаменовала собой рождение первенца в королевской семье и начало самостоятельного правления Людовика XIV. Масштабное празднество во дворе королевской резиденции, построенной по приказу Екатерины Медичи (1519—1589), словно стало завершающей вехой в череде событий предыдущего года: смерть кардинала Мазарини, речь короля на Государственном совете 9 марта, опала сюринтенданта финансов Франции Никола Фуке.

«Забавы волшебного острова» 1664 г. — первое версальское празднество, организованное исключительно для придворных (на него

Сидоренко Максим Анатольевич — кандидат исторических наук, докторант Новосибирского государственного педагогического университета.

были приглашены лишь 600 гостей из числа наиболее приближенных к королю). Посредством самого знаменитого версальского праздника молодой Людовик XIV, во-первых, указал своему окружению на новую хозяйку придворного общества — на свою фаворитку Луизу де Лавальер, с которой уже три года тайно (конечно, насколько это было возможно) встречался. Во-вторых, он продолжил формировать новую культуру жизни и быта французского двора, во многом отличную от времен первых Бурбонов. Двор Людовика XIV, особенно в первую половину самостоятельного правления (с 1661 г. до окончательного переезда двора в Версале в 1682 г.) скорее можно сравнить с двором последних Валуа.

Благодаря последовательной придворной политике Людовика XIV, нацеленной на «одомашнивание» второго сословия, серьезно изменилось положение монарших родственников и королевского окружения. Отныне быть придворным короля Франции означало пользоваться исключительной привилегией развлекаться в его обществе (чего не скажешь о временах Генриха IV (1589—1610) и Людовика XIII (1610—1643), каждый из которых по различным причинам частенько «забрасывал» своих придворных, тем самым толкая их на поиски развлечений в других местах), следовательно, иметь дополнительную возможность снискать его милость и расположение. Балетные постановки, даваемые несколько раз в год, и вовсе делали эту связь еще более тесной и свободной от оков этикета: родственники короля и придворные несколько недель кряду (иногда до двух месяцев) репетировали на одной сцене с монархом, а потом и танцевали с ним. Таким образом, король все больше привязывал придворных к своей персоне. Этим и многими другими приемами Людовик XIV, хорошо запомнивший уроки Фронды (1648—1652), формировал новое придворное общество, подчиненное исключительно монаршей воле, а значит, интересам государства. Обеспечив мир внутри страны, король и его команда смогли сосредоточиться на проведении масштабных реформ и преобразований, сделавших из Франции современное государство и обеспечивших королевству первостепенную роль в европейском ансамбле на несколько десятилетий. Стоит признать, что усилия Людовика XIV, направленные на «одомашнивание» дворянства, увенчались успехом: за 54 года самостоятельного правления был организован всего один заговор против королевской власти — знаменитый заговор шевалье де Рогана (1674).

Премьера «Блистательных любовников» стала вехой в истории не только культурной жизни Великого века, но и Франции как таковой, ее политической жизни. При изучении репрезентативной политики Людовика XIV (стоит признать, что никакой другой европейский монарх не уделял этому направлению своей деятельности так много внимания) исследователи привыкли делить его долгое правление на два этапа, отмечая некую существенную фазу в смене королевского образа³. Кто-то предпочитает делать акцент на 1674 г., когда язык придворных увеселений начал меняться (празднества в парках королевских резиденций, организованные по определенному случаю, уступали место регулярным развлечениям в королевских апартаментах), кто-то — на 1678-м, как на времени апогея культа короля (закончилась шестилетняя война с Голландией, и Людовик XIV принял

от властей города Парижа титул «Великий»). Знаменателен и 1679 г., когда для Зеркальной галереи в Версале мифологическая программа была заменена программой исторической. Аполлон и Геркулес уступили место Людовику XIV. Некоторые специалисты предпочитают 1682—1683 гг., отмеченные закатом эпохи больших празднеств и переездом двора в Версаль, или 1685—1686 гг., когда на главных площадях городов Франции начали возводить статуи в честь короля ⁴. Мы таким поворотным событием в репрезентативной политике Людовика XIV предлагаем считать 1670 г., когда сравнения с Александром Великим становятся не такими частыми, как прежде, и что еще более важно, король заканчивает танцевать в придворных балетах.

Людовик XIV, король-артист, король-танцор, после «Блистательных любовников» больше не участвовал в постановках придворного балета и комедии-балета. А вскоре после ухода монарха со сцены, со сцены ушел и придворный балет. Причем не столько как культурное явление (впоследствии, в годы малолетства Людовика XV, были предприняты попытки возродить этот жанр, правда, разовые и безуспешные), сколько как одно из эффективных средств репрезентации короля и коммуникации монаршей власти с подданными при Старом порядке. Закат эпохи французского придворного балета (она продолжалась без малого сто лет: рождение жанра придворного балета специалисты связывают с постановкой «Комического балета королевы» в 1581 г.) был обусловлен очередной сменой инструментов репрезентации королевской власти. Можно сказать, что именно с этого времени стало заметно преобладание французского Классицизма, вытеснившего итальянское Барокко, из недр которого в XVI в. и вышел придворный балет. Причем данные метаморфозы коснулись не только французской культуры, но и политическую жизнь страны — Людовик XIV пересмотрел подходы к формированию собственного позитивного общественного образа.

Людовик XIV танцевал в придворных балетах и комедиях-балетах без малого двадцать лет (с 1651 г.), за это время в 23 постановках он воплотил на сцене более 60 ролей (однако Людовик был далеко не первым французским монархом, танцующим в балетных постановках: его предшественник, Людовик XIII, тоже любил танцевать на сцене, порой он даже сочинял музыку к балетным постановкам, продумывал хореографию и костюмы). Именно балетные постановки помогли в 50—60-е гг. XVII в. Людовику XIV заложить основу образа, вошедшего в историю, ставшего хрестоматийным и нарицательным. Король-Солнце — для потомков этот монарх лучше всего узнаваем, прежде всего, через это прозвище-клише.

В 1653 г., сразу после Фронды в «Королевском балете ночи» юный Людовик танцевал Восходящее солнце, на следующий год — Аполлона, что в принципе, одно и то же. Однако в 50-е гг. XVII в. у него было множество бурлескных ролей, характерных для буффонадного балета (разновидности придворного балета, популярной во Франции со времен Генриха IV до 1661 г.). Перечислим эти роли, которые никак нельзя назвать «королевскими»: Муза, Пьяный жулик, Вакханка, Фурия, Игра, Страсть, Ярость, Фурия, Дриада, Огонь, Развратник, Гений танца, Безумный дух, Воздыхатель, Развлечение,

Ненависть, Демон, Мавр (дважды), Испанец (на языке того времени — Цыган, дважды), Смех и Юпитер, переодетый Дианой.

Правда, и в первое десятилетие сценической карьеры Людовика XIV среди множества ролей, которые танцевал король, встречались и героические: Рыцарь (1651), Восходящее солнце (1653), уже на следующий год — Аполлон, окруженный музами (первыми дамами королевства), в 1655 г. — Придворный, в 1656-м — Воздыхатель и Плутон, затем — Эолом (1658) и Счастье (1659). И наконец, в 1661 г., накануне Совета 9 марта, Людовик вышел на сцену в образах Великого Влюбленного, «Рыцаря старого закала», богини Цереры и Весны. Получается, что за десять лет на двенадцать бурлескных ролей пришлось одиннадцать благородных и героических. Более последовательный подход к выбору сценических образов наблюдался с 1661 г., после того, как Людовик взял всю полноту власти в свои руки.

Отныне буффонадный балет полностью сменился героическим, и король чаще всего предстал перед подданными в образах богов и героев (Александра ⁵, Нептуна, Рено, Юпитера ⁶, Плутона). Эти роли позволяли ему создавать новый общественный образ французской монархии. С 1661 г. Людовик появлялся на сцене не просто как король-артист, подобно тому, как это делал его отец, который как раз отдавал предпочтение буффонадным ролям, но и как символ, олицетворяющий величие тысячелетней французской монархии — в молодом, атлетически сложенном теле короля и в благородном танце, исполняемом им, воплощалась вся ее крепость, красота и мощь. В этом и заключалось ключевое отличие балетных постановок Людовика XIV от спектаклей Генриха IV и Людовика XIII.

Придворный балет, как одна из разновидностей придворных увеселений, стал для Людовика XIV еще и эффективным инструментом создания удобной ему системы придворного общества. С 1661 г. король безраздельно царил на балетной сцене, выстраивая в рамках этого, прежде всего, репрезентативного пространства подчиненную своим интересам (интересам государства) модель социальных отношений и указывая на нее, как на пример, своему окружению. Сюжетные линии и образы из балетных постановок отражали реалии придворной жизни (зрители-придворные прекрасно понимали эти аллюзии), задавали тон и указывали на то, какие места занимали конкретные персонажи придворного мира.

Какие роли в балетных постановках доставались, например, младшему брату короля? В 1651 г. в «Балете Кассандры» ему доверили лишь роль пажа. Бенсерад объяснил этот скромный выбор тем, что Филипп Анжуйский был тогда слишком юн (на тот момент принцу было чуть больше десяти лет). Однако и в «Королевском балете ночи» (1653), представлении, ознаменовавшем победу королевской власти над Фрондой, он тоже танцевал незначительного персонажа — Автору. Его роль сводилась к тому, чтобы воздавать хвалу брату-королю.

Монарх указал брату на скромное место при его персоне, и он не слукавил. Он, как и другие принцы крови Франции, на протяжении долгого правления Людовика XIV не имел политического влияния, что было непохоже на предыдущие царствования ⁷.

Еще один пример. В первой половине правления Людовика XIV с ролью хозяйки придворного общества блестяще справлялись две

женщины — сначала невестка короля Генриетта Английская (до своей смерти в 1670 г.), затем его фаворитка, маркиза де Монтеспан (скромной и застенчивой Луизе де Лавальер не удалось стать истинной повелительницей придворного общества), красота которой «обращает на себя внимание всех послов»⁸. Помимо яркой внешности, что, безусловно, льстило царственному любовнику, мадам де Монтеспан славилась острым умом и хорошей образованностью (последние качества были присущи всем официальным фавориткам Людовика XIV, за исключением Анжелики де Фонтанж).

О роли, играемой Генриеттой Английской при дворе Людовика XIV, мы можем догадаться по балетным постановкам. В «Королевском балете рождения Венеры» (он был поставлен 26 января 1665 г. в зале Пале-Рояль, следовательно, зрителями данного балета были не только придворные, но и парижане) она вышла на сцену сначала в costume богини Венеры (в первом акте), затем — персидской принцессы Роксаны (во втором акте), причем на сей раз в дуэте с королем. Людовик танцевал Александра Великого, согласно сюжету, женатого на Роксане. Данные роли лучше любых слов указывали придворным и парижанам, жадным до слухов и пересудов, на истинную хозяйку королевского двора. Роксана дарила Александру сына — сюжет балета намекал на то, о чем четыре года назад мечтали король, женатый на блеклой Марии-Терезе, и Генриетта, выданная замуж за нелюбящего ее Филиппа, герцога Орлеанского. Дело в том, что балет был заказан графом де Сент-Эньяном, другом короля (либретто написал Бенсерад, музыку — Люлли, хореографию разработал Бошан, а декорации Вигарани), хорошо знакомым с романтическим увлечением, возникшим между Людовиком и его невесткой летом 1661 года.

Кстати, это был не первый их дуэт на балетной сцене. Двумя годами ранее в «Балете искусств» (авторы те же, с той разницей, что в соавторах у Люлли был Ламбер, а над хореографией помимо Бошана работал и Верпре), который был поставлен 8 января 1663 г. в Пале-Рояле, они тоже танцевали вместе. В первом выходе король предстал перед зрителями в образе пастуха, Мадам — пастушки⁹. Уже тогда на сцене они представляли пару. Кстати, за герцогиней Орлеанской следовало еще четыре пастушки, одну из которых танцевала мадемуазель де Лавальер, на тот момент находившаяся в зените своего фавора. Лавальер, будучи на одной сцене с королем, не танцевала с ним дуэтом (как и в жизни — она была лишь в свите Мадам), в отличие от Генриетты Английской. Тем самым как бы говорилось о том, что между ними не было чего-то особенного (меж тем, через несколько месяцев Лавальер родила королю сына). Данная постановка позволяла монарху указать придворным на свою фаворитку, намекнуть на ее истинное положение при нем, не говоря об этом напрямую. Людовик XIV, в отличие от своего правнука, Людовика XV (1715—1774), вступая в любовные связи, старался соблюдать пускай хотя бы внешние приличия.

Нет никаких сомнений в том, что король участвовал в распределении ролей для придворных балетов.

Что позволяло Людовик XIV на протяжении десяти лет царить на балетной сцене столь же безраздельно, как и в пространстве придвор-

ного мира? Ответ кроется не только в авторитете монаршего титула, но и в том, что Людовик танцевал лучше многих придворных. Танцевальная техника короля могла выдержать даже сравнение с умением профессиональных танцоров того времени. Таким образом, танец, исполненный королем на сцене, сам по себе являлся атрибутом публичного имиджа короля (как и роли, танцуемые им) и эффективным управленческим инструментом королевской власти. С помощью своего танцевального умения король укреплял свой авторитет (как артиста и как правителя) и коммуницировал с подданными.

Крепость тела, здоровье, ловкость, сила, искусство владения оружием — эти качества влияли на авторитет правителя Старого порядка в глазах его подданных. Например, французы любили и почитали «короля-рыцаря» Франциска I (1515—1547) и любвеобильного «короля-повесу» Генриха IV — оба монарха выказали себя сильными и состоявшимися воинами, дворянами и мужчинами (даже наличие большого количества любовниц способствовало укреплению авторитета короля; другое дело, что, например, Людовик XV вел откровенно скандальный образ жизни, что, напротив, вредило ему). В эпоху Барокко к списку королевских добродетелей добавилось и умение танцевать, грациозно двигаться, что демонстрировали Людовик XIII и его сын, выходя на балетную сцену. Ведь представления придворных балетов ставились в парижских театральных залах перед тысячами зрителей.

Но Людовик XIV в отличие от своего меланхоличного и убегающего от придворного общества предшественника оставался королем-артистом и вне сценического пространства. Такое любопытное наблюдение сделал венецианский посол Прими Висконти: «На публике он (Людовик XIV. — М.С.) полон важности и очень отличается от того, каков он в частной жизни. Находясь в его покоях с другими придворными, я много раз замечал, что если двери случайно растворяются или он собирается выходить, он тут же сочиняет позу, и фигура принимает иное положение, как если бы он готовился появиться на публике; в общем, он хорошо знает, как играть короля во всем»¹⁰.

При французском дворе Висконти жил с 1673 по 1683 г., следовательно, он знал Людовика в то время, когда тот уже оставил балетную сцену. Однако мы могли бы сказать, что посол писал о манере поведения, свойственной скорее актеру, готовящемуся выйти на сцену, или публичному человеку эпохи Барокко. Стоит заметить, что далеко не каждый монарх или политический деятель XVI—XVIII вв. был столь же щепетилен и последователен в формировании своего публичного имиджа, как Людовик XIV. Вряд ли этот монарх, стремившейся ко всему *идеальному*, танцевал бы на балетной сцене, не будучи уверенным в том, что он лучший.

Танец выполнял для Людовика XIV двойную роль. С одной стороны, он позволял королю демонстрировать французам свою блестящую физическую форму и грацию; с другой стороны, благодаря постоянным и столь частым занятиям танцами, монарх продолжал оттачивать и совершенствовать эти важные для человека того времени способности. Танец, подобно другим физическим упражнениям (верховой езде и тренировкам в овладении оружием), закалял и формировал тело: еще в эпоху Возрождения писали о том, что танец позволял не только сформировать тело, но и помочь ему быть гармоничным с духом¹¹.

Что может послужить доказательством прекрасной танцевальной техники Людовика XIV? До нас дошло множество свидетельств из официальных источников: во-первых, стихи Бенсерада, который восхищался танцевальным мастерством короля; во-вторых, газета в стихах «La Muse historique» Жана Лоре, который тоже не скупился на похвалы в адрес короля-танцора.

Потом — в Балете короля
Был сам владыка, как обычно,
Блестящ, величествен, умен,
Высок, одет, как бог, и смел.
Он танцевал три разных роли ¹²

Негативное отношение Людовика XIV к лести и пустой похвале дает понять, что Лоре и Бенсерад вряд ли могли позволить себе опуститься до нее. «Не отдавайте больше предпочтения тем, кто вам льстит», — советовал Людовик своему внуку Филиппу Анжуйскому, ставшему в 1700 г. королем Испании ¹³. То, что мы порой принимаем за лесть, — не более чем привычный для эпохи Барокко стиль общения, особенности частной переписки и передачи информации. Поэтому любой заслуженный, но, на наш взгляд, высокопарный комплимент современника в адрес короля (говорится о танце или о чем-нибудь другом, не важно) нами, людьми XXI в., зачастую воспринимается как грубая лесть и угодничество.

Но справедливости ради стоит представить и другие доказательства, помимо хвалебных отзывов Лоре и Бенсерада, в искренности которых мы не сомневаемся. В пользу блестящей танцевальной техники Людовика XIV свидетельствуют и другие источники: например, воспоминания современников, которых вряд ли можно упрекнуть в заискивании перед монархом, так как многие мемуаристы того времени писали «в стол». Танцевальное умение Людовика высоко оценивал Сен-Симон: по его словам, король «превосходно танцевал». Любопытно и другое наблюдение герцога: «Он всегда держался величественно, ... поступь его, осанка, все поведение вплоть до малейшего жеста были обдуманно, благопристойны, благородны, возвышенны, величавы» ¹⁴. В данном замечании нет чего-то удивительного, ведь мемуарист описывал походку и манеры человека, который двадцать лет усердно занимался танцами.

Слава Людовика XIV-танцора даже вышла за пределы Франции. Например, экс-королева Швеции Кристина, страстная любительница театра, музыки и придворного балета, которая сама много раз выходила на балетную сцену, посетив Францию в 1656 г., хотела непременно посмотреть на то, как танцует 18-летний король. Ее мечта сбылась, правда, с небольшой задержкой ¹⁵: Кристина увидела Людовика, танцующего на сцене лишь в феврале 1658 г., во время второго визита во Францию ¹⁶. В «Балете Альсидьяны» король танцевал сразу четыре роли.

В 60-е гг. XVII в. хореография балетных постановок претерпела серьезные изменения, которые свидетельствуют в пользу умения короля-танцора.

До 1661 г. Людовик XIV чаще всего выходил на сцену не один, а с партнерами, или в составе танцевальной группы, таким образом,

коронованный танцор не всегда выделялся среди своих товарищей по сцене. Но уже в «Балете сезонов» (23 июля 1661 г.) у короля было сразу несколько сольных выходов. Всего несколько месяцев назад умер кардинал Мазарини и Людовик заявил своим министрам и государственным секретарям о том, что намерен править самостоятельно. То, что монарх хотел сказать посредством придворного балета, гармонично вписанного в программу увеселений и празднеств, организованных королем в Фонтенбло, можно приравнять к королевским эдиктам, послушаться или пренебречь которыми было преступлением для подданных.

Попытаемся ответить на вопрос: насколько часто публика 50—60-х гг. XVII в. (не важно, придворная или парижская) могла лицезреть Людовика XIV, танцующего сольные партии. Этим вопросом не так давно задалась специалист по французскому Барокко Ребекка Харисс-Уоррик в статье «Людовик XIV и танец». Мы уже подчеркнули, что в балетах до 1661 г. король чаще танцевал в составе группы от трех до четырнадцати человек, зачастую одетых в одинаковые сценические костюмы (иногда и с масками на лицах). «Была ли вообще возможность отличить короля от остальных танцоров, когда он выходил в составе такой группы? — спрашивает исследователь. — Например, в «Балете удовольствий» 1655 г. Людовик XIV танцевал одного из десяти Египтян»¹⁷.

По нашему мнению, внимание зрителей в любом случае концентрировалось на короле, даже если он танцевал в составе группы. Иначе и быть не могло: если монарх был на сцене (пускай даже и с маской на лице), то подданные в первую очередь смотрели на него, они находили его, отличали от остальных. Если поискам не способствовал рисунок танца или костюм (они не всегда позволяли отличить монарха от других танцоров), то на помощь приходило либретто, которое обязательно указывало зрителю на Людовика XIV, даже если он выходил на сцену в составе танцевальной группы. Таким образом, король, танцую одно из шести сумасбродных настроений, одного из восьми мавров, одну из четырех игр, одну из двенадцати дриад, все равно был определен зрителями. Но при этом он все-таки оставался одним из членов танцевальной группы, из чего можно заключить, что в 50-е гг. XVII в. Людовик XIV не доминировал на сцене, как зачастую поступал и его отец. На короля указывали стихи Бенсерада, но он не господствовал на сценическом (а значит и репрезентативном) пространстве. Впрочем, это отражало реальное положение дел не только при французском дворе того времени, но и в политической системе королевства в целом. Истинным правителем Франции с 1653 по 1661 г. был кардинал Мазарини.

Еще одно доказательство мастерства Людовика-танцора мы видим в том, что он пользовался высокой степенью уважения среди людей театра, в частности среди актеров труппы Мольера (с ними он порой делил сцену). Природа этого уважения кроется не в отношениях монарха с подданными, зрителя с актерами, мецената с артистами. Речь скорее идет об уважении, которое испытывали друг к другу люди одной профессии, занятые одним делом. Актеры Мольера видели в Людовике XIV не дилетанта, не монарха, который выходил на сцену забавы ради, а своего человека, настоящего профес-

сионала сцены, они чувствовали, что имеют дело с истинным человеком театра ¹⁸.

Людовик XIV был не менее уважаем и среди музыкантов, архитекторов, художников своего времени. Король выказал себя блестящим знатоком этих областей искусства, но только в теории. Он хорошо играл на гитаре и пел, но вряд ли мог соперничать с такими монархами-меломанами, как его отец и Фридрих II; однако его музыкальный вкус и слух высоко ценили профессиональные музыканты. Король, например, участвовал в конкурсе 1683 г., выбиравшим четырех капельмейстеров (*sous-maitres*) королевской капеллы и сам сделал окончательный выбор, который оказался наилучшим ¹⁹. Что касается танцевального искусства, то в этой области Людовик был практиком, мастерство которого не уступало профессиональным танцорам. Суммируя все вышесказанное, можно сделать вывод, что Людовик XIV был великолепным танцором и артистом, который даже свой уход с балетной сцены обставил как истинный человек театра.

Мы не склонны верить в миф о том, что Людовик XIV покинул балетную сцену, устыдившись параллели между собой и Нероном, которую он якобы углядел в стихах Расина ²⁰.

Сам Расин, «ярчайший выразитель прогрессивных сторон абсолютистской культуры» ²¹, не позволяет поверить в правдивость этого анекдота. Будучи одним из любимых авторов короля, он являлся панегиристом и ревностным обожателем Людовика XIV, получавшим от него приличную пенсию ²². Главный драматург Великого века не мог помыслить о параллели в своем творчестве между Людовиком и Нероном, которого Расин рисовал в «Британике» исключительно черными красками: «Само имя Нерона уже означает нечто превосходящее обыкновенную жестокость» ²³.

Французский историк Ф. Боссан связал уход Людовика из придворного балета, прежде всего с тем, что король, будучи истинным профессионалом, хотел «попрощаться со сценой как раз тогда, пока не станет слишком поздно» ²⁴. Исследователь убежден, что к 1670 г. танцевальная техника 32-летнего монарха достигла своего предела, и король, понимая это, принял решение оставить сцену. В пользу этой версии свидетельствуют записи, сделанные Антуаном Валло, главным медиком короля в 1670 году. Валло писал, что в январе и феврале 1670 г., Людовик был очень занят репетициями балета, тогда же состояние его здоровья резко ухудшилось ²⁵. Боссан подчеркивает, что «танец Нептуна и тем более Аполлона в финале должны были быть большими виртуозными номерами: эти героические танцы были, несомненно, очень трудны, но на протяжении многих лет король и не танцевал никаких иных». Однако историк заблуждается, говоря, что «Король-Солнце больше не танцует и не танцует уже никогда» ²⁶. Это касается лишь придворного балета, но если говорить о танцах вообще, то это не совсем верно. После того, как Людовик XIV покинул балетную сцену, он танцевал еще на протяжении девяти лет на балах. «Король повел королеву и удостоил общество, протанцевав три или четыре куранты, затем удалился в Лувр со своей обыкновенной свитой», — подметила мадам де Севинье, описывая бал, прошедший в особняке Гизов в феврале 1671 г. ²⁷, спустя год после «Блистательных любовников».

Последнее появление танцующего Людовика на публике историки датируют сентябрем 1679 года. Это произошло на балу, данном в честь брака его племянницы Марии-Луизы Орлеанской с королем Испании Карлом II ²⁸. С этого момента король действительно больше не танцевал. Получается, что тот же Сен-Симон не мог видеть, как танцует Людовик (свои «Мемуары» он начал писать в 1691 г., только попав ко двору). Меж тем мы уже приводили его слова о танцевальных способностях короля: «превосходно танцевал» ²⁹ — еще одно доказательство того, что в молодости король был великолепным танцором, иначе об этом не говорили бы столь уверенно спустя много лет.

Но что собой представлял бал времен Людовика XIV? Сразу скажем, что он не был тем стихийным танцевальным марафоном, к какому мы привыкли, говоря о XIX в., когда дамы и кавалеры танцевали с партнерами, wybranными по своему желанию. Безусловно, и в позапрошлом столетии существовали свои условности и правила, однако балы того времени коренным образом отличались от балов XVII—XVIII веков.

При дворе Людовика XIV бал, как и балет, представлял собой поистине театральное зрелище со своими строгими правилами и законами, сценарием и мизансценами, со своими актерами, зрителями и режиссером-постановщиком. Последним, как и в придворном балете, был король, который четко, согласно строгой иерархии и политическому контексту, заранее распределял роли. Бал, как и придворный балет, был еще одной наглядной иллюстрацией подчинения обитателей придворного мира королю, моделью придворного этикета в миниатюре. Балы последней трети XVII в. сильно отличались от балов первой половины столетия: при Людовике XIII они еще не имели такого великолепия, не были подчинены правилам придворного церемониала и строгому этикету ³⁰.

При Людовике XIV для многочисленных зрителей (часто их число было ограничено, за чем король порой следил сам ³¹) театрального действия, коим являлся бал, в дворцовой зале возводились трибуны в несколько ярусов — если помещение позволяло, то с четырех сторон, если нет — то с трех ³². Такое временное сооружение можно увидеть на рисунке Израэля Сильвестра, изображающего придворных, танцующих бранль в Большой приемной Лувра в 1662 году ³³. Одеты танцующие в причудливые карнавальные костюмы с богатой отделкой из лент и с множеством перьев на головах, что делает зрелище схожим с придворным балетом (отсутствие театральных декораций возмещало парадное убранство залы ³⁴). Если придворные надевали на бал светское платье, то оно обязательно отличалось от повседневного костюма особой пышностью: «Бал блистал великолепием, а гости щеголяли в новых, специально к этому балу заказанных туалетах», — писал Сен-Симон о бале 1697 г. в Версале ³⁵.

Даже после своего окончательного отказа от танцев Людовик XIV, словно ностальгируя по прошедшей юности, попросил Лебрена создать Бальную залу в Версальском парке (1680). «В боскете, имеющем форму амфитеатра, танцовщики двигаются по арене, на которую ведут четыре мостика, переброшенные через канал» ³⁶. Можно сказать, что таким образом король продолжил традицию придворных дивертисментов на природе ³⁷. Идею сооружения этого боскета Ленотру

наверняка подсказал более ранний образец: для «Большого королевского дивертисмента» 1668 г. в садах Версаля была сооружена временная Бальная зала, спроектированная Лево. В длину она имела 19,5 м, а в высоту — 15,5 метра. Раскраска временного сооружения (залу создали для одного праздничного вечера) имитировала мрамор и порфир, в оформлении были задействованы живая зелень, плоды апельсиновых деревьев и цветы. С «лазуритового» потолка, украшенного золотыми солнцами и королевскими лилиями, свисали 32 люстры, в каждой из которых было по 12 свечей. Свечи горели и в нишах по стенам залы, где были сооружены высокие трибуны с 26 креслами в каждой, там сидели зрители и смотрели на танцующие пары, словно на балетное представление. Между ложами на пьедесталах, из которых струилась вода, возвышались восемь статуй, изображающих музицирующих женщин. Фонтаны били и в глубоких гротах, где размещались музыканты. Некоторые фонтаны были украшены золотыми скульптурами — Арион на дельфине, окруженный нимфами Орфей на скале, раздираемая тритонами маска морского чудовища. Перетекшая из одного бассейна в другой, вода уходила в два прорытых вокруг павильона канала, где было устроено множество водоемов. Шум воды приятно перемешивался со звуками музыки³⁸. Бальная зала 1668 г. была самой настоящей театральной декорацией, в которой придворные придавались танцам. В 1678 г. была отпечатана серия эстампов Лепотра, изображавших красоты празднества 1668 г., среди которых был и рисунок с бальной залой³⁹.

Таким образом, перестав танцевать в постановках придворного балета, король еще несколько лет танцевал в окружении своих придворных на балах. Эти танцевальные вечера-спектакли также давали монарху возможность управлять придворным обществом: одних он расставлял в пары, другим предписывал занять места на зрительных трибунах. Балы были в каком-то смысле «облегченным» вариантом демонстрации танцевальных способностей короля и придворных, так как бальные танцы не требовали сложной техники, необходимой при исполнении балетных партий, которые отныне стали уделом профессиональных танцоров.

Однако мы считаем, что уход Людовика XIV со сцены объясняется не только тем, что его танцевальная техника достигает своего предела. Не стоит забывать, что король с исключительной скрупулезностью относился к сотворению своего общественного образа, чему немало способствовали и балетные постановки. Следовательно, и уход с балетной сцены стоит рассматривать с точки зрения репрезентации королевской власти⁴⁰.

Прежде всего, любопытен выбор жанра спектакля, сделанный королем: для своего последнего появления на сцене он выбирает не придворный балет, а комедию-балет, написанную исключительно для придворной публики (Мольер не стал печатать текст и играть эту пьесу в театре Пале-Рояля⁴¹). «Блистательные любовники» были поставлены лишь дважды в саду Сен-Жермен-ан-Ле: 7 и 14 февраля 1670 года. Причем король танцевал только в день премьеры, затем на сцене его заменили граф д'Арманьяк и маркиз де Вильруа.

Сюжет «Блистательных любовников» Людовик XIV выбрал сам, о чем свидетельствует Мольер: «Король, не допускающий в своих

затяха ничего заурядного, вздумал устроить при дворе такой дивертисмент, в состав которого входило бы все, что может дать театр; и вот для того, чтобы связать в одно целое столько разнообразных вещей, он выбрал сюжетом похождения двух принцев-союзников, которые, ведя сельский образ жизни в Темпейской долине, где готовится празднество пифических игр, наперерыв осыпают некую юную принцессу и ее мать всеми любезностями, какие они только в состоянии придумать»⁴².

Людовик, приглашая придворных на очередные увеселения в Сен-Жермен-ан-Ле, захотел предложить им насладиться двойным праздником, точнее одним, находящимся в рамках другого. По сути, придворные, задействованные в представлении, как никогда ранее играли себя же, перенося на сцену не только отдельные реалии, но и законы придворного общества. Это был своего рода «тотальный театр» (Антуан Арно)⁴³. Зрелище исключительной красоты. В первой интермедии Людовик XIV танцевал Нептуна. «Сцена открывается под приятные звуки инструментальной музыки и представляет взору широкое море, ограниченное восемью большими скалами — по четыре с каждой стороны; на вершинах скал, в виде божеств, при соответственных атрибутах, восемь рек. У подножия каждой скалы — по двенадцать тритонов, посреди моря — четыре амура на дельфинах, а за ними бог Эол, поднимающийся над волнами на маленьком облаке. Эол приказывает ветрам удалиться, и, пока амуры, тритоны и реки отвечают ему, из воды поднимается остров. Восемь искателей жемчуга и кораллов выходят с добычей из морской глубины и после красивого танца располагаются на скалах, ниже рек. Музыка возвещает появление Нептуна; искатели, тритоны и реки аккомпанируют танцу бога и его свиты соответственными телодвижениями и постукиванием раковин. Весь этот спектакль устроен на море одним из принцев для прогуливающейся принцессы и ее матери»⁴⁴.

Образ Нептуна был выбран в 1670 г. не случайно: он был нагружен репрезентативным смыслом, отображающим агрессивную внешнюю политику Франции в тот момент. В 60-е гг. XVII в. Кольбер активно работал над созданием военного и торгового флота Франции. В 1661 г. флот королевства находился в плачевном состоянии: десяток недостроенных линейных кораблей, несколько прогнивших флейтов и галер; к 1671 г. французский флот уже насчитывает 194 военных корабля, 119 из которых — линейные корабли, а 22 — фрегаты⁴⁵. Он основал торговые компании (в 1664 г. — Ост-Индскую, в 1669 г. — Северную, годом позже — Левантийскую, а в 1673-м — Сенегальскую), строился канал Двух Морей (1666—1681). Франция всячески выказывала свою готовность потеснить на море две главные морские державы того времени — Англию и Голландию (Испанию в расчет уже не принимали, так как ее время морского и военного могущества миновало). Что касается Голландии, то Людовик XIV уже в 1670 г., за два года до начала войны с ней, активно искал союзников: в июне этого года было подписано тайное соглашение с Англией, а за несколько месяцев до этого Людовик XIV предстал перед своим окружением и иностранными послами в образе Нептуна — владыки морской стихии.

Что за картина перед нами!
Нептун, великий бог, с подвластными богами,
Почтить нас пожелал присутствием своим!⁴⁶

Слова, вложенные в его уста, звучали как угроза в адрес потенциального противника Франции — Голландии. Данный пример наглядно показывает, что Людовик XIV использовал балетные постановки не только в качестве средства коммуникации со своими подданными, но и как канал общения с внешнеполитическими противниками или союзниками. Можно даже сказать, что так король усиливал эффект, созданный благодаря другим видам искусства и средствам репрезентации королевской власти. В 60-е гг. XVII в. версальский парк уже претерпел большие изменения, значение этой резиденции с каждым годом продолжало возрастать. Был создан первый Большой канал, который заполнился самым настоящим военным флотом в миниатюре. Многократно увеличилось количество боскетов и бассейнов — так король указывал на право Франции господствовать на воде.

В образе Нептуна из «Блистательных любовников» виден отсыл и к главному репрезентативному образу Людовика XIV — Солнцу.

Морской бог в исполнении короля наделялся характеристикой главного небесного светила: «постоянен Нептун». Наглядный пример того, как Людовик сумел подчинить своим интересам, следовательно, интересам государства, античную мифологию: прибегая в создании нового образа королевской власти во Франции к материалу мифов древних греков и римлян, в отличие от своих предшественников он не цитировал его дословно, а видоизменял в соответствии с собственными интересами.

Зная, сколь большое значение Людовик XIV придавал солнечной тематике, трудно представить, что его последняя роль на балетной сцене могла бы быть какой-то иной. Можно сказать, что Людовик начал свою танцевальную карьеру с образа Восходящего солнца — «Королевский балет ночи» знаменовал победу над Фрондой, следовательно, начало «истинного» правления короля-отрока. Поэтому закономерно, что именно роль Солнца, точнее Аполлона, стала логичным завершением карьеры короля-танцора, которая длилась без малого двадцать лет. Именно в этом образе Людовик и захотел остаться в памяти придворных. В последней шестой интермедии «Блистательных любовников» король выходит на сцену в костюме солнечного бога. «Аполлон под звуки труб и скрипок входит через портик в предшествии шести юношей, несущих лавры, обвитые вокруг древка, и сверх этого солнце — с королевским девизом в виде трофея. Юноши передают трофей шести сикироносцам и начинают, с Аполлоном во главе, героический танец. К которому присоединяются, каждая группа по-своему, шесть трофееносцев, четверо вооруженных мужчин с барабанами, в то время как шесть трубачей, литаврист, жрецы, жрицы, хор и оркестр аккомпанируют всему этому то порознь, то вместе. Этим и кончается праздник Пифических игр и вообще весь дивертисмент»⁴⁷.

Специально для короля Франции, который готовился к следующей военной кампании, златокудрый бог-пастух и врачеватель, чей образ традиционно связывали с покровительством наукам и искусст-

вам, наделялся чертами, скорее характерными для бога Марса. Лиру Аполлона заменили трубы и литавры — инструменты военных оркестров. Вместо привычных нимф, обычно сопровождавших солнечного бога, на сей раз его свитой стали мужчины с барабанами и трофеями. Такого Аполлона Мольер мог создать только по воле Людовика XIV.

Посредством балетной постановки Людовик XIV в последний раз обращался к своему окружению. Король в очередной раз озвучил программу своего царствования. Он с уверенностью мог сказать: «Я света всякого источник!» К 1670 г. у короля не осталось оппозиции при дворе: лишь принцу Конде, который большую часть времени проводил в своем имении Шантийи, позволялось щедро выплачивать пенсии писателям и артистам (и то, это не могло сравниться с меценатством Фуке), но в его покорности королю на тот момент уже никто не сомневался. Что до остальных (и Конде включительно), то лучше Мольера здесь не скажешь:

Как ни блещут во тьме ночей
Весь мир чарующие звезды,
Их блеск не в них, то блеск могучий
Моих немеркнущих лучей!

Принцы и герцоги, маркизы и бароны — отныне все они были лишь верными спутники Короля-Солнце. В данном контексте это прозвище лучше всего прочего характеризует место, которое занял Людовик XIV в придворном обществе. Его наследники, не придававшие такого же большого значения придворной политике и не посвящавшие ей столько времени и сил, уже не были такими яркими светилами во вселенной придворного мира.

Куда наш бог, хозяин наш бесценный,
Туда и я — всегда уж на виду, —
И за него, зажмурив очи,
В огонь и в воду я пойду!⁴⁸

В словах маркиза де Вильеуа заключался смысл существования представителей благородного сословия во Франции в последней трети XVII — начале XVIII века. Людовик XIV приручил французскую знать, он перевоспитал ее, сделал из этих потомков лигистов и фрондеров покорных придворных, которые больше не мыслили себя иначе, как на службе *своего* короля. Отныне лишь король был для них единственным источником милостей и благ.

В 1670 г. Людовик XIV понял, что придворный балет больше не мог нести такую же репрезентативную нагрузку, как в предыдущие двадцать лет. По нашему мнению, это стало главной причиной исчезновения жанра придворного балета — королевская власть больше не нуждалась в подобном типе зрелищ как в средстве своей репрезентации. За десять лет до этого, 26 августа 1660 г., состоялся последний торжественный въезд короля Франции в город: Людовик XIV возвращался в Париж с новой королевой, которая принесла королевству внешнеполитический мир. В последующем монархи Франции больше не прибегали к этому способу репрезентации, характерному для

эпохи Возрождения. Можно сказать, что на тот момент он себя исчерпал. Поколение танцующих придворных сменилось поколением придворных-зрителей. Король постепенно переместил свое окружение со сцены в зал, воспитывая в них истинных театралов и тонких ценителей. Взамен он предложил им новый королевский жанр и новый инструмент репрезентации своей власти — музыкальную трагедию, которая, восхваляя короля, взяла на вооружение приемы и образы, проработанные и прописанные в придворном балете.

В операх Люлли и Кино Людовик XIV также отождествлялся с богами и героями Древности, и там он был Солнцем и Аполлоном. Эти образы-ключи, созданные во многом благодаря балетным постановкам, стали стержнем последующего этапа репрезентативной программы Людовика XIV, которая была реализована посредством архитектуры, живописи, скульптуры и т.п. Вторая половина правления Людовика Великого — время, когда в Париже и других крупных городах королевства устанавливались конные статуи короля, а близ столицы строился Версаль, которому вскоре было предназначено стать новым центром королевской власти во Франции.

Примечания

1. Манеж, на котором было разыграно действие в жанре конного балета, был окружен трибунами, вмещавшими до 15 тыс. зрителей.
2. LOUIS XIV. Mémoires. Maniaère de montrer les jardins de Versailles. Paris. 2007, p. 171.
3. См. например: ЯМПОЛЬСКИЙ М. Физиология символического. Кн. I. Возвращение Левиафана: Политическая теология, репрезентация власти и конец Старого режима. М. 2004; APOSTOLIDAËS J.-M. Le roi-machine. Spectacle et politique au temps de Louis XIV. Paris. 2008; BURKE P. Louis XIV. Les stratégies de la gloire; traduit de l'anglais. Lonrai. 2007; MARIN L. Le portrait du roi. Paris. 2010; NÉRAUDAU J.-P. L'Olympe du Roi-Soleil: Mythologie et idéologie royale au Grand Siècle. Paris. 1986; SABATIER G. Le prince et les arts: Stratégies figurative de la monarchie française de la Renaissance aux Lumières. Lonrai. 2010.
4. BURKE P. Op. cit., p. 13.
5. Один из главных образов, с которыми современники ассоциировали Людовика XIV. Александр присутствовал в творчестве Расина. Своего Людовика-Александра создал Лебрэн, который с 1660 г. начал работать над целым культурно-политическим проектом — серией картин, посвященных истории Александра Великого — еще одной возможностью прославить Людовика XIV. Александра, которого мы видим на полотнах Лебрэна, не стоит сравнивать с его историческим прототипом, равно как и Александра Расина. Все это репрезентативные аватары Людовика XIV.
6. С Юпитером королей Франции ассоциировали со времен Возрождения. Например, по заказу коннетабля Анн де Монморанси Леонар Лимозен нарисовал групповой портрет королевской семьи, на котором Генрих II предстал в образе Юпитера. NÉRAUDAU J.-P. Op. cit., p. 99.
7. Известно, что младшие братья королей Франции предыдущих поколений славились своим частым участием в заговорах. Еще свежи были воспоминания о заговорах Гастона, герцога Орлеанского (1608—1660), младшего брата Людовика XIII.
8. Цит. по: BERTIÈRE S. Les Raines de France au temps des Bourbons: Les femmes du Roi-Soleil. Paris. 1998, p. 229.
9. Ibid., p. 153—154.
10. Цит. по: БОССАН Ф. Людовик XIV, король-художник. М. 2002, с. 107.

11. ROUCHER E. Entre le bel estre et le paroistre: la danse au temps de Louis XIII. Regards sur la musique: Au temps de Louis XIII. Textes réunis par J. Duron. Wavre. 2007, p. 84.
12. Цит. по: БОССАН Ф. Ук. соч., с. 29.
13. LOUIS XIV. Instructions au duc d'Anjou (1700). Louis XIV. Mémoires. Manière de visite les jardins de Versailles. Paris. 2007, p. 337.
14. СЕН-СИМОН, герцога де. Мемуары: Полные и доподлинные воспоминания герцога де Сен-Симона о веке Людовика XIV и Регентстве. Т. II. М. 1991, с. 199.
15. ГРИГОРЬЕВ Б. Королева Кристина. М. 2012, с. 326, 243.
16. GRANDE MADEMOISELLE, le. Mémoires. Paris. 2005, p. 431.
17. HARRIS-WARRICK R. Louis XIV et la danse. Le prince et la musique: Les passions musicales de Louis XIV. Textes réunis par J. Duron. Wavre. 2009, p. 117—137.
18. Даже свою смерть Людовик XIV срежиссировал как настоящий спектакль. «Я жил среди моих придворных, я хочу умереть среди них», — сказал он на смертном одре, что вполне в духе человека театра. Мольер тоже играл до последнего момента своей жизни. ДЕШОДТ Э. Людовик XIV. М. 2011, с. 274.
19. БОССАН Ф. Ук. соч., с. 184.
20. Впервые эта версия была рассказана сыном Расина Людовиком в его «Воспоминаниях о жизни Жана Расина», которые он издал вместе с сочинениями своего отца в сентябре 1707 года. NÉRAUDAU J.P. Op. cit., p. 142. При этом он сослался на одно из писем Буало. Свою лепту в укоренение этой легенды внес и Вольтер, сказав, что «поэт преобразовал монарха». VOLTAIRE. Le Siècle le de Louis XIV. Paris. 2005, p. 607.
21. МОКУЛЬСКИЙ С. Расин. К 300-летию со дня рождения. Л. 1940, с. 24.
22. В 1668 и 1669 гг. пенсия создателя знаменитой «Андромахи» возросла до 1200 франков.
23. РАСИН Ж. Британик. РАСИН Ж. Сочинения. Т. I. М. 1984, с. 271.
24. БОССАН Ф. Ук. соч., с. 143.
25. VALLOT, DAQUIN, FAGON. Journal de la santé de Louis XIV. Grenoble. 2004, p. 168.
26. БОССАН Ф. Ук. соч., с. 143, 145.
27. СЕВИНЬЕ, мадам де. Письма. СПб. 2012, с. 49.
28. HARRIS-WARRICK R. Op. cit., p. 128.
29. СЕН-СИМОН, герцег де. Ук. соч., с. 199.
30. ROCHE E. Op. cit., p. 101.
31. «Из-за огромного скопления гостей в зале царил невыносимая сутолока и неразбериха. Король был очень недоволен. Даже Месье помяли и побили в этой давке, так что можно себе представить, каково пришлось остальным, — пишет Сен-Симон о первом бале, данном в честь свадьбы герцога Бургундского в 1697 г. в Зеркальной галереи. Зато во время второго бала, который состоялся через несколько дней, вход в галерею строго контролировался: «В этот раз месье д'Омон оказался на высоте: во всем царил безупречный порядок». СЕН-СИМОН. Мемуары. 1691—1701. М. 2007, с. 351.
32. Сохранилось несколько планов бальных залов, на которых видно, как располагались трибуны для зрителей, какие места были отведены Людовику XIV и членам королевской семьи, где находились музыканты и танцующие пары. Один план, например, был разработан специально для двух балов в честь свадьбы герцога Шартрского в феврале 1692 года. Местом их проведения стал салон Марса, традиционная бальная зала в Больших апартаментах короля. Le prince et la musique: Les passions musicales de Louis XIV. Wavre. 2009, p. 131. Еще один план позволяет понять, какие изменения претерпевала Зеркальная галерея, когда там проводили балы. Этот план, схожий с первым, был разработан для двух балов в декабре 1697 г., данных в честь свадьбы герцога Бургундского. Центральные зрительные места отводились для кресел короля и членов монаршего семейства (расстановка зрительных мест мало чем отличалась от той, которую мы видим в театре того времени), для остальных были сооружены трибуны. Ibid., p. 133.).
33. SILVESTRE I. Branle dans la Grande Antichambre, au Louvre, 1662. Le prince et la musique: Les passions musicales de Louis XIV. Wavre 2009, p. 134.

34. В придворных балетах сказочные дворцы являлись одним из излюбленных сюжетов для декора.
35. СЕН-СИМОН. Мемуары. 1691—1701, с. 352.
36. СОЛЬНОН Ж.-Ф., СЕССОЛЬ Б. де, ВАЛУА Ф. Версаль. М. 2007, с. 196.
37. Конец эпохи придворных празднеств на природе традиционно связывают с окончательным переездом двора в Версаль (1682). Их сменили размеренные и более частые увеселения в Больших апартаментах короля.
38. РАКОВА А.Л. Версальские праздники Короля-Солнце. СПб. 2004, с. 9.
39. LE PAULTRE J. Le grande Divertissement Royal donné par Louis XIV à Versailles, le 18 juillet 1668. Le prince et la musique: Les passions musicales de Louis XIV. Wavre. 2009, p. 132.
40. Все последующие попытки возродить придворный балет, в частности в годы правления юного Людовика XV, вряд ли можно рассматривать с точки зрения проведения последовательной репрезентативной политики королевской власти.
41. МОРИ К. Мольер. М. 2011, с. 250.
42. МОЛЬЕР. Блистательные любовники. МОЛЬЕР. Полн. собр. соч. М. 2009, с. 820.
43. БОССАН Ф. Ук. соч., с. 140.
44. МОЛЬЕР. Ук. соч., с. 821.
45. ПТИФИС Ж.-К. Людовик XIV. Слава и испытания. СПб. 2008, с. 138.
46. МОЛЬЕР. Ук. соч., с. 822.
47. Там же, с. 856.
48. Там же, с. 857.

Маскат (Маскут) — политическое образование Восточного Кавказа

М.Р. Гасанов

В раннем средневековье на территории Восточного Кавказа возникли различные политические образования, одним из которых был Маскат (Маскут). Прошлое этого владения представляет интерес для истории Кавказа, однако имеющиеся письменные источники весьма скудны и малочисленны, а археологические исследования на территории, входившей в это политическое образование, специально не проводились.

Следует отметить, что отдельные исследователи при освещении тех или иных тем истории Восточного Кавказа затрагивали и некоторые вопросы, связанные с Маскатом. Согласно сведениям раннесредневековых источников, страна, где обитали ираноязычные маскуты — кавказские массагеты — находилась на территории прикаспийского побережья современных Дербентского, Кусарского и Дивичинского районов, Апшерона и Муганской равнины Азербайджана.

«Восточнее Албании, — пишет С.Т. Еремян, — простиралась малообитаемая Прикаспийская низменность, на которой кочевали массагеты и другие племена. Основной областью обитания кавказских массагетов являлась плодородная территория нижнего течения р. Самур и других рек теперешних Хачмасского и Кубинского районов, заключенная между Главным Кавказским хребтом (Керванские горы) и морским побережьем от Дербентского прохода до прохода у вершины Бешбармак»¹. Арабский автор ал-Белазури (Баладзори) (ум. в 892 г.) в таком порядке перечисляет области, над которыми Ануширван определил «царей»: Серир, Филан, Табасаран, Лакз, Маскат, Лиран, Ширван. Ибн Хордадбех локализует Маскат за пределами ал-Баба².

По мнению некоторых исследователей, название Маскат (Маскут) происходит от этнонима «массагеты». Древние авторы считали, что первоначально массагеты расселялись в Закаспии и Приаралье. По мнению Геродота, скифы пришли в Европу из Азии, будучи вытесненными оттуда массагетами. Этноним «массагеты» этимологически остается неясным, тем более, что он известен лишь из античных источников и не представлен в письменных памятниках на иранских языках. Попытки толковать термин как «рыбодеды», «великие саки» или «великие геты», считаются малоубедительными³.

Гасанов Магомед Раджабович — доктор исторических наук, профессор Дагестанского государственного педагогического университета.

В начале I тыс. до н.э. существовала массагетская конфедерация, в которую входили хорезмийцы, а также пасианы, отождествляемые с персами. Греческие авторы различали две большие группы азиатских кочевников: саков, живших к востоку от Сыр-Дарьи, и массагетов — к югу от Аральского моря. Несомненно, что саки и массагеты были сильны не столько сами по себе, сколько своими тесными культурными и политическими связями с многочисленными кочевыми племенами, занимавшими огромные пространства Алтая и Западной Сибири.

Рассказывая о массагетах, Геродот пишет: «Говорят, что массагеты — племя и большое и сильное, обитают они к востоку, в направлении восхода солнца, по ту сторону реки Аракс, напротив исседонов»⁴. Геродот сообщает о том, что скифы покинули свою родину в Азии под давлением массагетов. И.М. Дьяконов полагает, что это сообщение Геродота соответствует действительности, так как в более позднее время в Албании (в Северном Азербайджане) действительно существовали массагеты, которые могли прийти сюда вслед за скифами в связи с общим продвижением кочевых племен⁵.

Поскольку массагеты были ираноязычным племенем, они оказали определенное влияние и на топонимику территории, входившей в Маскат. Так, названия рек, протекавших по этой территории, звучат на иранском языке. Река Рубас с иранского переводится как «лиса», а Самур — как «куница». Имеющиеся данные подтверждают, что сарматские племена, в том числе и массагеты, охотились на лис и куниц⁶.

А.-К.А. Бакиханов считал, что жителями Маската были аланы⁷.

По мнению исследователей, название массагетов-саков отложилось в названии страны Сакасны, территория которой находилась между Курой, в районе севернее современного Кировабада, и Араксом на юге⁸. В I в. н.э. Плиний Старший⁹ упоминает массагетов и называет наряду с Албанией, Каспией, Липинией и страну Массагет как отдельную политическую и этническую общность, отличную от Албании. Это положение подтверждается данными анонима Равенского, сведения которого восходят к IV—V векам. Массагеты (маскаты) расселялись на западном побережье Каспийского моря близ Дербента. Границы Маската (Маскута) не были стабильными и неоднократно менялись в течение всего времени существования этого политического образования.

Как свидетельствуют источники, «маскаты уже в I в. н.э. имели свое царство»¹⁰. «По С.Т. Еремиану, — пишет Г.А. Гейбуллаев, — царство маскутов упомянуто еще Тацитом как “царство скифов”»¹¹. Упоминание о «царе маскутов» содержится и в среднеперсидской надписи сасанидского шахиншаха Нарсе из Пакули, высеченной в 293 году. Сведения о маскутском царстве находим и в сочинении Аммиана Марцеллина.

В начале 30-х г. IV в. маскутским царем был Санесан из династии Аршакидов. По данным Ф. Бузанда Санесан, приняв титул царя массагетов (мзкут), основал в указанной области царство с помощью войска, состоявшего из гуннов и дагестанских горцев¹². Полагают, что на определенном этапе власть царя Санесана Аршакида распространялась и на территорию Албании, то есть Санесан был и царем Албании. Однако подчинение Албании власти маскутского царя было недолгим.

Маскутское царство как политическое образование известно и в раннем средневековье. Сведения о нем содержатся в сочинениях византийских, армянских, арабских авторов. По словам Аммиана Марцеллина массагеты назывались аланами. Автор утверждает, что перед вторжением в пределы Ирана в 362 г. император Юлиан Отступник своим легионерам говорил следующее: «Не ныне впервые, как болтают злые языки, проникли римляне в царство Персиды: не говоря уже о Лукулле или Помпее, который, пройдя земли албанов и массаге-

тов, которых мы теперь называем аланами, разбил и это племя и увидел Каспийские озера...»¹³.

Столицей Маската на определенном этапе был г. Чора (Чога). По данным «Дербенд-наме», здесь были и другие города и укрепления¹⁴. Как отмечает источник, поместья «Михайарийа, Муджакабал и Сасмсуя — все три в Маскате или поблизости от него»¹⁵. В этом владении были ал-акара, земледельцы и издольщики.

Маскат с северной стороны граничил с Дербентом, на юге границы доходили до стены Сурат-Тин, называемой Бармаки, с востока примыкали к морю, а со стороны гор — к стране лакзов. «Маскат (Маскут), — пишет профессор В.Ф. Минорский, — это арабское название не что иное, как народная этимология (Маскат — место, где что-то произошло), тогда как первоначальным названием области должно бы быть Маскут или Машкут от имени древних массагетов»¹⁶. Еще Маркварт заметил соответствие армянского Маскут арабского Маскат и современного Мушкур¹⁷.

О Маскате Минорский добавляет следующее: «Маскат (Маскут) — земля, имеющая ряд крепостей, селений и полей (пастбищ) и граничащая с рекой Самур, морем, страной Лакзов и Шабараном. В давние времена она имела самостоятельных правителей (хуккам), но их правление прервалось в 218/833 году, когда эмиры Баб-ал-абваба и его пограничных областей заняли ее»¹⁸.

Маскат и его жители были связаны с соседними народами и странами. Через это владение пролегали транзитные пути. Согласно сведениям, приводимым в сочинении «Худуд-ал-алам», из Маската в мусульманские страны вывозили рабов. Маскат был связан также морским путем. Жители владения Маскат (Маскут) подвергались иноземным нашествиям. В результате завоевательных войн Кавада I (488—531 гг.) сасаниды построили вторую линию оборонительных стен, около которой вырос г. Шабран. Хосров Ануширван завоевал территорию расселения маскутов. Как пишет А.-К. А. Бакиханов «в Мускуре Ануширван поселил некоторое число жителей из Фарса и поставил над ними эмира из своего дома»¹⁹. В Маскате распространилась зороастрийская религия. В V—VII вв. это владение подвергалось нашествиям тюркоязычных племен. Упорной была борьба жителей Маската против арабов, во главе которых находились Абдуррахман, Салман, Маслама, Джаррах. В 103 (722) г. арабский полководец Джаррах с 6-тысячным войском прибыл в Мускур²⁰.

В Маскате, помимо населения кавказского, иранского и тюркского происхождения, в VII—X вв. и позднее жили арабы. Возникли колонии из арабов-переселенцев из мусульманских стран. В первой трети VIII в. Маскат подвергся нашествиям хазар. Как сообщает автор VIII в. Гевонд, хазарский полководец прошел по земле маскутов. Маскат часто оказывался захваченным Ширваном. В XI в. шах Ширвана отнял Маскат у дербентцев. Раис Дербенда Муфарридж обратился за помощью в борьбе против ширваншахов к своему тестю (Халидху), владельцу Сарира. Последний лично прибыл и помог ему. С его поддержкой Муфарридж прогнал ширванцев из Маската²¹. «Жители Дербенда, — говорится в источнике, — захватили земельные угодья и территорию страны (мамалик) Маскат»²².

В X—XI вв. Маскат не раз подвергался нападениям дейлемцев, русов и курдов. Во второй половине XI в. ширван-шах Фарибуз вел войны с эмирами ал-Баба за обладание Маскатом. В 1067 г. тюрки-сельджуки обрушились на Маскат. В 464 г. х./1071 г. тюрк Йагма потребовал, чтобы ширваншах сдал крепость ал-Баб и Маскат, в 468 г. х./1075 г. они были заняты сельджуками.

В раннем средневековье в Маскутское царство из Армении частично проникло христианство. После его утверждения в Армении как государственной религии, армянские миссионеры отправились и в страну маскутов, где эту

религию проповедовал епископ Григорис. По данным армянских источников, Григорис Просветитель и царь Армении Трдат III распространяли христианство по всей стране и дошли до Кавказского хребта, «до всей (северной) границы маскутов, до ворот Аланских и до ворот Каспийских», то есть до Дарьяла и Дербента. В маскутском царстве христианская проповедь наткнулась на большие трудности, приведшие, в частности, к гибели епископа Григориса²³, который был замучен на Ватнеанской равнине маскутами-массагетами. На месте его гибели впоследствии была возведена часовня, и это место, расположенное близ селений Белиджи и Нюгди, было одним из самых почитаемых среди христиан-григорианцев Восточного Кавказа²⁴. Христианство сделалось государственной религией в 360 г. при албанском (маскутском) царе Урнайре. Территория Дербента и дельты Самура до сих пор сохранили армянские церкви и кладбища армяно-язычных татов, которые считали себя армянами.

В «Истории Ширвана и ал-Баба» Мюнеджима баши сообщается, что самостоятельность маскутских правителей прервалась в 218/833 г., когда эмиры Баб-ал-абваба заняли область Маскат²⁵. По данным Баладзори, как самостоятельное политическое образование Маскат просуществовал до первой трети IX в., когда его заняли владетели Дербента²⁶.

Раскрытие вопроса о культуре Маската осложняется скудостью сведений. Как отмечено выше, на определенном этапе Маскат входил в Кавказскую Албанию, и жители его испытывали ее влияние. В Маскат были переселены арабы из мусульманских стран, которые развернули миссионерскую деятельность по распространению ислама и арабской культуры.

Так шейх молла Йусуф Мушкурский происходил из аравийской фамилии, пришедшей в VII в. хиджры из Медины в Карабах, а оттуда переселившейся в Маскат (Мушкют). В VIII столетии хиджры там родился шейх молла Йусуф. По окончании первоначального учения он отправился к Сайид Йахя Бакинскому и, усовершенствовав себя в науках, получил от него благословение на учительское звание. Возвратясь на родину, распространял свое учение и передал его шейху Мухаммеду Кубинскому. Потомки Йусуфа всегда пользовались в народе особенным уважением. Селение, где похоронен сам шейх и где живут его потомки, называется Шейхлар. Из его сочинений до нас дошло произведение, написанное им на арабском языке, «Беян ал-Асрар» («Изъяснение тайн»). Эта книга, состоящая из введения и 24 глав, объясняет некоторые тайны человеческой души и ее нравственные законы. Шейх умер в конце VIII (XIV) столетия²⁷. А.Н. Генко считал, что это «служит подтверждением мнения о позднейшем появлении некоторых арабских элементов на Кавказе»²⁸. Следует полагать, что потомки шейха Йусуфа с целью распространения ислама и арабской письменности попали в Дагестан, конкретно в Табасаран, и поселились в селении Курих (Гурик)²⁹. Одним из таких потомков был Зияудин Юсуф-хаджи ал-Курихи-Табасарани (1275—1351 гг.), (1860—1932 гг.)

Этноним «маскут» в форме «мюшкур» (мускур) до сих пор сохранился в названии равнины между реками Вельвельчай и Самур. Этот этноним засвидетельствован в источниках различных периодов: у Клавиха (XVI в.) — Мускат, А. Олеария (XVII в.) — Мюскюр, Я. Стрейса (XVII в.) — Мускар и т.д. Путешественник XV в. Афанасий Никитин пишет, что «он плыл до Маската».

По данным И.Г. Гербера «Мушкур занимал территорию от р. Самур до Низават и к весту до Кубы», далее «сей уезд купно называть Шабрай»³². Согласно описанию южного Дагестана Ф.Ф. Симоновича 1796 г., Мускурский округ, который входил в Кубинское владение, состоял из 31 населенного пункта³⁰. «Как пишет участник персидского похода 1796 г. С.М. Броневский, «Мускюрская волость, состоящая из 18 деревень, входила в Кубинское ханство».

Изложенное выше дает возможность отметить, что владение Маскат (Маскут), возникшее на приморской территории Восточного Кавказа к югу от Дербента, являлось одним из значительных образований, сыгравших важную роль в политических событиях, происходивших на Кавказе. В зависимости от международной обстановки, границы Маската менялись, а территория этого владения оказывалась яблоком раздора между правителями Ширвана и Дербента.

Примечания

1. Очерки истории СССР. III—X вв. М. 1958, с. 304.
2. ИБН ХОРДАДБЕХ. Книга путей и стран. Баку. 1986, с. 109.
3. ФРАЙ Р. Наследие Ирана. М. 1972, с. 71.
4. ДОВАТУР А.И., КАЛЛИСТОВ Д.П., ШИШОВА И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М. 1982, с. 85.
5. ДЪЯКОНОВ И. История Мидии. М.-Л. 1956, с. 245.
6. АБАЕВ В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. II. Л. 1973, с. 433—434.
7. БАКИХАНОВ А.-К.-А. Гюлистан — и Ирам. Баку. 1991, с. 42.
8. ДЪЯКОНОВ И.М. Ук. соч., с. 245—251; ТРЕВЕР К.В. Очерки по истории Кавказской Албании. М.-Л. 1959, с. 192.
9. ПЛИНИЙ. Кн. II, гл. 12. — Вестник Древней Истории. 1949, № 2, с. 306.
10. АШУРБЕЙЛИ С. Государство Ширваншахов. Баку. 1983, с. 20.
11. ГЕЙБУЛЛАЕВ Г.А. Топонимия Азербайджана. Баку. 1986, с. 98.
12. БУЗАНД Ф. История Армении. Ереван. 1953, кн. III, гл. 7.
13. АММИАН МАРЦЕЛЛИН. Деяния. В кн.: Кавказ и Дон в производстве античных авторов. Ростов-на-Дону. 1990, с. 374.
14. Дербенд-наме. Тифлис. 1898, с. 31.
15. МИНОРСКИЙ В.Ф. История Ширвана и Дербента. X—XI вв. М. 1965, с. 159.
16. Там же, с. 110.
17. Там же, с. 213.
18. Там же, с. 64.
19. БАКИХАНОВ А.-К.-А. Ук. соч., с. 45.
20. Там же, с. 51.
21. МИНОРСКИЙ В.Ф. Ук. соч., с. 76.
22. ШИХСАИДОВ А.Р., АЙТБЕРОВ Т.М., ОРАЗАЕВ Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. М. 1993, с. 40.
23. БУЗАНД Ф. Ук. соч., с. 14.
24. ГАДЖИЕВ М. Блеф о святом Георгии. — Дагестанская правда. 22.V.1997, с. 3.
25. МИНОРСКИЙ В.Ф. Ук. соч., с. 64.
26. БАЛАДЗОРИ. Книга завоевания стран. Баку. 1927, с. 7.
27. БАКИХАНОВ А.-К. Сочинения, записки, письма. Баку. 1983, с. 266.
28. ГЕНКО А.Н. Арабский язык и кавказоведение. Труды второй сессии ассоциации арабистов. М.-Л. 1941, с. 94.
29. ЮСУФОВ Ю.-Х. Духовное родство. Махачкала. 2005, с. 90.
30. История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. М. 1958, с. 87—88, 330—332.

Тевтонский Орден в войне 1240—1242 гг.

А.Н. Нестеренко

Историческое значение Ледового побоища отечественная историческая наука определяет тем, что благодаря одержанной победе было остановлено «продвижение крестоносцев на Восток, имевшее своей целью покорение и колонизацию русских земель»¹. Под побежденными крестоносцами подразумевается Тевтонский Орден, ливонское ландмейстерство которого в литературе часто ошибочно называют Ливонским Орденом. Несмотря на то, что подобная оценка роли Тевтонского Ордена в войне 1240—1242 гг., завершившейся разгромом ливонского войска в сражении 5 апреля 1242 г., не подтверждается фактологически, она доминирует в отечественной историографии.

Отечественные источники не указывают на участие Ордена в Ледовом побоище. Новгородская 1-я летопись старшего извода (НПЛ), в которой содержится «наиболее обстоятельный и подробный рассказ о Ледовом побоище»², сообщает об участии в битве немцев и чуди (л. 129—129об.), не уточняя, кем были эти немцы — орденскими братьями, датчанами, дерптцами или рижанами. Не вносит летопись ясности и в вопрос, кого именно представляли послы, с которыми был заключен мирный договор, завершивший данную войну. НПЛ сообщает только о том, что «того же лета немцы пришли с поклоном»³.

Необходимо отметить, что в Новгороде были хорошо осведомлены о том, что Ливония представляет собой конфедерацию нескольких независимых государств и то, что в военных действиях могли участвовать также датчане, покорившие Северную Эстонию, и пилигримы из Европы. Например, описывая события связанные с захватом Изборска 1240 г. (л. 127—127об.), летопись указывает на участие в войне «медвежан, юрьевцев, вельядцев», то есть дерптцев и вассалов дерптского епископа и ливонского ландмейстерства Тевтонского Ордена (вельяндцев). Накануне Раковорской битвы летописец сообщает о посольстве в Новгород немцев из Риги, Дерпта, Вильянди и «иных городов»⁴.

Вторым важнейшим источником информации о Ледовом побоище в отечественной историографии выступает Житие Александра Невского⁵. При этом

Нестеренко Александр Николаевич — кандидат философских наук, доцент Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана.

исследователи обычно игнорируют специфику агиографической повести, содержащей «очень мало конкретных фактов»⁶. Первая известная редакция Жития Александра Невского в Лаврентьевской летописи не сохранила описания Ледового побоища. Редакции Жития, в которых противников Александра Невского называют «божьи рыцари», относятся ко времени правления Ивана Грозного, когда понадобилось идеологически обосновать Ливонскую войну, а также под влиянием рыцарских романов, известных русским книжникам того времени, поэтому представляют собой литературную метафору, а не констатацию исторического факта.

Владимирская Лаврентьевская летопись, как и новгородская, сообщает только о походе «на немцев»⁷. Таким образом, отечественные источники не позволяют определить, с кем конкретно сражались войска под предводительством сыновей великого князя Владимирского Ярослава Всеволодовича в битве «за Псковом на озере»⁸.

Единственным западноевропейским источником, содержащим оригинальные известия о сражении, которое отечественные историки отождествляют с Ледовым побоищем, является «Старшая ливонская Рифмованная хроника» (ЛРХ). Сведения об этой битве и предшествующих ему событиях в более поздних западных хрониках прямо или косвенно восходят к рассказу «Рифмованной хроники»⁹. Однако, сравнение сведений, содержащихся в ЛРХ, не позволяет утверждать, что эта хроника повествует о тех же событиях, что НПЛ. А. Энгельман отмечает, что ливонские источники «не представляют никаких достоверных данных», которые подтверждали бы изложенное в НПЛ¹⁰.

Составленная в последнее десятилетие XIII в. ЛРХ не является летописью или исторической хроникой, это — рыцарский роман в стихах, содержание которого должно было «возбуждать и поддерживать» среди орденских братьев «жажду славы и готовность проявить силу и храбрость во время военных действий»¹¹. Стихотворная форма выступает в качестве дополнительного фактора, снижающего значение хроники в качестве фактологического источника.

Установлено, что в распоряжении автора хроники не было орденских документов о войне 1240—1242 гг. и при ее описании он, вероятно, пользовался источником, близким к Дерптскому епископству, предположительно, не дошедшей до нас дерптской епископской хроникой¹². «Все исследователи единодушны в том, что события 1240—1242 гг. изложены хронистом очень узко, как бы с тартуской колокольни, по линии Тарту — Изборск — Псков, такими, какими мог их видеть участник тартуского епископского войска, не задумывающийся особенно о целях и планах своего сюзерена. Таким образом, мы склоняемся к тому, чтобы искать информатора хрониста среди рыцарей-вассалов тартуского епископа»¹³.

Такая оценка ЛРХ как источника объясняется тем, что хронист проявляет поразительную неосведомленность об описываемых событиях. Хроника ничего не рассказывает о том, при каких обстоятельствах была потеряна такая непреступная твердыня как Псков и почему Орден не оставил там дееспособного гарнизона для обороны. О судьбе Изборска после его захвата (был ли в городе оставлен орденский гарнизон, пал ли он при штурме крепости новгородцами или сдался) автор хроники не сообщает. Не упоминает ЛРХ о строительстве крепости в Копорье и ее штурме новгородцами и их союзниками. В рассказе ЛРХ о битве с русскими, последовавшей за их вторжением во владения Ордена, не упоминается ни место, ни время сражения. Идиома «падали на траву»¹⁴ скорее указывает на то, что описываемая битва имела место в теплое время года. В хронике нет ничего, чтобы указывало бы на то, что сражение происходило на льду озера.

Отсутствие орденских данных об этом сражении заставило хрониста, как полагал В.Т. Пашуто, выдать дерптские потери (которые могли быть указаны в

его источнике) за орденские, о которых он не имел представления. Это маркер, указывающий не только на неосведомленность хрониста, но и на то, что Орден не участвовал в этой битве: численность братьев-рыцарей в Ливонии в то время не превышала сотни, потеря даже нескольких человек была значительным событием¹⁵.

Хронист полагает, что описываемые им события происходили при жизни Германа Балке (Hermann von Balk), который умер в марте 1239 г., а обязанности ландмейстера в Ливонии исполнял до 1238 года. Таким образом, ЛРХ описывает сражение, состоявшееся за четыре года до битвы, о которой повествует НПЛ. Однако в то время Орден не имел возможности вести наступательные действия: «положение Ордена после Шяуляйской битвы не позволяет даже говорить о возможности похода на Изборск в силу совершеннейшего изнеможения»¹⁶.

Причину участия Ордена в этой войне хроника объясняет враждой Дерптского епископа Германа с русскими, который, не имея достаточных сил противостоять противнику, обратился к Ордену за помощью. Хронист описывает решающую роль Орденского войска во главе с «магистром» в захвате Изборска; последующей битве с псковским войском, вышедшим ему на помощь; осаде Пскова. Псков сдался «Ордену», а псковский князь «оставил замки и хорошие земли в руках братьев-тевтонцев, чтобы ими управлял магистр». Однако он не может объяснить почему Орден никак не воспользовался плодами своих побед и даже не оставил в Пскове боеспособного гарнизона, ограничившись сожалением по этому поводу¹⁷.

Очевидно, что и в описании этих событий хронист выдает действия дерптцев за подвиги орденских братьев. Фактическим подтверждение того, что не Орден, а Дерпт принял участие в походе на Псков, служит грамота Дерптского епископа от 3 октября 1248 г., в которой он уступал Ордену права на половину Псковской земли, переданной псковским князем Дерптской церкви¹⁸. Предполагается, что в основе этой грамоты лежит несохранившийся договор 1240 г., по которому псковский князь Ярослав Владимирович передавал дерптцам права на часть Псковских владений за их помощь в его возвращении на княжеский стол. Следовательно, бенефициарием от захвата Пскова был не Орден, как это утверждает ЛРХ, а Дерптский епископ.

Первый этап войны заканчивается освобождением Пскова новгородцами. Далее, согласно ЛРХ, после небольшого затишья, происходит нападение «суздальского князя Александра» с «русскими из Суздаля» на земли Ордена. Узнав об этом Дерптский епископ «велит мужам епископства» поспешить на помощь Ордену¹⁹.

Это утверждение хрониста противоречит сообщению НПЛ, согласно которому целью русского нападения были не «немцы», а «чудь». Авангард русских отрядов был разбит «у моста»²⁰, который предположительно отождествляется с современным поселком Мосте, лежащим на пути из Пскова в Дерпт²¹, из чего следует, что именно этот город и был целью похода. Более того, хронист игнорирует то обстоятельство, что Дерптское епископство отделяло владения Ордена от русских земель. В силу этого именно оно должно было первым подвергнуться нападению.

Следовательно, не Орден, а Дерптский епископ должен был обратиться к Ордену с просьбой о помощи. Но, учитывая неожиданный быстротечный характер набега, вряд ли эта помощь успела бы подоспеть к месту событий, даже если бы Орден решил ее оказать. То, что ЛРХ указывает целью вторжения орденские владения, можно объяснить тем, что как вассал ливонской церкви Орден должен был выступить на защиту Дерпта. Чтобы снять с братьев-рыца-

рей обвинения в неисполнении вассального долга, хронист делает жертвой нападения не Дерпт, а Орден.

Подтверждением того, что Орден не исполнил свой вассальный долг по отношению к Дерпту, служит тот факт, что 1 октября 1243 г. был подписан договор о взаимной защите и помощи между ливонскими епископствами и Тевтонским Орденом²². Очевидно, что необходимость заключения такого договора была вызвана тем, что Орден не выступил на помощь Дерпту, потому что не признавал Дерптского епископа своим сеньором. Именно поэтому и потребовалось заключить отдельный договор о взаимной помощи.

Но, вопреки данному договору, Орден, видимо, не оказал помощи Дерпту и при следующем нападении на него в 1262 году. НПЛ сообщает о походе на Дерпт новгородцев с князем Дмитрием Александровичем, в котором также участвовали дружины Владимиро-Суздальской земли с двумя князьями, дружина Полоцкого князя и 500 литовцев. В этот раз нападавшие не только дошли до стен города, но и ворвались в него. По сообщению летописца, множество жителей были убиты в ходе штурма, другие взяты в плен, некоторые сожжены. Город был разграблен («взято товара без числа и полона»). Потери новгородцев были незначительны²³. ЛРХ об этом событии умалчивает. Молчание хроники означает, что и в этот раз Орден не исполнил свои вассальные обязанности.

Более поздний по времени написания источник — Хроника Германа Вартберга, написанная спустя сто пятьдесят лет после событий 1240—1242 годов²⁴. Вартберг в своем повествовании упоминает только наиболее значимые, по его мнению, события тех лет. Война с русскими, во время которой был захвачен Изборск и Псков, согласно Вартбергу, имела место при втором магистре Ордена Меченосцев Волковине, погибшем в битве при Сауле в 1236 г. и, следовательно, еще до присоединения Ордена Меченосцев к Тевтонскому Ордену. Главные заслуги магистра Волковина, согласно хронике Вартберга, заключаются в том, что он покорил эстов и построил каменные замки Феллин и Ревель. Затем хроника переходит к описанию менее значимых событий: «далее он завоевал Изборск. Плесковские же русские подчинились ему после того, как он сжег их город. Для охраны замка, равно как и для увеличения числа обращенных, магистр оставил здесь двух орденских братьев с небольшим числом людей. Но когда новгородцы узнали об этом, они захватили внезапно оставшихся братьев вместе с их людьми. Далее он построил у русских замок по имени Копорию и наложил в то же время дань на ватландских русских»²⁵. А в 1241 г., по Вартбергу, Орден воевал с эстами, поднявшими восстание против католических миссионеров на острове Эзель, и ни в каких других военных операциях участия не принимал.

При описании войны 1240—1242 гг. в отечественной историографии игнорируется «Хроника Пруссии Петра из Дусбурга», которую Э. Лависс оценивает как «самый полный, толковый и обстоятельный из старых историков Пруссии»²⁶. Хотя эта хроника не сообщает никаких сведений о событиях в Ливонии, она позволяет оценить политику Тевтонского Ордена того времени, его военный потенциал и способность к наступательным действиям за пределами Пруссии. Только в 1239 г. Ордену удалось подавить сопротивление пруссов, закончив войну, которая продолжалась с 1230 года. В 1240—1241 гг., понимая непрочность своего положения, «... братья, чтобы избежать опасностей в дальнейшем и лишить Пруссов возможности возобновлять [боевые] действия ...», начинают строительство опорных замков в захваченных прусских землях²⁷.

В 1242 г. померанский князь Святополк в союзе с прусскими племенами начал войну с Тевтонским Орденом: «... и собрались Пруссы все, как один. Тот Святополк стал Князем и вождем их, и рукою крепкою и мышцею высокою

они вошли во внутренние пределы упомянутой земли и всех старых Христиан, пришедших из Алемании на подмогу земле Прусской, подвергли, к прискорбию нашему, избиению, а женщин и детей увели в вечный полон ...». Восставшие разорили «внутренние пределы», «... взяв все замки, кроме Балги и Эльбинга, до основания уничтожили их, перебив всех до единого братьев и Христиан ...». После «... они разорили внешние пределы, а именно землю Помезании и Кульмскую, мечом и огнем, захватив и до основания разрушив все замки, кроме трех, ... из народа Божиего, проживающего там в похвалу и славу Его, они убили 4 тысячи ...». К исходу лета 1242 г. «... вся земля Пруская казалась обгащенной кровью христианской ...»²⁸. Из 20 построенных Орденом в Пруссии замков удалось удержать только пять. Эта война продлится 11 лет (до 1253 года).

Э. Машке, оценивая возможности Ордена, приходит к выводу, что они не позволяли «осуществить завоевание Пруссии собственными силами» даже после того, как «со времен Германа фон Зальца²⁹ орден численно очень вырос». Три восстания пруссов «каждый раз подчистую уничтожали то, что было достигнуто прусским государством»³⁰.

В таких условиях, когда судьба Ордена в Пруссии висела на волоске, он не мог позволить рисковать своими силами в Ливонии даже в целях помощи Дерпту, не говоря уже о ведении войны против такого сильного противника, как Новгород и Псков. Тем более, что на стороне последних могла выступить не только Владимирская Русь, но и Орда. В связи с этим, Э. Хеш отмечает: «Сферой своей деятельности Орден считал скорее Пруссию и внимательно следил за противоречиями между Литвой и Польшей. Характерно, что в появившейся столетие спустя “Хронике Пруссии” Петра Дусбургского события в Лифляндии не были удостоены упоминания даже в примечании, где были отмечены всеобщие мировые события»³¹. Следуя данной традиции, в зарубежной историографии, посвященной Тевтонскому Ордену, события в Ливонии не рассматриваются³².

Следует отметить, что некоторые западные историки все же придерживаются мнения, что отряд ливонского ландмейстерства принял непосредственное участие в сражении 5 апреля 1242 г. и даже приписывают Ордену «планы покорения русской территории». Однако данная позиция не обосновывается ссылками на источники, которые подтвердили бы наличие у Ордена таких планов и указали на участие Ордена в данном сражении³³.

Причины, по которым Тевтонский Орден не мог принимать активного участия в войне 1240—1242 гг., связаны не только с тяжелым положением в Пруссии и недостатком сил в Ливонии. В то время перед Орденом стояла неотложная геополитическая задача соединить свои владения в Ливонии с владениями в Пруссии. Поэтому Орден бросил свои силы на захват земель вдоль побережья Балтийского моря. С этой целью в 1237 г. был основан Эльбинг. Встречное движение из Ливонии ознаменовалось основанием Мемеля (Клайпеды) в 1252 году. Но, несмотря на предпринимаемые усилия, преодолеть сопротивление балтийских племен и соединить владения в Пруссии и Ливонии Ордену так и не удалось.

Не менее важной причиной была и неопределенность отношений Ордена и Риги, обусловленная тем, что Орден Меченосцев был вассалом епископа Ливонии и владел своими землями на правах лена. Тевтонский Орден подчинялся непосредственно Папе Римскому. В связи с этим, переход территориальных владений меченосцев под юрисдикцию Тевтонского Ордена поставил бы последний в двусмысленное положение: должны ли тевтонцы стать вассалами ливонской церкви? В этом случае Орден оказался бы вовлечен в конфликт

ливонских епископских государств с датчанами и русскими. И это в то время, когда все силы Тевтонского Ордена в Прибалтике были связаны войной в Пруссии. В этих условиях внешнеполитической задачей Ордена было скорейшее урегулирование на любых условиях отношений с датчанами (с которыми в 1238 г. был заключен договор, по которому Орден возвращал захваченные меченосцами датские владения в Эстонии), Новгородом и Псковом.

Таким образом, если Тевтонский Орден и участвовал в Ледовом побоище, то это участие сводилось к тому, что «какое-то число тевтонских рыцарей присоединилось к преследованию отступающих войск Александра»³⁴.

Как же объяснить отрывок ЛРХ, повествующий о том, что основная тяжесть защиты интересов Ливонии в этой войне с русскими легла на Тевтонский Орден? Ко времени создания хроники перед Орденем стояла задача обоснования легитимности прав на ливонские владения, полученные от Ордена Меченосцев, без обязательств находиться в вассальной зависимости от рижского епископа. Сообщая о том, что Орден стоял на защите Ливонии в войне с Новгородом и Псковом, оказывая помощь Дерптскому епископу, хронист легитимизирует притязания на спорное территориальное наследство, оспариваемое ливонской церковью. С той же целью немецкие феодалы в Ливонии вели свои родословные от русских князей или ливских вождей, до их прихода владевших этими землями³⁵.

О том, что эта задача была на протяжении длительного времени важнейшим приоритетом внутренней политики Ордена в Ливонии, свидетельствует тот факт, что от территориальных притязаний Риги Орден юридически освободился только в 1347 году. Этому предшествовали две войны между Орденем и Ригой (в 1296—1298 и 1330 годах).

Таким образом, в «Ледовом побоище» новгородско-суздальской рати противостояло войско Дерптского епископа Германа, в состав которых входило ополчение эстов и отряды феодальных сеньоров, вассалов Дерпта. Вошедшие в отечественную историографию утверждения о ведущей роли Тевтонского Ордена в войне 1240—1242 гг. — не более, чем гипотеза. Основываясь на летописных данных, можно только предполагать то, что некоторые орденские братья (упомянутые в НПЛ «вельяндцы») присоединились к Дерптским силам, участвовавшим в походе, инициированном князем Ярославом Владимировичем с целью возвращения псковского княжеского стола в 1240 году.

В отечественной историографии преувеличивается роль Тевтонского Ордена в этой войне, поскольку со времен Ивана Грозного образ святого благоверного князя Александра Невского лежит в основе образа национальной идентичности. В советское время возникла необходимость обоснования тезиса о том, что Пруссия (а, следовательно, и Тевтонский Орден) — источник милитаризма и агрессии, и устранение его путем аннексии Восточной Пруссии и стран Балтии исторически оправданно.

Примечания

1. Большая советская энциклопедия: в 30 томах. М. 1969—1978. «Ледовое побоище».
2. БЕГУНОВ Ю.К., КЛЕЙНЕНБЕРГ И.Э., ШАСКОЛЬСКИЙ И.П. Письменные источники о Ледовом побоище. URL:http://livonia.narod.ru/research/ice_battle/.
3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л. 1950, л. 129об.
4. Там же, л. 143об.
5. «Главнейшим источником, на основании которого мы восстанавливаем историю победы новгородского князя Александра Ярославича Невского над шведами с 1240 г. и немцами в 1242 г., является его Житие». САВИЧ А.А. Борьба русского

- народа за свою независимость на северо-западной окраине в середине XIII века (1240 — 1242 гг.). Уч. зап. МГПИ им. К. Либкнехта, № 4, сер. история, вып. 2. М. 1939, вып. 2, с. 11.
6. «Житие не биография, а назидательный панегирик в рамках биографии, как и образ святого на иконе не портрет, а икона», а также «Не все биографические черты в житии суть исторические факты. Жития сообщают очень мало конкретных фактов». КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. Соб. сочинений. В 9 томах. Т. 2. М. 1987, с. 240; т. 7, с. 75.
 7. Лаврентьевская летопись. URL: <http://expositions.nlr.ru/LaurentianCodex/index.php>, л. 164об.
 8. Там же.
 9. БЕГУНОВ Ю.К., КЛЕЙНЕНБЕРГ И.Э., ШАСКОЛЬСКИЙ И.П. Ук. соч.
 10. ЭНГЕЛЬМАН А. Хронологические изыскания в области русской и ливонской истории в XIII и XIV столетиях. СПб. 1858, с. 130.
 11. БЕГУНОВ Ю.К., КЛЕЙНЕНБЕРГ И.Э., ШАСКОЛЬСКИЙ И.П. Ук. соч.
 12. ПАШУТО В.Т. Рифмованная хроника как источник по русской истории. В кн.: Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М. 1963, с. 102—108.
 13. БЕГУНОВ Ю.К., КЛЕЙНЕНБЕРГ И.Э., ШАСКОЛЬСКИЙ И.П. Ук. соч.
 14. Старшая ливонская Рифмованная хроника (ЛРХ), стих 02249.
 15. ЛРХ сообщает о гибели 48 братьев-рыцарей в битве при Сауле, что означало полный разгром Ордена Меченосцев (стих 01949). Предположительно, несколько рыцарей не участвовали в этом походе. Тевтонский Орден послал в Ливонию 54 брата-рыцаря (стих 02001), восполнив потери, понесенные меченосцами. Таким образом, в Ливонии в 1242 г. было около 100 братьев-рыцарей Тевтонского Ордена.
 16. ЭНГЕЛЬМАН А. Ук. соч., с. 115.
 17. Ливонская рифмованная хроника. Atskanu hronika. Riga. 1997, стихи: 02069—02148, 02154—02163, 02199—02202.
 18. ЭНГЕЛЬМАН А. Ук. соч., с. 61—62.
 19. Ливонская рифмованная хроника, стихи 02204—02235.
 20. НПЛ, л. 129.
 21. КУЧКИН В.А. Александр Невский — государственный деятель и полководец средневековой Руси. — Отечественная история. 1996, № 5, с. 18—33.
 22. РАММ Б.Я. Папство и Русь в X—XIII веках. М.-Л. 1959, с. 133, прим. 155.
 23. НПЛ, л. 138 об.—139об.
 24. БЕГУНОВ Ю.К., КЛЕЙНЕНБЕРГ И.Э., ШАСКОЛЬСКИЙ И.П. Ук. соч.
 25. Ливонская хроника Германа Вартберга. (Сканировано с издания: ЧЕШИХИН-ВЕТРИНСКИЙ Е.В. Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига. 1876.
 26. ЛАВИСС Э. История Тевтонского Ордена. URL:http://www.plam.ru/yist/tevtonskii_orden_krah_krestovogo_nashestvija_na_rus/p2.php.
 27. ПЕТР из Дусбурга. Хроника земли Прусской. М. 1997.
 28. Там же.
 29. Великий магистр Тевтонского ордена в 1209—1239 годах.
 30. МАШКЕ Э. Немецкий орден. Государство Немецкого Ордена. Портреты великих магистров. СПб. 2003, с. 149.
 31. ХЁШ Э. Восточная политика немецкого ордена в XIII веке. В кн.: Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы. СПб. 1995, с. 65—74.
 32. В качестве примера можно упомянуть работы: D. Nicolle, G.S. Sainty, X. Бокмана, Э. Машке, Э. Лависса.
 33. Например, в работе *Tumler M.* и *Arnold U.* «Der Deutshce Orden».
 34. УРБАН В. Тевтонский орден. М. 2007. URL:http://www.gramotey.com/?open_file=126042368#ТОС_id4296794.
 35. TAUBE M., FREIHERR von. Russische und Litauische Fürsten an der Düna zur Zeit der Deutschen Eroberung Livlands. (XII und XIII. Jahrhundert). Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven. Breslau. 1935, N.F. Bd. XI. Heft III/IV, S. 367—501.

Разгром православных храмов в Петрограде во время февральских событий 1917 г.

А.В. Соколов

Существует значительное количество как научных, так и научно-популярных работ, посвященных расправам большевиков над духовенством и разрушению православных храмов после октября 1917 года. Но изучение документов показывает, что уже в февральские дни 1917 г. в Петрограде целый ряд храмов подвергся обстрелам, обыскам и разграблению, причем как в центре, так и на окраинах города. Представляется крайне важным обратиться к этим событиям, тем более, что до сих пор они не были проанализированы историками.

Первой 27 февраля 1917 г. пострадала церковь в разгромленном в этот день Доме предварительного заключения на Шпалерной улице. Имущество храма оказалось частью уничтожено, частью расхищено. Погибли все метрические, обыскные и богослужебные книги, церковная печать была украдена, разрушен мраморный престол, а ризница сгорела в пожаре. Удалось спасти только св. антиминс, напрестольное евангелие, св. чашу и дискос, которые укрыл старший надзиратель тюрьмы Филипп Егоров. Священник церкви Константин Песоцкий во время событий отсутствовал, так как не смог добраться до места служения из-за закрытия мостов: он жил на Лесном проспекте. Когда же в один из следующих дней он пришел в храм, новая стража, не знавшая священника в лицо, не пропустила его без «особых удостоверений». При этом настоятель отметил, что из здания свободно выходила «праздная публика», очевидно, проникавшая с другой стороны через Окружной суд. Эта догадка подтвердилась в пятницу, 3 марта, когда священнику удалось пробраться в помещение храма, где он «видел массу людей, ходящих в шапках, что-то ищущих». Когда Песоцкий попросил их покинуть церковь, ему ответили: «ты что за хозяин здесь будешь. Вот пристукну, так тут и останешься». Священник был вынужден уйти, но вернулся на следующий день и, отыскав старшего надзирателя Егорова, попытался навести порядок в помещении, но «прибрать незапертую церковь не было возможным». В итоге 10 марта настоятель составил рапорт своему благочинному, заключив, что «ввиду полного разгрома церкви и тюремного здания богослужение долго не будет совершаться»¹.

Соколов Арсений Владимирович — кандидат исторических наук, докторант Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. Санкт-Петербург.

Однако 21 марта Петроградская губернская тюремная инспекция обратилась в духовную консисторию с требованием «изучить» действия священника, которого обвинила в «непринятии мер к прекращению грабежа церкви и ее имущества». Отмечалось, что, если бы священник прибыл вовремя, то «достаточно было бы нескольких слов и кощунства не произошло бы». По мнению инспекции, Песоцкий «не только не исполнил своего пастырского долга, но до сего времени не поинтересовался даже узнать о судьбе храма»². Чтобы снять с себя обвинения, настоятель написал еще несколько рапортов, в которых, кроме всего прочего, отметил, что он не был обязан по долгу службы являться в храм ежедневно, обычно его вызывали по телефону. А 27 февраля ему никто не позвонил: «начальник дома скрылся, стража разбежалась, оставив на произвол судьбы даже свои квартиры и имущества. Выпущенные на свободу заключенные собирались перевешать администрацию и дом взорвать»³. Помощник благочинного составил 25 марта 1917 г. акт осмотра, в котором констатировал, что входные двери с улицы и внутренние в церковь оставались открытыми, замки всех шкафов и хранилищ церковного имущества сломаны и по помещениям ходит «свободно гуляющая публика»⁴. Настоятель добавил, что «не имея сил оказать воздействие на прекращение в дальнейшем расхищения церковного имущества», он слагает с себя всякую дальнейшую ответственность за целостность храма⁵.

Если вышеприведенную историю еще можно объяснить буйством освобожденных заключенных, то вряд ли то же применимо к другим случаям нападений на храмы и монастыри. Например, 28 февраля вооруженные солдаты прибыли в Александро-Невскую лавру и именем Государственной думы изъяли у ее казначея 26 тыс. рублей, из которых 22 тыс. передали в ВКГД⁶. Интересно отметить, что отряд возглавлял бывший послушник лавры прапорщик 20-го драгунского Финляндского полка В.Ф. Саута⁷. Солдаты арестовали и отвезли в Таврический дворец находившегося в монастыре митрополита Петроградского Питирима (Окнова), который в тот же день написал прошение об увольнении на покой⁸. Кроме того, по сообщению «Петроградской газеты» 6 марта из лавры в Государственную думу донесли о «банде хулиганов», пытающейся ограбить монастырь. Городской голова Петрограда Ю.Н. Глебов спешно направил туда на автомобиле нижние чины гвардейского флотского экипажа и вооруженный взвод 9-го кавалерийского полка, в результате чего «банда отчасти арестована, отчасти разогнана»⁹.

Большая часть случаев разгрома православных храмов в Петрограде в феврале-марте 1917 г. произошла в результате пущенных кем-то слухов о том, что царская власть установила на городских крышах пулеметы, из которых полиция вела огонь по восставшим¹⁰. Эти слухи страшно будоражили население, множились и обрастали подробностями, приобретая характер факта. Сообщения были настолько серьезными, что их расследованием занялась Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства (ЧСК)¹¹, которая, впрочем, не смогла прийти к какому-то определенному выводу о действительных событиях. Представители царской администрации, естественно, категорически отрицали факт применения пулеметов для борьбы с беспорядками: 22 марта об этом заявил генерал С.С. Хабалов¹², а 19 апреля — генерал М.А. Беляев¹³. 7 апреля ЧСК с пометкой «экстренно» направила прокурору Петроградской судебной палаты предписание срочно собрать во всех участковых комиссариатах и «милиционных» отрядах достоверные сведения о стрельбе с крыш из пулеметов и ружей в Февральские дни¹⁴. В течение апреля-мая поступили рапорты из разных районов города, но в них констатировалось отсутствие реальных доказательств такой стрельбы. Не удалось получить даже письменных показаний непосредственных свидетелей¹⁵.

Вместе с тем, у слухов об обстрелах была еще одна важная составляющая, на которой до сих пор не акцентировали внимание исследователи: часто речь шла о якобы имевшей место стрельбе с православных церквей и колоколен. Эти здания являлись архитектурными доминантами города, и, безусловно, представляли собой удобные огневые позиции. Но, что удивительно, ни у кого из современников не возникала мысль о невозможности использования «домов молитвы» для расстрела населения. В мгновение ока вчерашние святыни превратились для революционных рабочих и солдат в бастионы врагов, ошестинившиеся пулеметами и ружьями и заботливо укрывающие в подвалах городских. Ввиду сложившейся критической ситуации уже 4 марта 1917 г. только что назначенный управляющим Петроградской епархией епископ Вениамин Гдовский (Казанский) обзвонил по телефону благочинных столицы и попросил их срочно собрать информацию о ведении огня с колоколен и храмов¹⁶. 6 марта он составил уже письменное поручение Петроградской духовной консистории тщательно изучить слухи о стрельбе из ружей и пулеметов полицейскими, скрывающимися в церковных помещениях. Епископ попросил обратить особое внимание на события вокруг Исаакиевского и Сампсониевского соборов, Вознесенской, Владимирской и Спасо-Сенновской церквей. Петроградская духовная консистория известила благочинных об этом задании 7 марта¹⁷.

Вскоре к расследованию решил подключиться новый обер-прокурор Синода В.Н. Львов. Для этих целей 9 марта он командировал своего «адъютанта и секретаря» Г.Я. Азриленко и попросил учреждения духовного ведомства оказать последнему всяческое содействие «в фактической проверке распространившихся слухов»¹⁸. Епископ Вениамин тут же известил об этом духовную консисторию, а та, на следующий день, — благочинных¹⁹. Одновременно 9 марта Вениамин проинформировал Львова, что уже дал поручение о расследовании, и «донесения благочинных в большинстве уже поступили, в которых подтверждения слухов, однако, не усматривается»²⁰.

Вскоре в консисторию стали приходить письменные отчеты с мест. 13 марта благочинный 1-го столичного округа протоиерей Александр Владимирский сообщил, что «ни на колокольнях, ни на церковных домах в округе не было пулеметов и стрельбы из них, а равно и ружейной стрельбы с церковных помещений»²¹. 13 марта благочинный 5-го округа Андрей Кононов подтвердил, что «по заявлению причтов церковей приходских вверенного мне благочиния, на колокольнях церковей и зданиях... не было установлено пулеметов и обстрела по уличной толпе из них, как и из ружей не было производимо, и скрывающихся в церковных помещениях полицейских чинов не было»²². О том же сообщили 15 марта благочинный единоверческих церковей протоиерей Симеон Шлеев²³ и благочинный Исаакиевского и Казанского соборов протоиерей Василий Сперанский²⁴. Кроме этого, настоятель Казанского собора протоиерей Философ Орнатский добавил, что «была попытка со стороны вооруженных солдат во главе с милиционером осмотреть подвал собора, но, после объяснения их с настоятелем, не была приведена в исполнение. Никто из соборян не подвергался никаким насилиям. Служба в соборе не прекращалась, и собор открыт был ежедневно в обычное время»²⁵.

Рапорты продолжали поступать и в последующие месяцы. В донесении благочинного протоиерея Иоанна Камнева от 15 апреля 1917 г. речь шла уже об обстреле храмов восставшим народом. Так было в случае со Спасо-Сенновской церковью, в которой кроме всего прочего произвели обыски в самом здании, на колокольне и в квартирах причта, но «нигде ничего не найдено». Знаменская церковь также подверглась обстрелам, но случайным, в одной из причтовых квартир «разбиты стекла в окнах от пуль». Храм обыскивали. Во Владимирской церкви осматривали колокольню, но ничего подозрительного не на-

шли, а в Покровской церкви «обыски были только в подвалах под церковью и домами, обстрела не было»²⁶.

Некоторые благочинные, очевидно, запутались в том, кому нужно слать отчеты: в консисторию, епископу или обер-прокурору Святейшего Синода. Благочинный 10-го округа Василий Акимов сообщил 18 апреля в консисторию, что распоряжение о расследовании он получил по телефону и тут же обзвонил настоятелей подведомственных кладбищенских церквей. Однако рапорты от причтов он направил непосредственно Вениамину²⁷. Благочинный латышского прихода протоиерей Павел Кульбуш доложил 19 апреля, что подведомственных ему церквей на территории города нет, и запрос ему направили по ошибке²⁸.

Духовные власти были крайне озабочены тем, чтобы проинформировать население о непричастности церквей к уличным обстрелам. Общественное мнение в этом вопросе однозначно считало духовенство виновным. Например, 2 марта солдаты Егерского полка доставили в Думу по подозрению в стрельбе с колокольни своего протоиерея Добровольского. В ходе короткого расследования выяснилось, что речь шла о недоразумении, и незадолго до этого недавно избранный егерями командир батальона Матушевский объявил священнику о снятии с него всех подозрений и поручил принять церковь²⁹. 19 марта 1917 г. на заседание 5-го петроградского попечительства, где председательствовал протоиерей Орнатский, явилось около 15 рабочих, которые заявили, что он не может возглавлять собрание, так как «священники не должны вмешиваться в политику, они стреляли с колоколен из пулеметов»³⁰. В мае 1917 г. Петроградская духовная консистория направила в редакцию журнала «Известия по Петроградской епархии» 10 подлинных рапортов благочинных и настоятелей церквей о февральских событиях, попросив епископа Вениамина посодействовать в скорейшей публикации этих документов «с тем, чтобы выдержки из них были сделаны самим редактором»³¹. В результате, журнал опубликовал целиком три наиболее ярких и подробных рапорта, отражавших ситуацию в разных частях города: от протоиерея Василия Дурнева (Васильевский остров), протоиерея Николая Сперанского (Петроградская сторона) и священника И.К. Кьяндского (Выборгская сторона). Представляется важным подробно остановиться на содержании этих ранее не использованных исследователями документов, так как они ярко иллюстрируют то, что происходило с православными храмами в столице в Февральские дни.

Первый из рапортов — самый пространный — о событиях вокруг церкви Благовещения Пресвятой Богородицы и Воздвижения Креста Господня (8-я линия Васильевского острова, д. 61). Там сообщалось, что с 27 февраля на улицах стали собираться «возбужденные толпы» вооруженных рабочих и солдат, причем особая концентрация людей происходила рядом с храмом на углу 8-й линии и Малого проспекта на пути к Трубочному заводу артиллерийского ведомства. Часто раздавались одиночные и залпами выстрелы в разных местах острова. Утром 1 марта кто-то закричал, что с колокольни стреляют, и тут же со всех сторон по ней открыли огонь. Настоятель Василий Дурнев поспешил к храму, но его окружили и стали угрожать самосудом. От расправы протоиерея спасла только его «усиленная просьба» сейчас же провести осмотр церкви. Прибыли несколько милиционеров, пальбу остановили и вместе с солдатами осмотрели помещения храма и колокольню. Ничего подозрительного не нашли, о чем начальник охраны Василеостровского штаба милиции выдал специальное удостоверение. Это, однако, не удовлетворило «возбужденную толпу», которая по собственному почину начала осмотр квартир причта, включая чердачные помещения и строения во дворе. «Осмотр этот совершался многократно разными лицами, без всякого приказа милиции, сопровождался крайне грубым обращением, а в квартире настоятеля был даже произведен выстрел, хотя и в пол,

но повергший всю семью в ужас»³². Ничего подозрительного опять-таки не обнаружили.

2 марта богослужения продолжались обычным порядком, и духовенство уже начало надеяться, что скоро все успокоится. Но рано утром в пятницу 3 марта во время исповеди говеющих с шумом и криками через западные двери храма и алтарь нижней церкви в здание ворвалась толпа вооруженных солдат и несколько штатских с возгласами: «здесь молебны служат, а с колокольни людей расстреливают». Вбежавшие заставили прекратить богослужение и исповедь, а молящихся покинуть помещение. Здание оцепили, начался вторичный обстрел колокольни и церкви. Внутри храма «вооруженные солдаты и штатские были в шапках, даже с папиросами, бегали беспорядочно по церкви, алтарям, между св. престолов и царскими воротами, заглядывая и под престолы, ища везде вооруженных людей и оружие». Потом появились милиционеры и вместе с толпой еще раз осмотрели храм: нижний, средний и верхний (где сдвинули с места св. престол), а также тщательно обследовали колокольню до самого верха. Ничего не нашли. После этого милиционеры, предъявив ордер на арест «домовой администрации», увели в штаб настоятеля, приказчика и алтарного сторожа, которых, коротко допросив, отпустили. В это время толпа провела вторичный осмотр причтовых домов и помещений Благотворительного общества. И опять ничего вызывающего подозрения не обнаружили, но членам причта объявили, что в случае повторения выстрелов с колокольни их квартиры сожгут.

Чтобы успокоить народ, духовенство расклеило вокруг церкви «особенное объявление» о результатах осмотра 3 марта. Кроме того, с разрешения епископа Вениамина 4 марта богослужений в храме не проводили. Милиция запретила проводить их и в воскресенье, 5 марта. Но в близлежащих районах продолжали распространяться слухи о «снятых с колокольни людях, оружии, нахождении в храме даже под св. престолов в большом количестве съестных и винных припасов». Потом появился слух о существовании подземных ходов от церкви к домам причта, где прячутся городовые и оружие. Ввиду этого настоятель попросил милицию 6 марта осуществить еще один осмотр храма и колокольни в присутствии архитектора. В этом обследовании кроме технического специалиста участвовало 25 милиционеров во главе с начальником охраны. По окончании причту выдали протокол о том, что «как в самом храме, так и на колокольне нечего подозрительного не найдено: никаких следов, ни скрывающихся людей, ни оружия и никакого подземного хода, ибо такового здесь и быть не может за высоким стоянием грунтовых вод». Богослужения начались только с 6 марта, но во время них в церковной сторожке дежурили 4 милиционера, следящие за порядком. И лишь 13 марта охрану решили снять. Духовенство вновь расклеило близ храма текст милицейского удостоверения о результатах осмотра, а также опубликовало его в некоторых наиболее распространенных газетах («Новое время», «Петроградский листок», «Газета»)³³.

Как констатировал автор рапорта, несмотря на все меры, «у некоторых лиц, о которых менее всего можно было подумать, что они могут подвергнуться легковерию и гипнозу толпы, существует убеждение, что с колокольни действительно были выстрелы, и они самолично видели во время обстрела дымки вокруг колокольни и падающие пули, которые, однако, никого не ранили». На последнее обстоятельство причт обращал особое внимание, отмечая, что вряд ли могло обойтись без жертв, если бы действительно велась стрельба сверху в «тысячную толпу». Духовенство было уверено, что стреляли только снизу, а «дымки», которые видели стоящие на улице, — это мелкая пыль крошащейся штукатурки, отлетающей из-за попадающих в нее пуль. Эти же пули, расплюснутые о стены, падали вниз и, разумеется, никого не ранили³⁴.

Похожие события развернулись вокруг Церкви Усекновения Главы Иоанна Предтечи (Лесной проспект, д. 16). Ее настоятель священник Иоанн Кириллович Кьяндский доложил своему благочинному, что 1 и 2 марта 1917 г. храм подвергся неоднократным обстрелам внутри и снаружи, а также шестикратному обыску. Причиной этого явилась «пущенная кем-то злостная клевета» о том, что на колокольне помещены пулеметы, из которых городовые расстреливают революционный народ. Первый обыск состоялся 1 марта. Во время него один из солдат полез осматривать леса, стоявшие в алтаре для росписи. «Произошел удар одной доски о другую, давший впечатление выстрела, а поднявшаяся от движения в лесах пыль дала впечатление дыма. Кто-то крикнул: братцы! Бросили бомбу, стреляй! И в алтаре поднялась стрельба вверх в леса, при чем стреляли в алтаре вверх и те солдаты, которые стояли в храме». В результате оказалось прострелено оконное стекло, повреждена пулями алтарная арка и вырван кусок живописи выше проема: пробито центральное изображение херувима. До конца дня 1 марта церковь подверглась обыскам еще дважды, причем во время вечернего осмотра велась беспорядочная стрельба из ружей и пулемета по колокольне, а солдаты арестовали свечника и сторожа. Руководивший солдатами офицер изъял ключи от колокольни и библиотеки, а ключ от храма оставил в сторожке у истопника.

2 марта обыски и обстрелы продолжились. Некие «неизвестные женщины» уверяли солдат, что между церковью и домом, где живет священник, существует подземный ход. Его дважды пытались отыскать, при этом никого не смутило, что настоятель проживал на 5 этаже многоквартирного частного здания через дорогу³⁵. Последний обыск, произведенный вечером 2 марта, сопровождался неприкрытым грабежом. В церкви «и в шапках ходили и папиросы курили и опять стреляли: прострелены стекла в притворе (зале) и на лестнице, несколько пуль ударились в стену». За отсутствием изъятых накануне ключей двери на колокольню и в библиотеку взломали, а книги перерыли. Были украдены запас вина для причастия (16 бутылок), серебряное кадило из алтаря и серебряный крестик из крестильного прибора. У кладовой со свечами и маслом выворотили скобки с замками и унесли их. Электричество в этот день не работало, поэтому солдаты распотрошили коробки со свечами, мелкие в пачках раскидали по полу, а большие зажгли и ходили с ними для освещения. Кто-то из прибывших открыл приток свежего воздуха в тепловой камере водяного отопления, отчего трубы замерзли и лопнули (на улице было 16 градусов мороза). Стоимость ремонта оценивалась в 3,5 тысячи рублей, огромные для бюджета причта деньги. Кроме того, произведенные в храме выстрелы дали повод находившейся на улице толпе думать, что внутри идет бой, и опять началась стрельба по колокольне. Как отмечено в рапорте, «следы пуль в виде довольно глубоких ямочек видны на большом колоколе и даже железном языке; небольшой кусочек колокола от края отбит. Простенки, железная крыша и особенно бока закрытого входа на колокольню буквально изрешечены. Снаружи колокольни стекла в рамах разбиты, разбито и несколько изразцовых черепиц, которыми отделана колокольня». В связи с описанными событиями с 1 по 4 марта богослужения в храме не проводились, а сторожей отпустили только 4 марта днем³⁶.

10 марта свой рапорт о событиях в дни переворота составил протоиерей Николай Сперанский, настоятель Церкви апостола Матфея и Покрова Пресвятой Богородицы (улица Большая Пушкарская, д. 35; здание не сохранилось). По сообщению протоиерея, 27 февраля, несмотря на уличные волнения, богослужения продолжались обычным порядком, а 28 февраля утреню совершили без колокольного звона. Перед службой храм посетил военный наряд, осмотрел здание (кроме алтаря) и колокольню, но ничего подозрительного не обнару-

жил. Около 12 час. дня на близлежащих улицах началась суматоха, вызванная якобы имевшими место выстрелами из частных домов. И тут же в толпе распространился слух о том, что огонь велся с церковной колокольни. Ссылаясь на наблюдения очевидца, Сперанский предположил, что «несколько пуль ударились в наружные стены колокольни и пустили пыль осыпавшейся штукатурки, каковая пыль принята была толпою за дым пулемета». Начался ружейный обстрел колокольни. Потом ее вторично осмотрели вооруженные солдаты, «при чем ружейному обстрелу подверглись, к счастью благополучно, сами осматривающие, принятые толпою за полицейских. При осмотре опять никого и ничего найдено не было». Вечерней службы в этот день не совершали.

1 марта утреню и преждеосвященную литургию проводить не стали. Храм все время оставался предметом пристального внимания толпы, в которой ходили слухи, что с колокольни стреляют и в церкви скрываются полицейские. Вечером ввиду относительного спокойствия на улице причт решил совершить Великое повечерие без звона. Собралось небольшое количество богомольцев. Однако в конце службы, около 7 час. вечера, колокольню начали обстреливать с улицы из пулемета, разбив при этом один из малых колоколов. Богослужение не прерывали, но причт и молящиеся переместились к простенкам, чтобы не попасть под пули. После обстрела солдаты изучили колокольню в третий раз, заперли ее и ключ унесли «для представления начальству»³⁷.

Вечером между 10 и 11 час. все церковные дома (квартиры, чердаки и подвалы) осмотрел военный наряд. Наткнувшись на запертую колокольню, дверь в нее сломали и строение вновь осмотрели (уже в четвертый раз). При этом исполнявший должность начальника Выборгской боевой дружины М.Г. Иванов выдал духовенству письменное удостоверение о том, что ничего подозрительного не обнаружено. Тем не менее, 2 марта причт решил не проводить служб, а вокруг храма вывесил объявления, опровергающие «провокационную ложь» о якобы скрывавшихся на церковных крышах полицейских. 3 марта обстановка нормализовалась, и повечерие даже сопроводили колокольным звоном. Говеющих было не свыше 150 человек. 4 марта утреню и литургию для причастников также совершили со звоном, а «всеношное бдение и вынос св. креста были совершены с требуемым уставом звоном, при громадном собрании молящихся». После всеношного провели панихиду «по православным воинам и всем, во брани за дело Родины живот положившим», а 5 марта молебен об умиротворении междоусобной брани. При этом 3, 4 и 5 марта настоятель обращался к верующим с поучениями, призывая к единению и сплоченности около Временного правительства «во имя любви к Родине и защитникам ее на передовых позициях» и напоминая о необходимости осторожного отношения к провокационным слухам, «жертвою которых явилась и Матфиевская церковь»³⁸.

Как мы видим, события во всех трех названных храмах развивались практически по одному и тому же сценарию. Протоиерей Дурнев даже предположил, что «во всем этом нельзя не заметить искусственного и нарочитого возбуждения толпы лицами, которым храм или не нужен вовсе, или вреден, и потому в эти страшные минуты народного волнения так удобен для вящего осмеяния и поругания православной святыни и ее служителей»³⁹. Настоятель Матфиевской церкви протоиерей Сперанский отметил, что распространением слухов о стрельбе с колокольни занимаются «подростки из простонародной среды»⁴⁰.

Хотя проведенное епархиальным начальством расследование показало полную непричастность духовенства к стрельбе на улицах Петрограда, ожидаемых мер по его реабилитации не последовало. 23 мая 1917 г. епископ Вениамин написал обер-прокурору Львову о том, что уже поступили донесения от всех благочинных города, свидетельствующие о том, что «ни на колокольных, ни на

церковных домах пулеметов полицией поставляемо не было и никакой стрельбы с колоколен и крыш в означенные дни не производилось»⁴¹. В письме Вениамин намекнул на отсутствие результатов деятельности адъютанта Азриленко и попросил вернуть все переданные ему документы⁴². Создавалось впечатление, что расследование Азриленко свелось к тому, что он просто собрал рапорты благочинных и, обнаружив отсутствие подтверждений слухов о стрельбе, самоустранился. При этом обращает на себя внимание и то безразличие, с которым отнесся к данному делу обер-прокурор. Его или успокоили доклады духовенства, или он ожидал каких-либо сенсаций, которых не получил. Так или иначе, Львов не сделал ничего для ознакомления общественности с результатами проведенного епархиальными властями расследования, что вызвало крайнее недовольство клира и православных верующих. Прошедший с 25 мая по 2 июня 1917 г. Чрезвычайный церковный собор Петроградской епархии выразил «свое крайнее удивление и глубокую скорбь, что г. обер-прокурор Св. Синода, долженствующий стоять на страже интересов церкви, не только своевременно, но и до сих пор не принял мер к прекращению ложных чисто провокационного характера обвинений по адресу служителей церкви г. Петрограда (к слухам о стрельбе с колоколен)»⁴³. В открытом обращении петроградских православных рабочих к российским епископам от 16 июня 1917 г. в качестве одного из упреков в адрес обер-прокурора назывался тот факт, что Львов «хранил и хранит молчание о клевете с пулеметами на петроградских колокольнях»⁴⁴. В июле 1917 г. Львов был отправлен в отставку, а потом и арестован в связи с делом Л.Г. Корнилова, и претензии к бывшему обер-прокурору забылись.

Вопрос о том, кто в действительности стрелял в феврале с крыш по улицам Петрограда, до сих пор остается открытым, однако историками в настоящий момент признается, что выстрелы были единичными, и пулеметы для рассеивания толп скорее всего не применялись⁴⁵. Но очевидно, что православные храмы в те дни не только не являлись огневыми точками царской полиции, а сами стали жертвами обстрелов. При этом важен даже не этот вывод сам по себе, а то восприятие церкви народом, которое продемонстрировали описанные случаи разгрома храмов. Ведь кроме имевшей место истерии, связанной с поиском по чердакам и подвалам врагов народной свободы, необходимо признать наличие негативного отношения революционных солдат и рабочих к духовенству, в котором видели сторонников и защитников старого строя. Поэтому с такой легкостью принимались на веру и распространялись слухи об укрывающихся в храмах и на колокольнях полицейских. Можно добавить и вывод об очевидной неспособности новых властей обеспечить неприкосновенность церквей: все они оказались заложниками улицы.

Неуважение к религиозным святыням проявилось с самых первых дней Февральской революции, и представляется сомнительным, что оно могло быть умышленно сформировано кем-то за короткое время начавшихся народных волнений. То, с каким остервенением вчерашние прихожане стали расстреливать храмы, свидетельствует о катастрофическом падении авторитета церкви у населения еще до революции. И вовсе не большевики первыми инициировали гонения на православие: разгром храмов начался задолго до Октябрьского переворота.

Примечания

1. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 797, оп. 86. III Отд. 5 Стол, д. 12, л. 313—313об.
2. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб), ф. 19, оп. 109, д. 86, л. 12—12об.
3. Там же.

4. Там же, л. 6.
5. Там же, л. 5об.
6. НИКОЛАЕВ А.Б. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля — 3 марта 1917 года. СПб. 2005, с. 416.
7. ШКАРОВСКИЙ М.В. Александро-Невская Лавра в год революционных потрясений (1917—1918). — Христианское чтение. 2010, № 1, с. 7.
8. Февральская революция 1917 года. Сборник документов и материалов. М. 1996, с. 122.
9. Петроградская газета. 7.III.1917.
10. См., например: ШЛЯПНИКОВ А.Г. Канун Семнадцатого года. Семнадцатый год. Т. 2. Кн. 1—2. М. 1992, с. 70—71; ФИЛОСОФОВ Д.В. Дневник (17 января — 30 марта 1917 г.). — Звезда. 1992, № 1, с. 200.
11. Полное наименование комиссии «Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц как гражданского, так и военного и морского ведомств».
12. Падение царского режима. Т. 1. Л. 1924, с. 210—211.
13. Там же. Т. 2. Л. 1925, с. 196—248.
14. ЦГИА СПб., ф. 487, оп. 1, д. 2529, л. 30.
15. Там же, л. 33—62.
16. РГИА, ф. 796, оп. 445, д. 728, л. 2.
17. ЦГИА СПб., ф. 19, оп. 109, д. 2, л. 1—2.
18. Там же, л. 4; РГИА, ф. 796, оп. 445, д. 728, л. 1. По сведениям А.Б. Николаева, Азриленко состоял адъютантом председателя Военной комиссии ВКГД, 3 марта 1917 г. он получил удостоверение № 812 «для свободного проживания в г. Петрограде и входа в помещения Государственной думы». См.: НИКОЛАЕВ А.Б. Государственная дума в Февральской революции: очерки истории. Рязань. 2002, с. 255.
19. ЦГИА СПб., ф. 19, оп. 109, д. 2, л. 3об., 5.
20. РГИА, ф. 796, оп. 445, д. 728, л. 2.
21. ЦГИА СПб., ф. 19, оп. 109, д. 2, л. 11.
22. Там же, л. 17.
23. Там же, л. 12.
24. Там же, л. 14.
25. Там же, л. 15.
26. Там же, л. 16.
27. Там же, л. 10об.
28. Там же, л. 7.
29. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 1782, оп. 1, д. 88, л. 1.
30. Цит. по: НАДСАДНЫЙ Д.В. Городская исполнительная комиссия по благотворительности (Петроград, 1917 г.). Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. научн. ст. СПб. 2013, с. 61.
31. ЦГИА СПб., ф. 19, оп. 109, д. 2, л. 8, 13.
32. Церковь и революция. — Известия по Петроградской епархии. 1917, № 21—23 от 14 июня, с. 18—20.
33. Там же.
34. Там же.
35. Там же, № 24—25 от 20 июня, с. 12.
36. Там же.
37. Известия по Петроградской епархии, № 26—27 от 27 июня, с. 10—11.
38. Там же.
39. Церковь и революция. — Известия по Петроградской епархии, № 21—23, с. 18—20.
40. Известия по Петроградской епархии, № 26—27, с. 10—11.
41. РГИА, ф. 796, оп. 445, д. 727, л. 3—3об.
42. Там же.
43. Известия по Петроградской епархии, № 24—25, с. 25.
44. Там же, № 34 от 14 августа, с. 6.
45. БУЛДАКОВ В.П. Февраль наоборот. — Новая газета. 29.II.2012; СТАРКОВ Б.А. Февральский излом 1917 года. — Общество. Среда. Развитие (Тегга Нумана). 2007, № 4, с. 38.

Источники по истории детского крестового похода 1212 г.

О.В. Лукаш, В.Л. Портных

Крестовый поход обычно представляется масштабной экспедицией рыцарей, возглавляемой видными представителями политической элиты. Действительно, «священные войны» населения Западной Европы с целью отвоевать Палестину всегда проходили под предводительством графов, королей и императоров, руководивших профессиональным воинским сословием, но кроме него в подобных предприятиях могли участвовать и другие социальные слои. Как принято считать, крестовых походов на Ближний Восток в 1096—1291 гг. прошло восемь. Для них всегда было характерно наличие трех обязательных компонентов: 1) официальная санкция папства, которая среди прочего могла выражаться и в присутствии в войске высокопоставленных духовных лиц; 2) традиция «принятия креста», выразившаяся в изображении крестов на одежде; 3) дарование полной индульгенции, то есть полного отпущения всех грехов, совершенных к моменту начала похода, при условии раскаяния в них, а также других привилегий за участие¹. Помимо этого, был еще один, непостоянный, признак — географический. Несмотря на то, что не все ученые согласны расширить традиционное понятие крестового похода, включив в него священные войны, соответствующие трем вышеуказанным признакам, но происходившие не в Палестине (войны против еретиков-альбигойцев, гуситов, язычников в Прибалтике и т.д.), как правило, их тоже относят к категории «крестовых»².

Однако этими экспедициями, независимо от того, о каком географическом охвате термина «крестовый поход» мы договоримся, список крестовых походов не исчерпывается. Некоторые массовые движения, которые не удовлетворяют всем из перечисленных трех условий, тем не менее, также считаются крестовыми. Речь идет о разного рода «народных» инициативах отнюдь не под началом видных политических фигур. К ним относится «поход бедноты» 1096 г., походы «пастушков» в 1251 и 1320 гг. и «детский» крестовый поход 1212 года.

Детский поход 1212 г. на основании реконструкции событий по очень общим и фрагментарным сведениям источников предстает движением двух потоков детей — один из Франции, другой из Германии — по направлению к средиземноморскому побережью. Часть сообщений указывает целью этого похода отплытие к берегам Палестины и отвоевание у мусульман Иерусалима, потерянного за два с небольшим десятилетия до этого в ходе войн с Саладином. Подавляющее большинство близких ко времени события хроник датируют поход 1212 годом.

Лукаш Ольга Викторовна — студентка, лаборант-исследователь Новосибирского государственного университета; *Портных Валентин Леонидович* — кандидат исторических наук, заведующий сектором НГУ.

Для того, чтобы назвать это движение крестовым, недостает двух признаков из трех: папе не принадлежит ни инициатива, ни одобрение постфактум, и, как следствие, он не предоставлял никому из участников ни индульгенций, ни других привилегий. Однако часть современных событиям источников называет участников стандартным латинским термином *crucesignati*, появившимся незадолго до этого и обозначающим крестоносца. Такая однозначная ассоциация детского похода с «классическим» крестовым походом не позволяет обойти вниманием эту экспедицию. Традиционное решение историков в ее отношении, как правило, таково: «среди крестовых походов называть, но порядковой номер не присваивать». В результате детский поход всегда условно называется «крестовым», хотя и не является кандидатом на вхождение в «большую восьмерку» походов.

Подобная традиция непризнания этого похода равноправным с другими была заложена еще его современниками. Как «неофициальному» и не одобренному церковью, ему не посвятили специальных и больших парадных исторических описаний; лишь анналы, в которых в хронологическом порядке рассказывали все подряд, донесли до нас некоторую информацию о нем. В то же время о каждом из первых пяти крестовых походов рассказывает специальная тематическая хроника, а экспедициям, предпринятым Людовиком Святым, уделяется большое внимание на страницах его жизнеописания, созданного Жаном де Жуанвилем³. В случае же детского крестового похода несколько десятков хронографических сообщений занимают по большей части лишь один абзац стандартной величины, что косвенно отражает отношение хронистов к событиям: судя по текстам, их мнение обо всей затее является либо нейтральным, либо негативным. По названным причинам наши фактические знания об этом движении по определению скудны и фрагментарны.

В ситуации, когда на протяжении двадцатого столетия на Западе вышла целая серия публикаций по поводу различных аспектов истории детского крестового похода, а отечественных работ по этой тематике нет, за исключением соответствующих глав общих работ, а также научно-популярной литературы, представляется целесообразным донести до отечественного читателя, не всегда имеющего доступ к иноязычной литературе, резюме основной научной информации, освещающей эту любопытную и окутанную загадками страницу истории. Придерживаясь намерения посвятить обзору зарубежной историографии отдельную статью, мы приводим публикацию комментированного перевода основных сообщений источников по истории детского похода, написанных в период 1212—1250 гг., то есть источников, созданных либо современниками, либо по рассказам очевидцев ненамного позже самих событий. Подобного издания источников по детскому крестовому походу в рамках единой публикации пока нет и за рубежом, в то время как систематизация «клочков» информации, разбросанных не по одному десятку хроник, была бы очень кстати тем, кто занимается крестовыми походами, смежными темами или просто интересуется подобными вопросами.

При подготовке исследования была использована периодизация, предложенная в работе Питера Рэдтса⁴, а именно деление ранних источников на две группы: тексты, составленные до 1220 г. и в промежутке между 1220 и 1250 годами. Некоторые слова и выражения даны в латинском варианте. В первую очередь, это касалось личных имен, транслитерация которых может варьироваться и неточно передаваться при переводе на русский, и географических названий, ибо их идентификация бывает затруднена, а перевод не всегда может передавать нюансы значений. На языке оригинала также указана вся терминология, говорящая о половозрастном составе участников похода, что связано со встречающимися в историографии разногласиями, были ли участники событий исключительно детьми, и какова была степень именно их участия⁵. Наконец, латинским комментарием сопровождаются все термины, словосочетания и фразы, которые могут свидетельствовать о «священном» характере экспедиции и ее принадлежности к крестоносному движению. Кроме того, на двух языках приводятся оценки происшедшего хронистами и их слова о действующих силах, вызвавших к жизни такое предприятие. Таким же образом поясняются иные выражения, важные для понимания описанных событий. Хроники расположены в алфавитном порядке.

Источники, созданные до 1220 года. 1. Хроника Альберта Милиоли ⁶.

О множестве детей немецких [Alamania] ⁷.

В том же году 1212. Под воздействием уговоров троих детей [puerorum] возраста около 12 лет, принявших знак креста [crucis signaculum assumentium] ⁸ в районе Кёльна [Colonia], которые говорили, что им случилось видение, бесчисленное множество бедняков [pauperum] обоих полов и детей [puerorum], отправившихся в паломничество [peregrinantium] ⁹ из Германии [Theothonia] ¹⁰, отмеченных знаком креста [cruce signatorum] ¹¹, единодушных сердцем и говорящих в один голос, что перейдут моря посуху и возвратят [recuperaturos] в Божью власть Святую Землю Иерусалим [terram sanctam Ierusalem], пришло в Италию [Ytalia]. Однако почти все это множество затем исчезло. В том же году был голод настолько сильный, особенно в Апулии [Apulia] и на Сицилии [Sycilia], что матери поедали своих детей.

1а. Хроника Салимбене Пармского ¹². Фрагмент данной хроники содержит аналогичную информацию, датировка — 1212 год ¹³.

2. Анналы Рейнера (монастырь Св. Иакова в Льеже) ¹⁴.

(1212). Необыкновенное [mirabilis] ¹⁵ движение детей [motus puerorum], как из романского, так и из немецкого царства [tam de Romano ¹⁶ quam de Teutonico regno], в основном пастухов [pastorum], как мужского, так и женского пола. Плакали же сильнее всего те, кого отцы и матери не отпускали уйти. Мы считаем, что это сделано было под воздействием магического искусства [magica arte] ¹⁷, потому что их деяние не имело никакого результата, ибо в конце концов они рассеялись, и путь их был сведен на нет. Было же их намерение таково: они хотели переплыть море и вернуть [recuperare] Гроб Господень [sepulcrum Christi], чего сильные мира сего и короли не сделали. Но поскольку это дело было не от Бога, оно ничем не кончилось. Сильная жара стояла первые пятнадцать дней июля.

3. Адмонтские анналы (продолжение) ¹⁸.

1212. Случился по дьявольскому побуждению [instinctu diabolico] поход детей [expeditio puerorum] обоих полов и, кроме того, пожилых мужей и жен [virorum et mulierum provectorum], вождем [dux] которых был Николаус [Nicolaus], некий мальчик из Кёльна [Colonia]. Все они умерли и были проданы в разных землях. Спустя немного времени во время паломничества Святого Креста [in peregrinatione sancte crucis] вышеупомянутый вождь [prefatus dux] ¹⁹ переплыл (море), отважно воевал почти два года у Акры [Akirs] ²⁰ и в осаде Дамиетты [Damiate] ²¹ и в конце концов вернулся невредимым. Все (произошло) в течение как нынешнего года, так и двух предшествующих годов.

4. Эльвангенские анналы ²².

1212. В год тысяча двухсот двенадцатый, тогда многие дети [pueri] стали паломниками [peregrini].

4а. Эльвангенская хроника ²³.

Содержит аналогичную информацию, но датировка отличается: в тексте указан 1211 год ²⁴.

5. Флоресские анналы ²⁵.

1212. ...Тогда же большое множество детей [puerorum], движимое неизвестно чьей волей [incertum quo numine mota] и собранное из разных областей, держа путь к заморским краям, по большей части погибло в кораблекрушении и от разных несчастий.

6. Жюмьежские анналы ²⁶.

1212. Случилось движение детей [puerorum], блуждавших почти по всей Галлии [Galliam] ²⁷, начиная от крепости Вандома [Windonico] и затем по городам, разным крепостям и деревням, которые утверждали, что ищут Бога [se Deum querere]. Их не могли удержать, пока из-за постоянного голода они сами не вернулись по домам.

7. Генуэзские анналы Оджерия Пана ²⁸.

(1212). В месяце же августе, в субботний день 25 августа, по причине паломничества [peregrinationis causa], в Геную [Ianue] пришел некий немецкий мальчик [puer Teutonicus] по имени Николаус [Nicholaus], и с ним огромное множество пилигримов [peregrinorum], несущих кресты и посохи паломников, а также кожаные сумы [scarsellas] ²⁹. По мнению одного

добрého мужа, их было более семи тысяч человек, и среди них мужчины [homines], женщины [feminas], мальчики [pueros] и девочки [puellas]. В последовавшее за этим воскресенье, они ушли из города, однако многие мужчины и женщины, мальчики и девочки из их числа остались в Генуе [Ianuam].

8. Цвифальтенские анналы ³⁰.

1212. Дело совершается чрезвычайно удивительное [mira nimis]: под предводительством мальчика [puero ductore] бесчисленные дети [pueri] собираются в морских местах.

9. Нересхаймские анналы ³¹.

1211. Несметное число детей, принявших крест [cruce signati], напрасно снарядилось, чтобы освободить Святую Землю [terram sanctam].

10. Анналы соборного капитула Санкт-Руперт в Зальцбурге ³².

1212. Чрезвычайно большое множество людей [hominum] обоих полов и возрастов было вдохновлено (пойти) в поход лже-вождями [per pseudo ductores]. По приказу папы Иннокентия ³³ и при помощи отправленных (к ним) кардиналов, они были остановлены в районе Тривизио [Tarvisium] ³⁴.

11. Большие Шефтларнские анналы ³⁵.

1212. В тот же год объявился некий мальчик [puer] по имени Николаус [Nicolaus], который собрал вокруг себя множество детей [puerorum] и женщин [mulierum], провозглашая, что он пойдет вместе с ними Иерусалим [Ierusalem] и освободит Крест Господень [crucem dominicam] ³⁶, что должен предпринять это, согласно ангельскому приказанию [iussu angelico] и что море, словно некогда народу Израильскому, предоставит (им) сухой путь [quondam populo Israelitico siccum iter prebere] ³⁷. Из них, готовых к сражению, некоторые погибли от голода, а некоторые беспорядочно вернулись в свои земли.

12. Мортмерская хроники (продолжение хроники Сигеберта из Жамблу) ³⁸.

1213. ...В то же время в королевстве франков [regno Francorum] ³⁹ мальчики и девочки [pueri et puelle] с некоторыми подростками [adolescentulis] и старыми людьми [senibus], неся знамена, свечи, кресты, кадила, устраивали религиозные процессии [processiones] и шли по городам, деревням и крепостям, распевая и провозглашая по-французски [Gallice proclamantes] ⁴⁰: *Господь Бог, возвеличь христианство! Господь Бог, верни нам Истинный Крест! [Domine Deus, exalta christianitatem! Domine Deus, redde nobis veram crucem!]* Они распевали не только эти слова, но и многие другие, потому что были разные процессии, и каждая процессия меняла их по своей прихоти. Дело же это, от века неслыханное, было большим удивлением для многих. Мы верим, что оно было предсказанием тех будущих (дел), что произошли на следующий год. Ведь римский легат, вошедший в границы Галлии [Gallie], отметил огромное множество (людей) крестом [cruce signavit] во имя Распятого на кресте [crucifixi] ⁴¹, коего множества число есть знание одного лишь Бога.

12а. Продолжение Руанских анналов ⁴².

Представлена аналогичная информация, датировка — 1212 год ⁴³.

13. Кельнская королевская хроника (продолжение IIa) ⁴⁴.

1213. ...В этот самый год случилось довольно удивительное [miranda] дело, которое тем более достойно удивления, что от века не слыхано. В районе Пасхи и Пятидесятницы ⁴⁵ со всей Германии [Theutonia] и Франции [Francia] ⁴⁶, никем не побуждаемые и не под воздействием проповеди, не знаю, каким духом [spiritu] движимые, многие тысячи детей [puerorum] от 6 лет и старше, вплоть до мужеского возраста [virilem etatem], тогда как родители того не желали, а родственники и друзья пытались их от этого удержать, одни оставили плуги или повозки, которыми правили, другие скот, который пасли, или что другое имели под рукой, и, внезапно побегав один за другим, отметили себя крестами [crucibus se signaverunt]. Так они пошли с поднятыми знаменами в Иерусалим [Iherosolimam], по двадцать, пятьдесят человек или сотнями. И когда многие спрашивали их, по чьему совету, чьими уговорами они предназначили себя этой дороге (особенно при том, что за несколько лет до этого многие короли, многочисленные герцоги, бесчисленные народы, крепкие своей десницей, придя туда, возвратились, не выпол-

нив дело ⁴⁷, а сами же они (дети) были еще детского возраста, и ни силы, ни могущества для того, чтобы что-либо совершить, не имели, и потому это предпринятое дело всеми без различия было осуждено как глупое [stulte], они коротко отвечали, что в этом они подчиняются божественному знаку [nutui divino], и потому все, чего бы Бог ни пожелал, чтобы они совершили, они брали на себя охотно и по (своей) воле. Так, пройдя небольшую часть пути, кто-то повернул обратно в Майнце [Maguntie], кто-то в Пьяченце [Placentie], а кто-то в Риме [Rome]. Другие же пришли в Марсель [Massiliam], и не известно, переправились ли они или нет, и каков был их конец. Не подлежит сомнению лишь одно: из многих тысяч, кто выступил, лишь немногие вернулись.

14. Кельнская королевская хроника (продолжение IIIa) ⁴⁸.

1212. ...Также в этот самый год со всей Франции [Francia] и Германии [Theutonica] дети [pueri] разного возраста и статуса [conditionis], отмеченные крестом [cruce signati], утверждали, что им было велено свыше [divinitus sibi imperatum] выступить в поход в Иерусалим [Iherosolimam] на помощь Святой Земле [Sanctae Terrae]. По их примеру множество юношей [iuvenum] и женщин [mulierum], отметивших себя крестом [cruce se signantes], решили идти с ними. К ним примешались некие злые люди [maligni homines], которым (участники похода) вверяли то, что унесли и то, что они ежедневно получали от верующих, но те, недостойно и тайком унося все это, собрав деньги, втайне удалились. Один из них, схваченный в Кельне [Coloniae], был повешен. Многие из них погибли в лесах и пустынных местах от жары, голода и жажды. Другие же, перейдя Альпы [Alpes] ⁴⁹, вскоре после того, как вошли в Италию [Italiam], будучи разорены и изгнаны лангобардами [Longobardis] ⁵⁰, вернулись с позором.

15. Всеобщая хроника Анонима из Лана ⁵¹.

Год Благодати 1212. ...В том же году в месяце июне некий мальчик [puer] Этьен [Stephanus] из деревни под названием Клойе [Cloies] ⁵², что находится рядом с крепостью Вандом [castrum Vindocinum] ⁵³, пастух [pastor] по роду занятий, говорил, что Бог явился ему в облике бедного паломника [peregrini], принял от него хлеб и вручил ему письмо, которое нужно было отнести французскому королю. Когда этот (мальчик) пошел со своими пастушками того же возраста [coevis], к нему пришли около 30 000 (человек) из разных частей Галлии [Galliarum]. В то самое время, как (он) сделал остановку у Сен-Дени [Sanctum Dionisium], Бог совершил через него, как многие свидетельствуют, многочисленные чудеса [virtutes] ⁵⁴. Были и другие дети [pueri], которые во многих местах были окружены большим почетом народа, ибо существовало поверие, что они также совершают чудеса [virtutes]. К ним пришло множество детей [puerorum], будто бы чтобы пойти под их руководством к Этьену, святому мальчику [sanctum puerum]. Все признали его учителем и начальником. В конце концов, король посоветовался с парижскими магистрами по поводу собрания детей ⁵⁵, и по его повелению они вернулись к себе. Таким образом, это благочестивое детское предприятие [puerilis devocio] как просто было начато, так же просто было и окончено. Многим казалось, что посредством подобного рода невинных [innocentes], собравшихся по собственной воле, Бог совершит что-то великое и новое на земле, однако это оказалось далеко не так.

16. Пьяченские анналы Джованни Коданьелло ⁵⁶.

(1212). В ближайший вторник, 20 августа, некий немецкий мальчик [puer Theothonicus], отмеченный знаком креста [signo crucis signatus], которого звали Николаус [Nicholaus], с большим и неизмеримым множеством немецких детей [Theothonicorum puerorum] и грудных младенцев [infantium lactantium], женщин и девочек [mulierum et puellarum], отмеченных знаком Божьего креста [signo crucis Domini signatorum], совершили переход через Пьяченцу [Placentiam], спеша отправиться за море. Они говорили, что самому мальчику (Николаусу) было послано через ангела, что он сам и его последователи должны отвоевать Гроб Господень [sepulcrum Domini] из рук и из-под власти вредных и наихудших сарацинов [iniquorum ac pessimorum Saracenorum].

17. Хроника Сикардо, епископа Кремоны ⁵⁷.

1212. ...В том же году некий ребенок [infans], возраста менее десяти лет [minus X annorum], с несметным множеством бедняков [pauperum] пришел из Германии [Teutonia], провозглашая, что без судна перейдет море и освободит Иерусалим [Ierusalem].

18. Мемориал Вальтера из Ковентри ⁵⁸.

(1212). Собравшись в одно место из разных городов Франции [Francie], дети [pueri] были большим удивлением [admirationi] для тех, кто их наблюдал. Куда бы дети не направлялись, они сходились вместе, и их (родные) практически не могли удержать их, чтобы они не присоединились к сборищу остальных. В Париже [Parisius] говорили, что их около 15 тысяч, и никто из них не был старше двенадцати лет. На вопрос о том, что они собираются делать, как говорят, они отвечали, что идут вновь обрести крест Господень [Christi crucem].

Источники, созданные между 1220 и 1250 годами.

1. Анналы Альберта Штаденского ⁵⁹.

Год Божий 1212. ...Примерно в то же время дети [pueri] без руководителя, без вождя, из всех местечек и городов всевозможных земель устремились быстрым шагом к заморским краям, и когда у них спрашивали, куда они спешат, отвечали: *К Иерусалиму, искать Святую Землю.* [Versus Iherusalem, quaerere terram sanctam.] Многих из них запирали родители, но тщетно, поскольку те выбирались, сломав либо замки, либо стены. Когда слухи (об этом) дошли до папы, тот, вздохнув, произнес: *Те дети делают нам упрек, потому что в то время как они торопятся к освобождению Святой Земли, мы спим* ⁶⁰. [Hii pueri nobis inproperant, quod ad recuperationem terrae sanctae eis currentibus nos dormimus.] До сих пор не известно, куда они (все) пропали. Однако многие вернулись, и когда их спросили о причине их шествия, они сказали, что не знают. Также голые женщины примерно в то же время, ничего не говоря, пробежали через деревни и города.

2. Хроника Альберика, монаха из Труа-Фонтен ⁶¹.

Год 1212. ...В этом году весьма чудесным образом [miraculose] случился поход детей [expeditio infantium], собравшихся отовсюду. Вначале они пришли из Вандомского замка [castrum Vindocini] в Париж [Parisius]. Когда их было около 30000, они прибыли в Марсель [Massiliam], словно желая перейти море и пойти против сарацинов [Sarracenos]. Плуты [ribaldi] же, которые присоединились к ним, и злые люди [mali homines] изничтожили войско до такой степени, что лишь малое число из этого множества возвратилось назад, ибо кто-то погиб в море, а кто-то был продан в рабство. Однако каждому, кто выбрался оттуда, папа дал наставление, чтобы они, подобно крестоносцам [cruce signati], переплыли море, когда достигнут (подобающего) возраста.

Говорят, что предателями этих детей были марсельские торговцы Гуго Железный [Hugo Ferreus] и Гийом Свинья [Guilelmus Porcus]. Поскольку они были кормчими, они должны были во имя Бога, не взимая платы, перевезти их за море, как они им ранее пообещали. И наполнили они (этими детьми) семь больших кораблей; и когда через два дня плавания в море достигли они острова Святого Петра [insulam sancti Petri], два корабля разбились о скалу, которую называют *Reclusi*, во время начавшейся бури, и все дети с тех двух кораблей утонули. И — как говорят — спустя несколько лет папа Григорий IX ⁶² поставил на том же острове церковь новых Невинных [pocogit Innocentum] и назначил 12 пребендариев ⁶³. В той церкви находятся тела детей, которых там выбросило море и которые, до сих пор невредимые, показывают паломникам.

Предатели же препроводили оставшиеся пять кораблей до Беджайи [Bugiam] ⁶⁴ и Александрии [Alexandriam] и там продали всех тех детей знатным сарацинам и купцам. 400 из них — все клирики, среди которых было 80 священников, — купил халиф в свое владение, потому что таким образом он захотел отделить их от других, и обращался с ними всеми достойно, в соответствии со своим обычаем. Этот халиф, о котором я говорил выше, обучался в Париже в облачении клирика, и совершенно изучил все, что наше есть, а недавно перестал совершать жертвоприношение верблюжьего хлеба [верблюжьего мяса?] ⁶⁵.

В тот же год, когда дети были проданы, знатные сарацины собрались у Багдада [Baldach] ⁶⁶, и в их присутствии 18 детей были изведены разными видами мученичества [martirii] оттого, что не захотели никоим образом оставить веру христианскую. Оставшихся, впрочем, хорошо содержали в рабстве. Тот, кто видел это, и был один из названных клириков, что халиф купил в свое владение. Он честно сказал, что не слышал, чтобы кто-либо из упомянутых детей отрекся от христианства. Два также вышеупомянутых предателя, Гуго Железный и Гийом Свинья, после этого прибыли к правителю сарацинов Сицилии Мирабелле [principem Sarracenorum Sicilie]

Mirabellum], желая составить вместе с ним заговор против императора Фридриха ⁶⁷, однако Божьей помощью император победил их и Мирабеллу с двумя сыновьями, а также тех двух предателей, повесил на одной виселице. Спустя 18 лет после этого похода, — добавил тот, кто это рассказал, — Маскемуш [Mascemuch] из Александрии [Alexandria] все еще хорошо охранял 700 уже не детей, но мужественного возраста мужей [non iam infantes, sed fortioris etatis homines].

3. Марбахские анналы ⁶⁸.

(1212). В то время детьми [pueris] и глупыми [stultis] людьми без какого-либо отличия, принявшими знак креста [signum crucis], был совершен некий нелепый поход [nugatoria expeditio], скорее по причине любопытства, чем ради спасения. Туда отправились (дети) обоих полов, мальчики и девочки [pueri et puellae], не только малые [minores], но также и взрослые [adulti], жены с девушками [nupte cum virginibus], идущие с пустыми кошельками не только через всю Германию [Alemanniam], но также через области Галлии и Бургундии [partes Galliarum et Burgundie]. Родители и друзья не могли удержать их, чтобы они не предприняли тот путь всеми стараниями. Дело дошло до того, что повсюду в деревнях и на полях, они присоединялись к проходящим (отрядам), бросая свой инвентарь и все, что имели под рукой.

И так как в отношении подобных новостей мы часто представляем собой легковерную толпу, многие посчитали, что все это случилось не в силу легкомыслия, но посредством божественного вдохновения [per divinam inspirationem] и из-за некоей набожности [pietate], отчего и помогали им в расходах, давая пропитание и необходимое. В то время как клирики и некоторые другие, у которых был более рассудительный ум, прекословили и осуждали тот путь как тщетный и бесполезный, миряне решительно сопротивлялись им, говоря, что клирики недоверчивы и противятся этому предприятию скорее из зависти и жадности, чем из-за правды и справедливости.

Однако поскольку дело было начато в отсутствие взвешенных доводов разума [libramine rationis] и силы совета [vigore consilii], оно обрело нехороший конец: после того как это глупое [stolida] множество пришло в Италию [Ytalie], они рассеялись и там и сям по городам и замкам, в то время как жители тех земель забрали себе многих в слуги и служанки. Другие, как говорят, пришли к морю. Они были соблазнены судовладельцами и моряками и перевезены в другие, удаленные, края земли.

Оставшиеся же пришли в Рим [Romam] (и), когда увидели, что не могут иметь успех, так как не имеют поддержки никакого авторитета, в конце концов, познали, что их труд был ничтожный и пустой, однако никоим образом не были освобождены от обета креста [a voto crucis] ⁶⁹, за исключением детей, не достигших зрелого возраста [pueros infra annos discretionis existentes], и тех, кого тяготила старость [quos senium deprimebat]. Будучи таким образом введены в заблуждение и замешательство, они стали возвращаться назад, и те, что раньше переходили земли толпами и отрядами, и обязательно с песней, теперь делали это по одиночке и молча, и, возвращаясь босыми и голодными, стали для всех посмешищем, ибо многие девушки были схвачены и потеряли цветок своего целомудрия.

4. Эберсмюнстерская хроника ⁷⁰.

(1212). Небывалые происшествия отвращают нас от того, чтобы начать (подобное), и побуждают к тому, чтобы их запомнить. Некий маленький мальчик [puerulus] по имени Николаус [Nicolaus], шедший из кельнской округи [a pago Coloniensi] в сопровождении многих детей [puerorum] и сподвигнутый не знаю каким внушением [suggestione], утверждал, что он может посуху перейти волны моря вброд и предоставить своим последователям достаточные средства. Слава столь чудесного [mirabilis] события звучала в городах и деревнях, и каждый, кто услышал (об этом), как мальчики [masculi], так и девочки [puellae], оставив своих родителей, приняли знак креста и приготовились к тому, чтобы переправиться за море. Так, через всю Германию [Alemanniam] и Францию [Galliam] бесконечное множество молодых слуг, служанок и девушек [servulorum, ancillarum et virginum], сопровождая своего вождя [ductorem], пришло к Вене [Veniain] ⁷¹, что есть город близкий к морю, где некоторые из них, взятые на корабли и увезенные пиратами, были проданы сарацинам. Другие, стремясь вернуться, погибли от голода, а многие девушки, что были девственницами в начале похода, вернулись беременными, и

так стало ясно, что этот путь взял свое начало из дьявольского [maligni hostis] ⁷² обмана, потому что был для многих причиной гибели.

5. Деяния Трирцев (продолжение IV) ⁷³.

(1212). Многие удивительные вещи [mirabilia] произошли в мире в это время. И первое же вспоминаем то удивительное [mirabile] (дело), от века неслыханное, что (случилось) за несколько месяцев до его избрания ⁷⁴. Дети [pueri], собравшись из всех крепостей и деревень Германии [Theutonie], вдохновенные якобы свыше [divinitus inspirati], сошлись в разных местах, и, объединившись в отряды, выступили в путь к Иерусалиму [Iherosolimam], будто бы чтобы вернуть назад Святую Землю [Terram Sanctam]. Вождь и глава этого похода был Николаус [Nicholaus], некий кельнский мальчик [puer Coloniensis], носивший над собой нечто похожее на знак креста, имеющего форму тау [thau], что должно было быть знаком святости [sanctitatis] в нем и чудесности [miraculositatis]. Нелегко было различить и то, какого происхождения и металла был (этот знак) ⁷⁵. Когда дети пришли в Бриндизи [Brandusium], местный епископ, раскрывший обман, не разрешил им переправляться. Отец же Николауса продал их язычникам [gentilibus], и таким образом они были охвачены злодеянием демонов [demonum maleficio]. Из-за этого погиб и сам мальчик, и его отец, который был умерщвлен в Кельне [Colonie] плохой смертью. Многие из детей также погибли. Однако те, кто щедро снабжал шедших туда, ничего не дали возвращавшимся.

6. Большая хроника Матфея Парижского ⁷⁶.

(Год Божий 1213). В течение того же года, в наступившее лето, во Франции [Francia] возникло некое заблуждение [error], от века неслыханное. Некий мальчик [puer], которым управлял враг рода человеческого [hoste humani generis procurante] ⁷⁷, зрелого возраста [etate] и нравами своими ничтожный [perviliis], бродя по городам и замкам в королевстве франков [regno Francorum], словно посланный Богом, распевал по-французски: «Господи Иисус Христос, Крест Святой нам верни» [Domine Jesu Christe, crucem sanctam nobis restitue], добавляя к этому многое другое. И когда другие дети, его сверстники [pueris coetaneis], видели и слышали его, они следовали за ним, неисчислимые. Совершенно сбитые с толку дьявольским обманом [praestigio diabolico], оставив отцов и матерей, кормилиц и всех своих друзей, они пели то же, что напевал их учитель [paedagogus]. Их было невозможно — что названо чудом [mirum] — ни сдержать засовом, ни отворотить родительским внушением, чтобы они не последовали за их вышеупомянутым учителем [magistrum] к Средиземному морю [mare Mediterraneum], будто бы с намерением переправиться, в виде процессии, но разделенные при этом на отряды [processionaliter sed turmatim], распевая по пути. Никакой город уже не мог их вместить, так много их было. Во время марша их учитель передвигался в повозке, украшенной балдахинном [pallis adornato], был окружен шумевшей вокруг него вооруженной охраной, и толпа шла очень сомкнуто ввиду своей многочисленности. Счастливым же себя почитал тот, кто мог достать оторванные его одежды нити или волосы ⁷⁸. В результате, все погибли или на земле, или в море от рук древнего обманщика сатаны [impostore Satana machinante].

7. Хроника Гийома из Андрези ⁷⁹.

(1212). О паломничестве детей [De peregrinatione infantium], из разных мест собравшихся. Собралось бесчисленное множество детей [parvulorum] из разных городов, замков, укреплений и деревень, спешащих к Средиземному морю [mare Mediterraneum], которых никто ни внутри, ни извне не вдохновлял. Когда родители или другие (люди) спрашивали их, куда они хотят идти, как будто наученные одним духом, они отвечали каждый поодиночке и все вместе: «К Богу!» [Ad Deum!].

- Работа выполнена в рамках государственного задания в сфере научной деятельности (№ 33.702.2014).
1. RILEY-SMITH J. What were the crusades? London. 1977, p. 12—13.
 2. См. статьи Дж. Констебла о дискуссиях между «традиционалистами» (сторонниками определения крестового похода как похода в Палестину) и «плюралистами» (сторонниками включения в это понятие других священных войн): КОНСТЕБЛ Дж. Новейшие тенденции в историографии крестовых походов. Homo Historicus: К 80-летию со дня рождения Ю.Л. Бессмертного. Кн. 1. М. 2003, с. 579—596; ЕГО ЖЕ. К периодизации историографии крестовых походов. Другие средние века: К 75-летию А.Я. Гуревича. М. 2000, с. 198—209. К числу «традиционалистских» относятся взгляды известного французского историка крестовых походов Ж. Флори, определяющего крестовый поход с применением критерия его направленности на освобождение Иерусалима: «La croisade est une guerre sainte ayant pour objectif la libération de Jérusalem». FLORI J. La guerre sainte. La formation de l'idée de la croisade dans l'Occident chrétien. Paris. 2001, p. 357.
 3. ЖУАНВИЛЬ Ж. де. Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика. СПб. 2007.
 4. RAEDTS P. The Children's Crusade of 1212. — Journal of Medieval History 3 (1977), p. 268—275.
 5. Ibid., p. 282—286; DICKSON G. The Children's Crusade: Medieval History; Modern Mythistory. Basingstoke-N.Y. 2008, p. 33—35; EJUSD. Stephen of Cloyes, Philip Augustus and the Children's Crusade of 1212. Journeys Toward God: Pilgrimage and Crusade. Kalamazoo. 1992, p. 95—96; CARDINI F., DEL NERO D. La crociata dei fanciulli. Firenze. 1999, p. 81—84.
 6. ALBERTI MILIOLI NOTARII REGINI. Cronica imperatorum. — Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum (MGH SS), t. 31 (1903), p. 657.
 7. В эпоху крестовых походов термином «Аллемания» часто обозначались все земли Германии, которая, в свою очередь, обычно понималась как земля к востоку от Рейна. РАЙТ Дж.К. Географические представления эпохи крестовых походов. Исследование средневековой науки и традиции в Западной Европе. М. 1988, с. 288—289. В целом же в это время существовало три часто взаимозаменяемых термина, обозначавших земли к востоку от Рейна и к северу от Альп: *Germania*, *Teutonia*, *Allemania*. Подробнее см.: BRÜHL C. Naissance de deux peuples, "Français" et "Allemands". IX ème — XI ème siècle. Paris. 1994, p. 105—117.
 8. Крест, пришиваемый на одежду, был общепринятым отличительным знаком крестоносцев со времен первого крестового похода. Подробнее см., прежде всего: CONSTABLE G. The Cross of the Crusaders. Crusaders and Crusading in the Twelfth Century. Aldershot. 2008, p. 63.
 9. *Peregrinatio* (паломничество) было традиционным обозначением крестового похода, которое мы можем видеть уже на примере первого крестового похода. Деяния франков и прочих иерусалимцев. Новосибирск. 2010, с. 130—134. В основе идеи крестового похода изначально лежал его одновременный статус паломничества в Святую Землю и священной войны. FLORI J. Prêcher la croisade. XI—XIII siècle. Communication et propagande. Paris. 2012, p. 381—382.
 10. ALBERTI MILIOLI NOTARII REGINI. Op. cit., p. 657.
 11. Термин *crucesignatus*, являвшийся средневековым обозначением крестоносца, был введен в оборот незадолго до детского крестового похода — в период между третьим крестовым походом и событиями 1212 года. См.: MARKOWSKY M. Crucesignatus: its origins and early usage. — Journal of Medieval History. Vol. 10, issue 3, 1984, p. 157—165.
 12. CRONICA FRATRIS SALIMBENE DE ADAM ORDINIS MINORUM. MGH SS, t. 32 (1905—1913), p. 30.
 13. Хроника Салимбене де Адам из Пармы охватывает события с 1168 по 1287 годы. В описании периода с 1212 г. прослеживается влияние двух хроник: Альберта Милиоли «Liber de temporibus» и «Chronica imperatorum». Key Figures in Medieval Europe: An Encyclopedia. Routledge Encyclopedias of the Middle Ages. Routledge. 2006, p. 589—590.
 14. REINERI ANNALES S. IACOBI LEODIENSIS. MGH SS, t. 16 (1859), p. 665.
 15. Термин *mirabilis*, хотя и обозначал в том числе «чудесное», в отличие от более однозначного термина *miraculum* мог не предполагать обязательного божественного вмешательства, а обозначать также те явления, которые кажутся чудесами, но которые при этом можно объяснить и естественными причинами.

16. По-видимому, речь идет о наименовании, связанном с понятием Священной Римской империи. Термин *regnum romanum* встречается в источниках XIII в. именно в отношении империи, ядро которой составляла территория современной Германии, а император именовался *rex romanorum*. Например, в «Деяниях сенонской церкви» (RICHERUS MONACHUS SENONIENSIS. *Gesta ecclesiae Senoniensis*. MGH SS, t. 25 (1880), p. 324) Фридрих II назван императором римского царства (*Fridericus quondam imperator regni Romani*). В анналах Шейерна (Бавария) о местном замке говорится, что он издревле является знаменитым местом в Баварии, как это до сих пор явствует всему царству Римскому (*ut omni regno Romano eatenus patuit*). CHOUNRADUS MONACHUS SCHRIDENSIS. *Chronicon Schirense*. MGH SS, t. 17 (1861), p. 620. В несколько более поздней Рейнхардсбруннской хронике говорится о приобретении королем Германии (*Rex Romanorum*) Адольфом (1292—1298) Тюрингии как о ее присоединении к *regno Romano*. CRONICA REINHARDSBRUNNENSIS. MGH SS, t. 30 (1896), p. 641. В любом случае, нужно констатировать, что ни одна хроника, сообщающая о детском крестовом походе, не говорит об участии в нем детей из Рима и вообще из Италии.
17. В это время термин «*magicus*» еще продолжал указывать на решающую роль демонов в том, что он характеризует. KIECKHEFER R. *Magic in the Middle Ages*. Cambridge. 2009, p. 10—12.
18. ANNALES ADMUNTENSES (CONTINUATIO). MGH SS, t. 9 (1851), p. 592.
19. Г. Диксон интерпретирует этот отрывок, говоря о возможном участии Николауса в пятом крестовом походе. DICKSON G. *The Children's Crusade...*, p. 117—119. Однако нельзя исключить, что речь идет не об указанном «вожде» крестоносцев, а об упомянутом непосредственно перед параграфом о детском крестовом походе герцоге Леопольде Австрийском. Достоверно известно, что он принимал участие в пятом крестовом походе. POWELL J. *Anatomy of a crusade. 1213—1221*. Philadelphia. 1986, p. 117. Дополнительным аргументом служат также сведения о его пребывании на Востоке: прибыв в Палестину в 1217 г. и высадившись именно в Акре, до переброски сил в Египет, он действительно провелевал неполных два года. *Ibid.*, p. 128, 117. Можно предположить, что речь идет о невнимательном обращении хрониста с прилагательным *prefatus*.
20. Пятый крестовый поход был начат с высадки крестоносцев в Акре.
21. Осада Дамиетты в рамках пятого крестового похода продолжалась с мая 1218 по ноябрь 1219 года.
22. ANNALES ELWANGENSES. MGH SS, t. 10 (1852), p. 20.
23. CHRONICON ELWACENSE. *Ibid.*, p. 37.
24. Эльвангенская хроника в своей древнейшей части представляет собой компиляцию из Эльвангенских анналов и Нересхаймских анналов. EBERL I. *Chronicon Elwacense*. *Encyclopedia of the Medieval Chronicle*. Brill Online. http://referenceworks.brillonline.com/entries/encyclopedia-of-the-medieval-chronicle/chronicon-elwacense-SIM_00576.
25. ANNALES FLOREFFIENSES. MGH SS, t. 16 (1859), p. 626.
26. ANNALES GEMMETICENSES. MGH SS, t. 26 (1882), p. 510.
27. Вероятно, здесь имеется в виду традиционное значение в виде территории к западу от Рейна. BRÜHL C. *Op. cit.*, p. 85—87; РАЙТ ДЖ.К. *Географические представления*, с. 292.
28. OGERII PANIS ANNALES IANUENSES. MGH SS, t. 18 (1863), p. 131.
29. Трактовка термина *scarsellas* дана в версии издателя латинского текста источника.
30. ANNALES ZWIFALTENSES. MGH SS, t. 10 (1852), p. 58.
31. ANNALES NERESHEIMENSES. *Ibid.*, p. 23.
32. ANNALES SANCTI RUDPERTI SALISBURGENSES. MGH SS, t. 9 (1851), p. 780.
33. Папа Иннокентий III, 1198—1216.
34. Идентифицировано по: GRAESSE J.G.T. *Orbis Latinus; Lexikon lateinischer geographischer Namen des Mittelalters und der Neuzeit*. Braunschweig. 1972.
35. ANNALES SCHEFTLARIENSES MAIORES. MGH SS, t. 17 (1861), p. 338.
36. Речь идет о небольшом фрагменте Креста Господня, найденном в Иерусалиме вскоре после его взятия. Крестоносцы периодически брали его с собой как реликвию, идя на сражение. Традиция существовала вплоть до момента его утери после поражения при Хаттине от войск Саладина. Крест не был вновь обретен ни к моменту детского крестового похода, ни позднее. MURRAY A.V. «Mighty against the Enemies of Christ»: *The Relic of the True Cross in the Armies of the Kingdom of Jerusalem. The Crusades and their Sources*. *Essays*

- presented to Bernard Hamilton. Aldershot. 1998, p. 217—238. См. также источники № 12 первой части и № 6 второй части.
37. Скорее всего, аллегория на переход Моисея через Красное море. Подобные формулировки содержатся и в других хрониках. См. № 1, 17 в первой части, а также № 4 во второй части.
 38. AUCTARIUM MORTUI MARIS. MGH SS, t. 6 (1844), p. 467.
 39. Вероятно, под термином *regnum Francorum* здесь понимается именно территория к западу от Рейна, в целом соответствующая нынешней Франции. В значении, подчеркнуто обозначающем именно западную часть каролингского наследия, этот термин встречается уже в XI веке. BRUHL C. Naissance de deux peuples, p. 78—79. Кроме того, далее по тексту мы видим упоминание песнопения на старофранцузском языке.
 40. Имеется в виду, что они распевали эти слова на старофранцузском языке, хотя хроника передает их на латыни.
 41. Вероятно, непосредственный результат энклитики папы Иннокентия III *Quia maior* (апрель 1213 г.), открывшей кампанию по организации пятого крестового похода. Подробнее см.: FLORI J. Prêcher la croisade, p. 232—239; COLE P. J. The Preaching of the Crusades to the Holy Land. 1095—1270. Cambridge MA. 1991, p. 106—108.
 42. ANNALIUM ROTOMAGENSIIUM CONTINUATIONES. MGH SS, t. 26 (1882), p. 501.
 43. Сложно сказать, сообщению какой хроники — Мортемера или Руанской — принадлежит первенство написания. Г. Диксон предлагает считать исходной хроникой Мортемера, опираясь на сведения о ее редактировании. DICKSON G. The Genesis of Children's Crusade (1212). Idem. Religious Enthusiasm in the Medieval West: Revivals, Crusades, Saints, cap. 4, p. 35—36.
 44. CHRONICA REGIA COLONIENSIS CONTINUATIO IIa. Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum Rerum Germanicarum (MGH SRG), t. 18 (1880), p. 190—191.
 45. Г. Диксон обращает внимание на то, что промежуток от Пасхи до Пятидесятницы был типичным временем для организации различных процессий. DICKSON G.. The Genesis of Children's Crusade, p. 41-42. Историк также отмечает, что зачастую одновременно с проведением подобных культовых обрядов происходило ежегодное паломничество из церквей диоцезов к материнской церкви (в этом регионе — Нотр-Дам де Шартр) во время Пятидесятницы. Ibid., p. 42. Не исключено, что в данном случае поводом для официальной церковной процессии также стала война против сарацинов в Испании, за которую в тот момент активно ратовал папа. Ibid., p. 28—31.
 46. В это время термин обозначал однозначно территории к западу от Рейна. BRUHL C. Naissance de deux peuples..., p. 80; BEAUNE C. Naissance de la nation France. Paris. 1985, p. 418—419.
 47. Поскольку четвертый крестовый поход, хронологически ближайший к детскому, закончился взятием Константинополя и дальше на Ближний Восток направлен не был, речь, по-видимому, идет о третьем крестовом походе под предводительством Филиппа Августа и Ричарда Львиное Сердце (1189—1192).
 48. CHRONICA REGIA COLONIENSIS CONTINUATIO IIIa. MGH SRG, t. 18 (1880), p. 234.
 49. Переход немецких детей через Альпы мог быть совершен несколькими способами. См.: DICKSON G. The Children's Crusade..., p. 107—108. Есть упоминание, что путь пролегал через Пьяченцу. См. № 13, 16.
 50. Несмотря на то, что данный термин обозначал в то время и, прежде всего, в современной историографии «классических» лангобардов, которые вторглись в Италию в VI в. и уже в VIII в. были завоеваны Карлом Великим, в XII—XIII вв. он также применялся для обозначения определенной области Италии и ее населения. Найденные нами примеры употребления этого термина в этот период указывают на то, что речь шла скорее о Северной Италии и Милане в частности. В хронике Ачербо Морены (ACERBUS MORENA Historia Frederici I. MGH. Scriptorum rerum Germanicarum. Nova series, t. 7 (1930), p. 136) встречается формулировка *Papiensium aliorumque Longobardorum*, то есть к лангобардам причисляются жители Павии. В другом фрагменте той же хроники (p. 156) среди городов Лангобардии названы Бергамо, Комо и Павия. Штаденские анналы (ALBERTUS ABBAS, Annales Stadenses. MGH SS, t. 16 (1859), p. 299) сообщают о том, что папа Урбан III был *natione Longobardus*, в то время как он был родом из Милана. В Кратких миланских анналах (ANNALES MEDIOLANENSIS BREVES. MGH SS, t. 18 (1863), p. 391) говорится о случившемся в 1212 г. голоде в Ломбардии и о больших проблемах с этим в Милане. В Марбахских анналах (ANNALES MARBACENSES. MGH SRG, t. 10 (1905), p. 30) Пьяченца названа частью Лангобардии (*in Longobardia apud Placentiam*). Подобные случаи употребления очень хорошо соотносятся с

- данными приведенного фрагмента, в котором дети приходят с севера и вступают в Северную Италию. Мы не располагаем никакими сведениями других хроник о пребывании детей в средней или южной Италии.
51. CHRONICON UNIVERSALE ANONYMI LAUDUNENSIS. Leipzig. 1909, p. 70—71.
 52. Соответствует современной коммуне Клоье-на-Луаре (Cloyes-sur-le-Loir), расположенной в департаменте Эр и Луар (центральная Франция).
 53. Вандом (Vendome) в наши дни относится к департаменту Луар-и-Шер (центральная Франция). Дистанция от Клоье, действительно, небольшая и составляет около 30 км.
 54. В средние века встречается в этом значении. NIERMEYER J.F. *Mediae Latinitatis lexicon minus* = Medieval Latin dictionary = Lexique latin médiéval = Mittellateinisches Wörterbuch. Leiden-Boston. 2002, p. 1447.
 55. Другие упоминания о совете французского короля с парижскими магистрами (учеными священниками) и вообще о детском походе в официальных документах неизвестны. Однако источник № 2 во второй части сообщает о направлении похода детей на Париж. Подробнее об этом см.: DICKSON G. *The Children's Crusade...*, p. 75—76.
 56. JOHANNIS CODAGNELLI ANNALES PLACENTINI. MGH SRG, t. 23 (1901), p. 42.
 57. SICARDI DE CREMONA CRONICA. MGH SS, t. 31 (1903), p. 180—181.
 58. WALTERI DE COVENTRIA. *Memoriale*. London. 1873, vol. 2, p. 205. П. Рэдтс отмечает, что, хотя сама хроника и написана после 1250 г., сообщение о детском походе копируется из более ранней хроники и написано в 1227 году. RAEDTS P. *Op. cit.*, p. 272.
 59. ALBERTI STADENSES ANNALES. MGH SS, t. 16 (1859), p. 355.
 60. В папских документах нет никаких сведений о его реакции на детский крестовый поход.
 61. ALBRICI MONACHI TRIUM-FONTIUM CHRONICON. MGH SS, t. 23 (1874), p. 893—894.
 62. Папа Григорий IX. 1227—1241.
 63. Данный источник — единственный, который сообщает о существовании этой церкви. Формально на острове святого Петра, расположенном рядом с Сардинией, и в наши дни имеется некая церковь «Новых Невинных» (Chiesa dei Novelli Innocenti), однако в последнее время по поводу реальности существования такой церкви в средние века и достоверности сообщения Альберика высказываются сомнения. Диксон обратил внимание на то, что никаких папских документов, подтверждающих эти сведения, нет. DICKSON G. *The Children's Crusade...*, p. 145. Недавняя статья К. Грассо подробно анализирует достоверность этого сообщения, также подвергая его сомнению: документы о заселении острова в новое время сообщают, что в средние века остров был в целом заброшен, и хотя при его заселении были найдены руины какой-то церкви, последняя скорее могла иметь связь с культом святого апостола Петра. GRASSO C. *La memoria contesa dei Novelli Innocenti. Un maestro insolito*. Scritti per Franco Cardini. Firenze. 2010, p. 83—100.
 64. Вероятно, речь идет о Беджайе (Bugia), расположенной на современной территории Алжира в прибрежной зоне.
 65. В тексте стоит *panem camelinam*, однако в данном случае мы разделяем предположения издателя латинского текста, что здесь имеет место ошибка и правильным вариантом является *carnem camelinam*.
 66. Очевидно, что речь здесь идет о Багдаде, ибо в другом фрагменте хроники (p. 872) имеется формулировка «*califas, id est apostolicus in Baldach*», прямо указывающая на местонахождение в этом городе халифа, резиденцией которого, как известно, был именно Багдад.
 67. Фридрих II Гогенштауфен, император Священной Римской империи (1220—1250), король Сицилии (1208—1250).
 68. ANNALES MARBACENSES. MGH SRG, t. 9 (1907), p. 82—83.
 69. Имеется в виду обет участия в крестовом походе, который принимал крестоносец перед отправлением. Уже источники по истории первого крестового похода упоминают о существовании понятия подобного обета. BRUNDAGE J.A. *Medieval canon law and the crusader*. Madison-Milwaukee-London. 1969, p. 37—39.
 70. CHRONICON EBERSHEIMENSE. MGH SS, t. 23 (1874), p. 450.
 71. Вероятно, ошибка переписчика. Существующие базы данных средневековых латинских текстов не содержат сведений о других случаях упоминания данного города. Нигде в других опубликованных нами источниках прибытие детей в Вену не упоминается.
 72. Термин *malignus* мог употребляться в средние века в значении «дьявол». NIERMEYER J.F. *Mediae Latinitatis lexicon minus*, p. 824.

73. GESTA TREVERORUM CONTINUATA: CONTINUATIO IV. MGH SS, t. 24 (1879), p. 398—399.
74. Имеется в виду избрание архиепископа, о котором говорится выше по тексту в этой хронике.
75. Этот знак упоминается в Вульгате всего один раз — в истории о наказании Богом жителей Иерусалима: у тех, кто не должен был пострадать, были отметки на лбах (Иезекииль, 9:4-6). Однако в традиции библейских комментариев считалось, что именно такой символ изображался также при отметке кровью агнцев дверей евреев, дабы они не пострадали во время последней казни египетской (Исход 12:21—28). MICCOLI G. La Crociata dei Fanciulli del 1212. Studi Medievali 2 (1961), p. 422. В результате этот знак стал символом божественной защиты и покровительства его обладателям. Более подробные комментарии об этом знаке см.: Ibid., p. 421—430; CARDINI F., DEL NERO D. La crociata dei fanciulli, p. 89—93.
76. MATTHAEI PARISIENSIS CHRONICA MAJORA. Vol. 2. London. 1874, p. 558.
77. Данное определение характеризовало в средние века дьявола. MAXOV A.E. Hostis antiquus. Категории и образы средневековой христианской демонологии. М. 2006, с. 103.
78. Здесь описание лидера детей очень похоже на описание другого «народного» крестоносного лидера Петра Пустынника, одного их видных предводителей так называемого «похода бедноты», предшествовавшего первому крестовому походу. См.: ЗАБОРОВ М.А. Крестовые походы в документах и материалах. М. 1977, с. 56—57.
79. WILLELMI CHRONICA ANDRENSIS. MGH SS, t. 24 (1879), p. 754.

В.Н. ЗЕМЦОВ. *Наполеон в Москве.* М. Медиа-Книга. 2014. 364 с., илл.

Отечественная война 1812 г. является одним из ключевых событий наполеоновской эпохи. Однако исследование хода и сути событий, произошедших в 1812 г., еще далеко до своего завершения. Помимо реконструкции военных действий историки последних десятилетий все чаще пытаются проникнуть в сознание человека той эпохи, используя методы и подходы микроистории и исторической памяти. К подобного рода новаторским исследованиям можно отнести новую работу известного российского историка В.Н. Земцова «Наполеон в Москве».

События, имевшие место в первопрестольной русской столице, стали переломным моментом всей кампании 1812 года. Вхождение Наполеона в Москву было вершиной его побед. Выход из нее — началом его поражений и гибели. В сущности, ответы на вопросы, связанные с пребыванием армии Наполеона в Москве, помогают не только в разрешении загадок войны 1812 г., но и в постижении причин кризиса и краха всей наполеоновской империи. Между тем, ни по одному из этих вопросов (причины московского пожара, планы Наполеона на отступление, обстоятельства, предreshившие длительное пребывание французского императора в Москве и многие другие) убедительного ответа не существует.

Рецензируемая монография предлагает вполне обоснованные версии разрешения этих

проблем. Помимо использования широкого круга источников — делопроизводственных бумаг из архивов Москвы и Парижа, огромного пласта документов личного происхождения в виде дневников, воспоминаний и писем, иконографических, картографических и прочих материалов — автор попытался существенно обогатить и методологический инструментарий исследуемой темы. Он активно применяет подходы, используемые в микроисторических исследованиях, в изучении проблем исторической памяти, интеллектуальной истории, в «новой историографии» и т.д.

Центральной фигурой повествования, естественно, является Наполеон. Автор предоставляет читателю возможность прожить рядом с французским императором судьбоносные для всего мира дни сентября-октября 1812 г., увидеть, как в каждодневной рутине, заполненной заботами о передвижении частей, снабжении солдат продовольствием и боеприпасами, устройством раненых и «московских иностранцев», возникали и выкристаллизовывались в уме великого властителя важнейшие решения политического и военного характера.

По мнению автора монографии, Наполеон вошел в Москву, уверенный в быстром завершении войны, и поэтому оказался склонен проявить беспечность в отношении возможности организации русскими поджогов в го-

роде. Позже, когда факт целенаправленного поджога Москвы стал уже очевиден, французский император упорно демонстрировал свою непричастность к уничтожению города, возлагая всю вину за содеянное исключительно на генерал-губернатора Ф.В. Ростопчина и демонстрируя тем самым готовность к мирным переговорам. В свою очередь, среди солдат французской армии бытовали разнообразные версии, относительно виновников пожара; называлось нередко и имя Александра I. Земцов, проанализировав на этот счет отправленные из Москвы письма французских солдат, заметил, что имя русского императора как вдохновителя пожара постепенно, благодаря мерам командования наполеоновской армии (был, в частности, проведен показательный судебный процесс над «поджигателями»), в посланиях на родину постепенно исчезает. Окончательная «кристаллизация» французской версии московского пожара произойдет в 1823 г. под воздействием исследования Ж. Шамбре и мемуаров самого Наполеона. В итоге причиной московского пожара французы неизменно будут называть действия Ф.В. Ростопчина.

Среди целого ряда загадок, порожденных событиями 1812 г., и к разрешению которых обратился Земцов, особо следует указать на судьбу «московских сокровищ» Наполеона. Не претендуя на окончательное разрешение этой, уже двухвековой, тайны, автор показал, как именно формировалась легенда о «золотом» кресте с колокольни Ивана Великого. Предложенный Земцовым опыт «деконструкции» мифа может стать важным инструментом для решения проблемы «сокровищ Наполеона» в целом.

Концентрируя внимание читателя на «ключевых» событиях и персонажах истории Москвы периода оккупации, автор исследования вместе с тем не обделяет вниманием и судьбы десятков, а то и сотен рядовых персонажей московской эпопеи. На страницах книги оказались запечатленными образы простых офицеров и солдат Великой армии, несчастных московских погорельцев, как русских, так и иностранцев, детей и женщин, оставшихся без крова, безжалостных грабителей и мужественных спасителей чужих жизней.

Обращаясь к ключевому вопросу темы, — причинам, заставившим Наполеона столь долго пребывать на пепелище Москвы, — автор предложил в качестве объяснения этого следующие факторы: во-первых, Наполеону было

необходимо хотя бы частично восстановить силы армии; во-вторых, сыграли свою роль политические соображения, связанные с возможностью негативной реакции европейских стран на быстрое оставление наполеоновской армией русской столицы; в-третьих, с вопросом реакции Европы, больше политическим, чем военным, была связана проблема флангов Великой армии, которые, во многом, обеспечивали австрийские, прусские и баварские полки; в-четвертых, Наполеон и его командование было убеждено в плачевном состоянии русской армии; в-пятых, Наполеона удерживала в сожженном городе надежда на заключение мира с русскими, более того, убежденность в том, что мир может быть подписан только в случае, если французская армия будет находиться именно в Москве; в-шестых, в целом мягкая и теплая погода, установившаяся в Москве в последней декаде сентября — первой декаде октября, серьезно дезориентировала Наполеона, уверенного в том, что даже затянувшееся пребывание в русской столице не помешает ему вовремя перевести армию на зимние квартиры поближе к Польше.

Помимо всех этих факторов Земцов особо остановился на роли слухов, также предопределивших отказ французского императора от быстрого оставления Москвы. Автору удалось показать, как слухи, рождавшиеся в среде французской армии, а нередко и преднамеренно распространявшиеся ее командованием, проникая в русскую среду, затем возвращались к французам, порождая у них иллюзию скорого достижения мира.

В завершении своей работы автор констатирует, что важнейшим «просчетом» Наполеона стало то, что он «недооценил противника в плане его готовности пойти на немыслимые для западноевропейского ума жертвы».

Новая монография Земцова, безусловно внесет существенный вклад в историографию войны 1812 г. и наполеоновских войн в целом.

А.А. ПОСТНИКОВА

Примечания

Данная рецензия выполнена в рамках государственного задания № 2014/392 (проект № 1900 — Политическая лингвистика: метафоричность, прецедентность и креолистичность»).

Учредитель: ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»

**Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.
Регистрационный № 894**

Главный редактор А.А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

**М.А. Лагода, Е.П. Лебедева, Б.В. Левшин, В.В. Поликарпов, О.А. Ржешевский,
В.В. Шелохаев, В.Л. Янин**

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна
Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переписку

«Вопросы истории» № 8, 2014

Адрес: Редакция журнала «Вопросы истории».
Малый Путинковский пер., дом 1/2, Москва, К-6, ГСП-4, 127994.
Телефон: (495) 650-96-21. E-mail: 095history@mail.ru

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции

Подписано в печать 25.07.2014. Формат 70x108¹/₁₆. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 18,00. Тираж 1800. Заказ 3094. Индекс 70145.

ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»

Дорогие читатели!

**Подписку на журнал «Вопросы истории»
можно оформить
в любом почтовом отделении
Российской Федерации:**

**по Объединенному каталогу «Пресса России»
на первое полугодие 2015 г., т. 1.
Подписка проводится
Агентством «АРЗИ»**

**Подписной индекс для подписчиков
70145**

**Жители Москвы и Московской области
могут оформить подписку на журнал
непосредственно в редакции по адресу:**

*Москва, Пушкинская пл., Малый Путинковский пер., дом 1/2,
3-й этаж, тел. (495) 650-96-21*

ВИ
**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**